АРКАДИЙ ГАЙДАР

АРКАДИЙ ГАЙДАР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„Детская литература"
МОСКВА 1972

АРКАДИЙ ГАЙДАР

ТОМ ТРЕТИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„Детская литература"
МОСКВА 1972

Р2
Г14

В подготовке издания принимали участие

Т. А. ГАЙДАР, Л. А. КАССИЛЬ, В. Г. КОМПАНИЕЦ, Ф. Е. ЭБИН

7—6—3

ДЫМ В ЛЕСУ

Моя мать училась и работала на большом новом заводе, вокруг которого раскинулись дремучие леса.

На нашем дворе, в шестнадцатой квартире, жила девочка. Звали ее Феня. Ее отец был летчиком.

Однажды, когда Феня стояла на дворе и смотрела в небо, на нее напал незнакомый вор-мальчишка и вырвал из ее рук конфету.

Я в это время сидел на крыше дровяного сарая и глядел на запад, где далеко за рекой Кальвой, как

говорят, на сухих торфяных болотах, горел вспыхнувший позавчера лес.

Но огня я не увидел, а разглядел только облачко белесоватого дыма, едкий запах которого доносился к нам до поселка и мешал людям сегодня ночью спать.

Услыхав жалобный Фенин крик, я, как ворон, слетел с крыши и вцепился в спину мальчишки. Он взвыл от страха. Выплюнул уже засунутую в рот конфету и, ударив меня в грудь локтем, умчался прочь.

Я сказал Фене, чтоб она не орала, и строго-настрого запретил ей поднимать с земли конфету. Потому что если все люди будут доедать уже обсосанные кем-то конфеты, то толку из этого получится мало.

А чтобы даром добро не пропадало, мы подманили серого кутенка Брутика и запихали ему конфету в пасть. Он сначала пищал и вырывался — должно быть, думал, что суют чурку или камень. Но когда раскусил, то весь затрясся, задергался от радости и стал нас хватать за ноги.

— Я бы попросила у мамы другую,— задумчиво сказала Феня,— только мама сегодня сердитая и, пожалуй, другой не даст.

— Должна дать,— решил я.— Пойдем к ней вместе. Я расскажу, как было дело, и она над тобой, наверное, сжалится.

Тут мы взялись за руки и пошли к тому корпусу, где была шестнадцатая квартира. А когда мы переходили по доске канаву, ту, что разрыли водопроводчики, то я крепко держал Феню за воротник, потому что было ей тогда года четыре, ну, может быть, пять, а мне уже давно пошел двенадцатый.

Мы поднялись на самый верх и тут увидели, что следом за нами по лестнице пыхтит и карабкается хитрый Брутик.

...Дверь в квартиру была не заперта, и едва мы вошли, как Фенина мать бросилась дочке навстречу. Лицо ее было заплакано. В руке она держала голубой шарф и кожаную сумочку.

— Горе ты мое горькое!— воскликнула она, подхватывая Феню на руки.— И где ты так измызгалась, извазякалась? Да сиди же ты и не вертись, несчастливое созданье! Ой, у меня и без тебя беды немало!..

Все это она говорила быстро-быстро. А сама то хватала конец мокрого полотенца, то расстегивала грязный Фенин фартук. Тут же смахивала со своих щек слезы и, видать, куда-то очень торопилась.

— Мальчик,— попросила она,— ты человек хороший. Ты мою дочку любишь. Я через окно все видела. Останься с Феней на час в квартире. Мне очень некогда. А я тебе тоже когда-нибудь добро сделаю.

Она положила руку мне на плечо, но ее заплаканные глаза глядели на меня холодно и настойчиво.

Я был занят, мне пора было идти к сапожнику за мамиными ботинками, но я не смог отказаться и согласился, потому что когда о таком пустяке человек просит такими настойчивыми, тревожными словами, то, значит, пустяк этот совсем не пустяк и, значит, беда ходит где-то совсем рядом.

— Хорошо, мама,—вытирая мокрое лицо ладонью, обиженным голосом сказала Феня.— Но ты дай нам за это что-нибудь вкусное, а то нам будет скучно.

— Возьмите сами,— ответила мать, бросила на стол связку ключей, торопливо обняла Феню и вышла.

— Ой, да она от комода все ключи оставила! Вот чудо!—стаскивая со стола связку, воскликнула Феня.

— Что же тут чудесного?— удивился я.— Мы ведь свои люди, а не воры и не разбойники.

— Мы не разбойники,— согласилась Феня.— Но

когда я в тот комод лазаю, то всегда что-нибудь нечаянно разбиваю. Или вот недавно разлилось варенье и потекло на пол.

Мы достали по конфете да по прянику, а кутенку Брутику кинули сухую баранку и намазали нос медом.

Мы подошли к распахнутому окошку.

Гей! Не дом, а гора. Как с крутого утеса, отсюда видны были и зеленые поляны, и длинный пруд, и кривой овраг, за которым один рабочий убил зимой волка. А кругом леса, леса...

— Стой, не лезь вперед, Фенька!— вскрикнул я, сталкивая ее с подоконника. И, закрывшись ладонью от солнца, я глянул в окно.

Что такое? Это окно выходило совсем не туда, где речка Кальва и далекие, в дыму, торфяные болота. Однако не больше как в трех километрах из чащи леса поднималась густая туча крутого темно-серого дыма. Как и когда успел туда пожар перейти, это было мне непонятно.

Я обернулся. Лежа на полу, Брутик жадно грыз брошенный Феней пряник, а сама Феня стояла в углу и смотрела на меня злыми глазами.

— Хулиган! — сердито сказала она.— Тебя мама оставила со мной играть, а ты зовешь меня Фенькой и от окна толкаешься. Возьми тогда и уходи совсем из нашего дома!

— Фенечка,— позвал я,— беги сюда скорее, смотри, что внизу делается!

Внизу же делалось вот что.

Промчались галопом по улице два всадника.

С лопатами за плечами мимо памятника Кирову по круглой Первомайской площади торопливо прошагал отряд человек в сорок.

Распахнулись главные ворота завода, и оттуда выкатились пять грузовиков, набитых людьми до отказа. С воем обгоняя пеший отряд, грузовики исчезли за поворотом у школы.

Внизу по улицам стайками шныряли мальчишки. Они, конечно, всё уже разнюхали, разузнали. Я же должен был сидеть и караулить девчонку. Обидно!

Но, когда наконец завыла пожарная сирена, я не вытерпел.

— Фенечка,— попросил я,— ты посиди здесь одна, а я ненадолго во двор сбегаю.

— Нет,— отказалась Феня,— теперь я боюсь. Ты слышишь, как оно воет?

— Экое дело, воет! Так ведь это труба, а не волк воет! Что, она тебя съест, что ли? Ну хорошо, ты не хнычь. Давай с тобой вместе во двор спустимся. Мы там постоим минутку — и назад.

— А дверь? — хитро спросила Феня.— Мама от двери ключей не оставила. Мы хлопнем, замок защелкнется, и тогда как? Нет, Володька, ты уж лучше сядь тут и сиди.

Но мне не сиделось. Поминутно бросался я к окну и громко досадовал на Феню:

— Ну почему я должен тебя караулить? Что ты, корова или лошадь? Или ты не можешь маму одна дождаться? Другие девчонки всегда сидят и дожидаются. Возьмут какую-нибудь тряпку, лоскутик... куклу сделают — ай-ай, бай-бай. Ну, не хочешь тряпку — сидела бы слона рисовала, с хвостом, с рогами.

— Не могу,— упрямо ответила Феня.— Я если одна останусь, то могу открыть кран, а закрыть позабуду. Или могу разлить на стол всю чернильницу. Вот один раз упала с плиты кастрюля, а другой раз застрял в замке гвоздик. Мама пришла, ключ толкала-

толкала, а дверь не отпирается Потом позвала дядьку, и он замок выломал. Нет,— вздохнула Феня,— одной оставаться очень трудно.

— Несчастная! — завопил я.— Кто ж это тебя заставляет открывать кран, опрокидывать чернила, спихивать кастрюли и заталкивать в замок гвозди? Я бы на месте твоей мамы взял веревку да вздул тебя хорошенько.

— Дуть нельзя,— убежденно ответила Феня и с веселым криком бросилась в переднюю, потому что вошла ее мать.

Быстро и внимательно посмотрела она на свою дочку. Оглядела комнату и, усталая, опустилась на диван.

— Пойди вымой лицо и руки,— приказала она Фене.— Сейчас за нами придет машина, и мы поедем на аэродром, к папе.

Феня взвизгнула, наступила на лапу Брутику, сдернула с крючка полотенце и, волоча его по полу, убежала на кухню.

Меня бросило в жар. Я еще ни разу не был на аэродроме, который находился километрах в пятнадцати от нашего завода.

Даже в День авиации, когда всех школьников возили туда на грузовиках, я не поехал, потому что перед этим я выпил четыре кружки холодного квасу, чуть не оглох и, обложенный грелками, целых три дня лежал в постели.

Я проглотил слюну и осторожно спросил у Фениной матери:

— И долго вы там с Феней на аэродроме будете?

— Нет. Мы только туда и сейчас же обратно.

Пот выступил на моем лбу, и, вспомнив обещание сделать для меня добро, набравшись смелости, я попросил:

— Знаете что, возьмите и меня с собой на аэродром.

Фенина мать ничего не ответила и, казалось, просьбы моей не слыхала. Она подвинула к себе зеркальце, провела напудренной ватой по своему бледному лицу, что-то прошептала, потом поглядела на меня.

Должно быть, вид мой был очень смешон и печален, потому что, слабо улыбнувшись, она одернула съехавший мне на живот пояс и сказала:

— Хорошо! Я знаю, что ты любишь мою дочку. И, если тебя дома отпустят, тогда поезжай.

— Он меня вовсе не любит,— вытирая лицо, сурово ответила из-под полотенца Феня.— Он обозвал меня коровой и сказал, чтобы меня дули.

— Но ты же меня, Фенечка, первая обругала,— испугался я.— И потом, я просто пошутил. Я же за тебя всегда заступаюсь.

— Это верно,— с азартом растирая полотенцем щеки, подтвердила Феня.— Он за меня всегда заступается. А Витька Крюков только один раз. А есть такие сами хулиганы, что ни одного раза.

Я помчался домой, но во дворе наткнулся на Витьку Крюкова. И тот, не переводя духа, выпалил мне разом, что через границу к нам пробрались три белогвардейца и это они подожгли лес, чтобы сгорел наш большой завод.

Тревога! Я ворвался в квартиру, но тут было все тихо и спокойно. За столом, склонившись над листом бумаги, сидела моя мама и маленьким циркулем наносила на чертеж какие-то кружочки.

— Мама,— взволнованно окликнул я,— ты дома?

— Осторожней,— ответила мать,— не тряси стол.

— Мама, что же ты сидишь? Ты уже слышала про белогвардейцев?

Мать взяла линейку и провела по бумаге длинную тонкую черточку.

— Мне, Володька, некогда. Ну, перебежали. Ну, их и без меня скоро поймают. Ты бы сходил к сапожнику за моими ботинками.

— Мама,— взмолился я,— до того ли теперь? Можно, я поеду с Феней и ее матерью на аэродром? Мы только туда и сейчас же обратно.

— Нет,— ответила мать.— Это ни к чему.

— Мама,— настойчиво продолжал я,— помнишь, как вы с папой хотели взять меня на машине в Иркутск? И я уже собрался, но пришел еще какой-то товарищ. Места не хватало, и ты тихонько попросила (тут мать оторвалась от чертежа и на меня посмотрела), и ты меня попросила, чтобы я не сердился и остался. И я тогда не сердился, замолчал и остался. Ты это помнишь?

— Да, теперь помню.

— Можно, я с Феней поеду на машине?

— Можно,— ответила мать и огорченно добавила:—Варвар ты, а не человек, Володька! У меня и так времени в обрез до зачета, а теперь я сама должна идти за ботинками.

— Мама,— счастливо забормотал я,— а ты не жалей... Ты надень свои новые туфли и красное платье. Погоди, я вырасту — подарю тебе шелковую шаль, и совсем ты у нас будешь как грузинка.

— Ладно, ладно, проваливай! — улыбнулась мать.— Заверни себе на кухне две котлеты и булку. Ключ захвати, а то вернешься — меня дома не будет.

Я быстро собрался. В левый карман затолкал сверток, в правый сунул оловянный, но похожий на настоящий браунинг и выскочил во двор, куда как раз въезжала легковая машина.

Первой прибежала Феня, за ней Брутик. Мы важно сидели на мягких кожаных подушках, а маленькие ребятишки толпились вокруг машины и нам завидовали.

— Знаешь что,— покосившись на шофера, сказала мне шепотом Феня,— давай возьмем с собой Брутика. Посмотри, как он прыгает и вихляется.

— А твоя мама?

— Ничего. Она сначала не заметит, а потом мы скажем, что сами не заметили. Иди сюда, Брутик!.. Да иди ты, дурачок лохматый!

Схватив кутенка за шиворот, она втащила его в кабину, затолкала в угол, закрыла платком и — такая хитрющая девка! — заметив подходившую мать, стала пристально разглядывать электрический фонарик на потолке кабины.

Машина выкатилась за ворота, повернула и помчалась по шумной и встревоженной улице. Дул сильный ветер, и запах дыма уже заметно щипал ноздри.

На ухабистой дороге машину качало и подбрасывало. Кутенок Брутик, высунув голову из-под платка, недоуменно прислушивался к тарахтению мотора.

По небу метались встревоженные галки. Пастухи громким щелканьем бичей сердито сгоняли обеспокоенное и мычащее стадо. Возле одинокой сосны стояла стреноженная лошадь и, насторожив уши, нюхала воздух.

Промчался мимо нас мотоциклист. И так быстро летела его машина, что только успели мы обернуться к заднему окошечку, как он уже показался нам маленьким-маленьким, как шмель или даже как простая муха.

Мы подъехали к опушке высокого леса, и тут красноармеец с винтовкой загородил нам дорогу.

— Дальше нельзя,— предупредил он,— поворачивайте обратно.

— Можно,— ответил шофер,— это жена летчика Федосеева.

— Хорошо,— сказал тогда красноармеец,— вы подождите.

Он вынул свисток и, вызывая начальника, дважды свистнул.

Пока мы ожидали, подошли еще двое военных. Они держали на привязи огромных собак. Это были ищейки из отряда охраны — овчарки Ветер и Лютта.

Я поднял Брутика и сунул его в окошко. Увидав таких страшил, он робко вильнул хвостиком. Но Ветер и Лютта не обратили на него никакого внимания.

Подошел человек без винтовки, с наганом. Узнав, что это едет жена летчика Федосеева, он приложил руку к козырьку и, пропуская нас, махнул рукой часовому.

— Мама,— спросила Феня,— отчего если едешь просто, то тогда нельзя, а если скажешь «жена летчика Федосеева», то тогда можно? Хорошо быть женой Федосеева. Правда?

— Молчи, глупая! — ответила мать.— Что ты городишь, и сама не знаешь!

Запахло сыростью. В просвет между деревьями мелькнула вода. И вот оно раскинулось справа—длинное и широкое озеро Куйчук. Странная, невиданная картина открылась перед нашими глазами. Дул ветер, белыми барашками пенились волны озера, а на далеком противоположном берегу ярким пламенем горел лес. Даже сюда, через озеро, за километр, вместе с горячим воздухом доносился гул и треск.

Охватывая хвою смолистых сосен, пламя мгновенно взвивалось к небу и тотчас же падало на землю. Оно

крутилось волчком понизу и длинными жаркими языками лизало воду озера. Иногда валилось дерево, и тогда от его удара поднимался столб черного дыма, но тут же налетал ветер и рвал его в клочья.

— Там подожгли ночью,— хмуро объяснил шофер.— Их давно бы изловили собаками, но огонь замел следы, и Лютте работать трудно.

— Кто зажег? — шепотом спросила меня Феня.— Разве это зажгли нарочно?

— Злые люди,— тихо ответил я.— Они хотели бы сжечь всю землю.

— И они скоро сожгут?

— Еще что! А ты видела наших с винтовками? Их переловят быстро.

— Их переловят,— поддакнула Феня.— Только скорей бы, а то жить страшно. Правда, Володя?

— Это тебе страшно, а мне нисколько. У меня папа на войне был и то не боялся.

— Так ведь то папа... И у меня тоже папа...

Машина вырвалась из лесу, и мы очутились на большой поляне, где раскинулся аэродром.

Фенина мать приказала нам вылезти и не отходить далеко, а сама пошла к дверям большого бревенчатого здания.

И когда она проходила, то все летчики, механики и все люди, что стояли у крыльца, разом притихли и молча с ней поздоровались.

Пока Феня бегала с Брутиком вокруг машины, я притерся к кучке людей и из их разговора понял, что Фенин отец, летчик Федосеев, на легкой машине вылетел вчера вечером обследовать район лесного пожара. Но вот уже прошли почти сутки, а он еще не возвращался.

Значит, с машиной случилась авария или у нее бы-

ла вынужденная посадка. Но где? И счастье, если не в том краю, где горел лес, потому что за сутки огонь разметало почти на двадцать квадратных километров.

Тревога! Нашу границу перешли три вооруженных бандита! Их видел конюх совхоза «Истра».

Но выстрелами вдогонку они убили его лошадь, ранили самого в ногу, и поэтому конюх добрался до окраины нашего поселка так поздно.

Разгневанный и взволнованный, размахивая своим оловянным браунингом, я шагал по полю до тех пор, пока не стукнулся лбом об орден на груди высокого человека, который шел к машине вместе с Фениной матерью.

Сильной рукой человек этот остановил меня. Посмотрел на мой оцарапанный лоб и вынул из моей руки оловянный браунинг.

Я смутился и покраснел.

Но человек этот не улыбнулся, не сказал ни одного насмешливого слова. Он посмотрел, взвесил на своей ладони мое оружие. Вытер его о рукав кожаного пальто и вежливо протянул мне обратно.

Позже я узнал, что это был комиссар эскадрильи. Он проводил нас до самой машины и еще раз повторил, что летчика Федосеева беспрестанно ищут с земли и с воздуха.

Мы покатили домой. Уже вечерело. Почуяв, что дело неладно, опечаленная Феня тихонько сидела в уголке, с Брутиком больше не играла. И наконец, уткнувшись матери в колени, она нечаянно задремала.

Теперь все чаще и чаще нам приходилось замедлять ход и пропускать встречных.

Проносились грузовики, военные повозки. Прошла саперная рота. Промчался легковой красный автомо-

биль, не наш, а чей-то чужой — должно быть, какого-нибудь начальника из Иркутска.

И только что дорога стала посвободней, только что наш шофер дал ходу, как вдруг что-то хлопнуло, и машина остановилась.

Шофер слез, обошел машину, выругался, подняв с земли оброненный кем-то железный зуб от грабель, и, вздохнув, заявил, что лопнула камера и ему придется менять колесо.

Чтобы шоферу легче было поднимать машину домкратом, Фенина мать, я, а за мной и Брутик вышли.

Пока шофер готовился к починке и доставал из-под сиденья разные инструменты, Фенина мать ходила по опушке, а мы с Брутиком забежали в лес и здесь, в чаще, стали бегать и прятаться. Если он меня долго не находил, то от страха начинал выть ужасно.

Мы заигрались. Я запыхался, сел на пенек и задумался. Услышав далекий гудок, я подскочил и, кликнув Брутика, помчался.

Однако через две-три минуты я остановился, сообразив, что это гудела никак не наша машина. У нашей звук был многоголосый, певучий, а эта рявкала грубо, как грузовик.

Тогда я повернул вправо и, как мне показалось, направился прямо к дороге.

Издалека донесся сигнал. Теперь уже гудела наша машина. Но откуда, я не совсем понял.

Круто повернув еще правей, я побежал изо всех сил.

Путаясь в траве, маленький Брутик скакал за мной.

Если бы я не растерялся, я должен был бы стоять на месте или продвигаться потихоньку, выжидая новых и новых сигналов. Но меня охватил страх. С разбегу я врезался в болотце, кое-как выбрался на сухое

место. Чу, опять сигнал! Мне нужно было повернуть обратно. Но, опасаясь топкого болотца, я решил обойти его, завертелся, закрутился и наконец напрямик, через чащу, в ужасе понесся куда глядели глаза.

...Уже давно скрылось солнце. Огромная, меж облаков сверкала луна. А дикий путь мой был опасен и труден. Теперь я шел не туда, куда мне было надо, а шагал там, где дорога была полегче.

Молча и терпеливо бежал за мной Брутик. Слезы давно были выплаканы, горло от криков и ауканья охрипло, лоб был мокрый, фуражка пропала, а поперек щеки моей тянулась кровавая царапина.

Наконец, измученный, я остановился и опустился на сухую траву, что раскинулась по вершине отлогого песчаного бугра. Так лежал я неподвижно до тех пор, пока не почувствовал, что передохнувший Брутик с ожесточенным упорством тычется носом в мой живот и нетерпеливо царапает меня лапой. Это он учуял в моем кармане сверток и требовал еды. Я отломил ему кусок булки, дал полкотлеты. Нехотя сжевал остальное сам, потом разгреб в теплом песке ямку, нарвал немножко сухой травы, вынул свой оловянный браунинг, прижал к себе кутенка и лег, решив ждать рассвета не засыпая.

В черных провалах меж деревьями, в неровном, неверном свете луны всё мне чудились то зеленые глаза волка, то мохнатая морда медведя. И казалось мне, что, прильнув к толстым стволам сосен, повсюду затаились чужие и злобные люди. Проходила минута, другая — исчезали и таяли одни страхи, но со всех сторон возникали другие.

И так этих страхов было много, что, отвертев себе шею, вконец ими утомленный, я лег на спину и стал смотреть только в небо.

Хлопая посоловелыми глазами, чтобы не заснуть, я принялся считать звезды. Насчитал шестьдесят три штуки, сбился, плюнул и стал следить за тем, как черная, похожая на бревно туча нагоняет другую и хочет ударить ей прямо в широко открытую зубастую пасть. Но тут вмешалось третье, худое, длинное облако, и своей кривой лапой оно взяло да и закрыло светлый фонарь луны.

Стало темно, а когда просветлело, то ни тучи-бревна, ни зубастой тучи уже не было, а по звездному небу плавно летел большой самолет.

Широко распахнутые окна его были ярко освещены. За столом, отодвинув вазу с цветами, сидела над своими чертежами моя мама и изредка поглядывала на часы, удивляясь тому, что меня так долго нет.

И тогда, испугавшись, как бы она не пролетела мимо моей лесной поляны, я выхватил свой оловянный браунинг и выстрелил. Дым окутал всю поляну, залез мне в нос и рот. И эхо от выстрела, долетев до широких крыльев самолета, дважды звякнуло, как железная крыша под ударом тяжелого камня.

Я вскочил на ноги.

Уже светало. Оловянный браунинг мой валялся на песке. Рядом с ним сидел Брутик и недовольно крутил носом, потому что переменившийся за ночь ветер пригнал на поляну струю угарного дыма. Я прислушался. Впереди, вправо, брякало железо. Значит, сон мой был не совсем сон. Значит, впереди были люди, и, следовательно, бояться мне было нечего.

В овраге, по дну которого бежал ручей, я напился. Вода была совсем теплая, почти горячая, пахла смолой и сажей. Очевидно, истоки ручья находились где-то в полосе огня.

За оврагом начинался невысокий лиственный лес,

из которого все живое при первом же запахе дыма убралось прочь, и только одни муравьи, как и всегда, тихо копошились возле своих рыхлых построек да серые лягушки, которым все равно посуху не ускакать далеко, скрипуче квакали у зеленого болота.

Обогнув болото, я попал в чащу. И вдруг совсем неподалеку я услышал три резких удара железом о железо, как будто бы кто-то бил молотком по жестяному днищу ведерка.

Осторожно двинулся я вперед. Мимо деревьев со сломанными, точно срезанными верхушками, мимо свежих ветвей листвы и сучьев, которыми густо была усыпана земля, я вышел на крохотную полянку. И здесь как-то боком, задрав нос и закинув крыло на ствол погнувшейся осины, торчал самолет. Внизу, под самолетом, сидел человек. Стальным гаечным ключом он равномерно колотил по металлическому кожуху мотора.

И этот человек был Фенин отец—летчик Федосеев.

Ломая ветви, я продрался к нему и его окликнул. Он отбросил гаечный ключ. Повернулся в мою сторону всем туловищем (встать он, очевидно, не мог) и, внимательно оглядев меня, удивленно спросил:

— Гей, чу́дное виденье! Из каких небес по мою душу?

— Это вы? — не зная, как начать, сказал я.

— Да, это я. А это...— он ткнул пальцем в опрокинутый самолет,— это лошадь моя. Дай спички. Народ близко?

— Спичек у меня нет, Василий Семенович, а народу никакого нет тоже.

— Как нет? О, черт! — И лицо его болезненно перекосилось, потому что он тронул с места укутанную тряпкой ногу.— А где же народ, люди?

— Людей нет, Василий Семенович. Я один, да вот... моя собака.

— Один? Гм... Собака?.. Ну у тебя и собака!.. Так что же, скажи на милость, ты здесь один делаешь? Грибы жареные собираешь, золу, уголья?

— Я ничего не делаю, Василий Семенович. Я мчался, вдруг слышу — брякает. Я и сам думал, что тут люди. А это вы, оказывается. А вас все ищут, ищут...

— Та-ак, люди... А я, значит, уже не «люди». Отчего это у тебя вся щека в крови? Возьми банку, смажь йодом да кати-ка ты, милый, во весь дух к аэродрому. Скажи там поласковей, чтобы скорей за мной послали. Они меня ищут бог знает где, а я-то совсем рядом. Чу, слышишь? — И он потянул ноздрями, принюхиваясь к сладковато-угарному порыву ветра.

— Это я слышу, Василий Семенович, только я никуда дороги не знаю. Я, видите ли, и сам заблудился.

— Фью, фью! — присвистнул летчик Федосеев.— Ну, тогда, как я вижу, дела у нас с тобой плохи, товарищ. Ты в бога веруешь?

— Что вы, что вы! — удивился я.— Да вы меня, Василий Семенович, наверное, не узнали? Я же Володька. В вашем дворе живу, в сто двадцать четвертой квартире.

— Ну вот, Володька: ты нет, и я нет. Значит, на чудеса нам надеяться нечего. Залезь-ка ты на то дерево и, что оттуда увидишь, про то мне расскажешь.

Через пять минут я уже был на самой вершине. Но с трех сторон я видел только лес, лес... А с четвертой, километрах в пяти от нас, из лесу поднималось облако дыма и медленно продвигалось в нашу сторону.

Ветер был неустойчивый, неровный, и каждую минуту он мог рвануть во всю силу.

Я слез и рассказал обо всем этом летчику Федосееву.

Он взглянул на небо: небо было неспокойное.

Летчик Федосеев задумался.

— Послушай,— спросил он,— ты карту знаешь?

— Знаю,— ответил я.— Москва, Ленинград, Минск, Киев, Тифлис...

— Эх, ты, хватил в каком масштабе! Ты бы еще начал: Европа, Америка, Африка, Азия. Я тебя спрашиваю: если я тебе по карте начерчу дорогу, ты разберешься?

Я замялся.

— Не знаю, Василий Семенович. У нас это по географии проходили, да я что-то плохо...

— Эх, голова! То-то «плохо»... Ну ладно, раз плохо, тогда лучше и не надо. Вот, смотри.— Он вытянул руку.— Отойди на поляну дальше. Повернись лицом к солнцу. Теперь повернись так, чтобы солнце светило тебе как раз на край левого глаза. Это и будет твое направление. Подойди и сядь.

Я подошел и сел.

— Ну, говори, чтó понял?

— Чтоб солнце сверкало в край левого глаза,— неуверенно начал я.

— Не сверкало, а светило. От сверкания глаза ослепнуть могут. И запомни: что бы тебе в голову ни втемяшилось, не вздумай свернуть с этого направления в сторону, а кати все прямо да прямо до тех пор, пока километров через семь-восемь ты не упрешься в берег реки Кальвы. Она тут, и деваться ей некуда. Ну, а на Кальве, у Четвертого яра, там всегда народ: там рыбаки, косари, охотники... Кого первого встретишь, к тому и кидайся. А что сказать...

Тут Федосеев посмотрел на разбитый самолет, на

— Людей нет, Василий Семенович. Я один, да вот... моя собака.

свою неподвижную, укутанную тряпками ногу, понюхал угарный воздух и покачал головой:

— А что сказать им... ты и сам, я думаю, знаешь.

Я вскочил.

— Постой! — сказал Федосеев. Он вынул из бокового кармана бумажник и протянул его мне.— Возьмешь с собой.

— Зачем? — не понял я.

— Возьми,— повторил он.— Я могу заболеть, потеряю. Потом отдашь мне, когда встретимся. А не мне, так моей жене или нашему комиссару.

Это мне совсем не понравилось, и я почувствовал, что к глазам моим подкатываются слезы, а губы у меня вздрагивают. Но летчик Федосеев смотрел на меня строго, и поэтому я не посмел его ослушаться. Я положил бумажник за пазуху, затянул покрепче ремень и свистнул Брутика.

— Постой! — опять задержал меня Федосеев.— Если ты раньше моего увидишь кого-либо из НКВД или нашего комиссара, то скажи, что в районе пожара, на двадцать четвертом участке, позавчера, в девятнадцать тридцать, я видел трех человек. Думал — охотники. Когда я снизился, то с земли они ударили по самолету из винтовок, и одна пуля пробила мне бензиновый бак. Остальное все будет понятно. А теперь, герой, ну, вперед двигай!

Тяжелое дело — спасая человека, бежать через чужой угрюмый лес к далекой реке Кальве, без дорог, без тропинок, а выбирая путь только по солнцу, которое неуклонно должно светить в край левого глаза.

Часто по пути мне приходилось обходить непролазную гущу, крутые овражки, сырые болота. Если бы не строгое предупреждение Федосеева, я десять раз успел

бы сбиться и заблудиться, потому что частенько казалось мне, что солнце солнцем, а я бегу уже назад, прямо к месту моей вчерашней ночевки.

Но так упорно продвигался я вперед и вперед, изредка останавливаясь, вытирал мокрый лоб и гладил глупого Брутика, который, вероятно, от страха катил за мной, не отставая, и, высунув длинный язык, печально глядел на меня ничего не понимающими глазами.

Через час подул резкий ветер, серая мгла наглухо затянула небо. Некоторое время солнце еще слабо обозначалось пятном, туманным и расплывчатым, потом и это пятно совсем растаяло.

Я продвигался быстро и осторожно. Но через короткое время почувствовал, что я начинаю плутать.

Небо надо мной сомкнулось, хмурое, ровное. И не то что в левый, а даже в оба глаза я не мог различить на нем ни малейшего просвета.

Прошло еще часа два. Солнца не было, Кальвы не было, сил не было, и даже страха не было, а была только сильная жажда, усталость, и я наконец повалился в тень под кустом ольхи.

«И вот она, жизнь,— закрыв глаза, думал я.— Живешь, ждешь: вот, мол, придет какой-нибудь случай, приключение, тогда я... я... А что я? Там разбит самолет. Туда ползет огонь. Там раненый летчик ждет помощи. А я, как колода, лежу на траве и ничем помочь ему не в силах».

Звонкий свист пичужки раздался где-то совсем близко. Я вздрогнул. Тук-тук! Тук-тук!—послышалось сверху. Открыв глаза, почти у себя над головой, на стволе толстого ясеня, я увидел дятла. Тут только я заметил, что лес этот уже не глухой и не мертвый. Здесь кружились над поляной желтые и синие бабочки, блистали стрекозы и неумолчно трещали кузнечики.

И не успел я приподняться, как мокрый, словно мочалка, Брутик кинулся мне прямо на живот, подпрыгнул и затрясся, широко разбрасывая холодные мелкие брызги,— он где-то выкупался. Я вскочил, бросился в кусты и радостно вскрикнул, потому что и всего-то шагах в сорока от меня в блеске сумрачного дня катила свои серые волны широкая река Кальва.

Я подошел к берегу и огляделся. Ни справа, ни слева, ни на воде, ни на берегу никого не было. Не было ни жилья, ни людей, не было ни рыбаков, ни сплавщиков, ни косарей, ни охотников. Вероятно, я забрал очень круто в сторону от того Четвертого яра, на который я должен был выйти по указу летчика Федосеева. Но на противоположном берегу, на опушке леса, не меньше чем за километр отсюда, клубился дымок, и там, возле маленького шалаша, стояла запряженная в телегу лошадь.

Острый холодок пробежал по моему телу. Руки и шея покрылись мурашками, плечи передернулись, как в лихорадке, потому что я понял, что мне нужно будет переплывать Кальву. Я же плавал плохо. Правда, я мог переплыть пруд, тот, что лежал в поселке позади кирпичных сараев. Больше того, я мог переплыть его даже туда и обратно. Но это только потому, что даже в самом глубоком месте вода доставала мне не выше подбородка.

Я стоял и молчал. По воде плыли щепки, ветки, куски сырой травы и клочья пухлой пены.

И я знал, что, раз нужно, я переплыву Кальву — она не так широка, чтобы я выбился из сил и задохнулся. Но я знал и то, что стоит мне на мгновение растеряться, испугаться глубины, хлебнуть глоток воды, и я пойду ко дну, как это со мной было год тому назад на совсем неширокой речонке Лугарке.

Я подошел к берегу, вынул из кармана тяжелый оловянный браунинг, повертел его и швырнул в воду.

Браунинг — это игрушка, а теперь мне было не до игры.

Еще раз посмотрел я на противоположный берег, зачерпнул пригоршню холодной воды. Глотнул, чтобы успокоилось сердце. Несколько раз глубоко вздохнул, шагнул в воду. И, чтобы не тратить даром сил, по отлогому песчаному скату шел я до тех пор, пока вода не достигла мне до подбородка.

Дикий вой раздался за моей спиной. Это, как сумасшедший, скакал по берегу Брутик.

Я поманил его пальцем, откашлялся, сплюнул и, оттолкнувшись ногами, стараясь не брызгать, поплыл.

Теперь, когда голова моя была над водой низко, противоположный берег показался мне очень далеким, и, чтобы не пугаться, я опустил глаза на воду.

Так, полегоньку, уговаривая себя не волноваться, а главное, не торопиться, взмах за взмахом продвигался я вперед.

Вот уже и вода похолодела, прибрежные кусты побежали вправо—это потащило меня течение. Но я это предвидел и поэтому не испугался. Пусть тащит. Мое дело — спокойней, раз, раз... вперед и вперед... Берег понемногу приближался, уже видны были серебристые, покрытые пухом листья осинника, и вода стремительно несла меня к песчаному повороту.

Ничего плохого в этом пока не было.

Вдруг позади себя я услышал голоса. Я хотел повернуться, но не решился.

Потом за моей спиной раздался плеск, и вскоре я увидел, что, высоко подняв морду и отчаянно шлепая лапами, выбиваясь из последних сил, сбоку ко мне подплывает Брутик.

«Ты смотри, брат! — с тревогой подумал я.— Ты ко мне не лезь, а то потонем оба».

Я рванулся в сторону, но течение столкнуло меня назад, и, воспользовавшись этим, проклятый Брутик, больно царапаясь когтями, полез ко мне прямо на шею.

«Теперь пропал! — окунувшись с головой в воду, подумал я.— Теперь дело кончено!»

Фыркая и отплевываясь, я вынырнул на поверхность, взмахнул руками и тотчас же почувствовал, как Брутик с отчаянным визгом лезет мне на голову.

Тогда, собравши последние силы, я отшвырнул Брутика, но тут в рот и в нос мне ударила волна. Я захлебнулся, бестолково замахал руками и опять услышал на оставленном мною берегу голоса, шум и лай.

Тут налетела еще волна, опрокинула меня с живота на спину, и последнее, что я помню,— это луч солнца сквозь тучи и чью-то страшную морду, которая, широко открыв зубастую пасть, кинулась ко мне на грудь.

Как узнал я позже, два часа спустя после того, как я ушел от летчика Федосеева, по моим следам от проезжей дороги собака Лютта привела людей к летчику. И, прежде чем попросить чего-либо для себя, летчик Федосеев показал им на покрытое тучами небо и приказал догонять меня.

В тот же вечер другая собака, по прозванию Ветер, настигла в лесу трех вооруженных людей. Тех, что перешли границу, чтобы сжечь леса, а с ними и наш новый большой завод.

Одного из них убили в перестрелке, двоих схватили. Но и им — мы знали — пощады не будет.

Я лежал дома в постели.

Под одеялом было тепло и мягко. Привычно стучал будильник. Из-под крана на кухне брызгала вода. Это

умывалась мама. Вот она вошла и сдернула с меня одеяло.

— Вставай, хвастунишка! — сказала она, терпеливо расчесывая гребешком свои густые черные волосы.— Я вчера зашла к вам на собрание и от дверей слышала, как это ты разошелся: «я вскочил», «я кинулся», «я рванулся»... А ребятишки, глупые, сидят, уши развесили. Думают — и правда.

Но я хладнокровен.

— Да,— с гордостью говорю я,— а ты попробуй-ка переплыви в одёже Кальву!

— Хорошо «переплыви», когда тебя самого из воды собака Лютта за рубашку вытащила! Уж ты бы лучше, герой, помалкивал. Я у Федосеева спрашивала. «Прибежал, говорит, ваш Володька ко мне бледный, трясется... У меня, говорит, по географии «плохо». Насилу-насилу уговорил я его бежать к реке Кальве».

— Ложь! — Лицо мое вспыхивает, я вскакиваю и гневно гляжу в глаза матери.

Но тут я вижу, что это она просто смеется, что под глазами у нее еще не растаяла бледно-синеватая дымка. Значит, совсем недавно крепко она обо мне плакала и только не хочет в этом сознаться. Такой уж у нее, в меня, характер! Она ерошит мне волосы и говорит:

— Вставай, Володька. За ботинками сбегай. Я до сих пор так и не успела.

Она берет свои чертежи, готовальню, линейки и идет готовиться к зачету.

Я бегу за ботинками, но во дворе, увидав меня с балкона, отчаянно визжит Феня.

— Иди! — кричит она.— Да иди же скорей, тебя зовет папа!

«Ладно,— думаю я,— за ботинками успею».

И поднимаюсь наверх.

Наверху Фенька с разбегу хватает меня за ноги и тянет к отцу в комнату. У него вывих ноги, и он лежит в постели забинтованный. Рядом с лекарствами возле него на столике лежит острый ножичек и стальное шило. Он над чем-то работал. Он здоровается со мной и расспрашивает меня о том, как я бежал, как заблудился и как снова нашел реку Кальву.

Потом он сует руку под подушку и протягивает мне похожий на часы блестящий, никелированный компас с крышкой, с запором и с вертящейся фосфорной картушкой.

— Возьми,— говорит он,— учись разбирать карту. Это тебе от меня на память.

Я беру. На крышке аккуратно обозначен год, месяц и число. То самое, когда я встретил Федосеева в лесу у самолета. Внизу надпись: «Владимиру Курнакову от летчика Федосеева».

Я стою молча. Погибли! Погибли теперь без возврата все мальчишки нашего двора. И нет им от меня сожаления, нет пощады!

Я жму летчику руку и выхожу к Фене. Мы стоим с ней у окна, и она что-то бормочет, бормочет, а я не слышу и не слышу.

Наконец она дергает меня за рукав и говорит:

— Все хорошо, только жаль бедного: он утонул, Брутик!

Да, Брутика жаль и мне. Но что поделаешь: раз война, так война.

— Если бы мы тогда не запихали ему в рот конфету, он бы к нам не привязался,— печально говорит Феня.

— Кто знает,— утешаю ее я,— а может быть, то-

гда пришли бы собачники, поддели бы его крюком, посадили в ящик, а потом содрали с него шкуру. Вот тебе и другая гибель. И разве она лучше?

Через окно нам видны леса. Огонь потушен, и только кое-где подымается дымок. Но и там заканчивают свое дело последние бригады.

Через окно виден наш огромный завод, тот самый, на котором работает почти весь наш новый поселок.

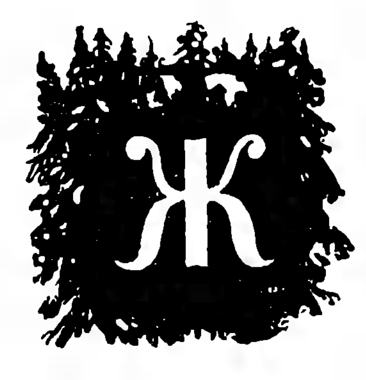
Около завода в два ряда протянута колючая проволока. А по углам под деревянными щитами день и ночь стоят часовые.

Даже отсюда нам с Феней слышно бряцание цепей, лязг железа, гул моторов и тяжелые удары парового молота. Что на этом заводе делают, мы не знаем. А если бы и знали, так не сказали бы никому, кроме одного — товарища Ворошилова.

1939 г.

ЧУК И ГЕК

ЖИЛ ЧЕЛОВЕК в лесу возле Синих гор. Он много работал, а работы не убавлялось, и ему нельзя было уехать домой в отпуск.

Наконец, когда наступила зима, он совсем заскучал, попросил разрешения у начальников и послал своей жене письмо, чтобы она приезжала вместе с ребятишками к нему в гости.

Ребятишек у него было двое — Чук и Гек.

А жили они с матерью в далеком огромном городе, лучше которого и нет на свете.

Днем и ночью сверкали над башнями этого города красные звезды.

И, конечно, этот город назывался Москва.

Как раз в то время, когда почтальон с письмом поднимался по лестнице, у Чука с Геком был бой. Короче говоря, они просто выли и дрались.

Из-за чего началась эта драка, я уже позабыл. Но помнится мне, что или Чук стащил у Гека пустую спичечную коробку, или, наоборот, Гек стянул у Чука жестянку из-под ваксы.

Только что оба эти брата, стукнув по разу друг друга кулаками, собирались стукнуть по второму, как загремел звонок, и они с тревогой переглянулись. Они подумали, что пришла их мама. А у этой мамы был странный характер. Она не ругалась за драку, не кричала, а просто разводила драчунов по разным комнатам и целый час, а то и два не позволяла им играть вместе. А в одном часе — тик да так — целых шестьдесят минут. А в двух часах и того больше.

Вот почему оба брата мигом вытерли слезы и бросились открывать дверь.

Но, оказывается, это была не мать, а почтальон, который принес письмо.

Тогда они закричали:

— Это письмо от папы! Да, да, от папы! И он, наверное, скоро приедет.

Тут, на радостях, они стали скакать, прыгать и кувыркаться по пружинному дивану. Потому что хотя Москва и самый замечательный город, но когда папа вот уже целый год не был дома, то и в Москве может стать скучно.

И так они развеселились, что не заметили, как вошла их мать.

Она очень удивилась, увидав, что оба ее прекрас-

ных сына, лежа на спинах, орут и колотят каблуками по стене, да так здóрово, что трясутся картины над диваном и гудит пружина стенных часов.

Но когда мать узнала, отчего такая радость, то сыновей не заругала.

Она только турнула их с дивана.

Кое-как сбросила она шубку и схватила письмо, даже не стряхнув с волос снежинок, которые теперь растаяли и сверкали, как искры, над ее темными бровями.

Всем известно, что письма бывают веселые или печальные, и поэтому, пока мать читала, Чук и Гек внимательно следили за ее лицом.

Сначала мать нахмурилась, и они нахмурились тоже. Но потом она заулыбалась, и они решили, что это письмо веселое.

— Отец не приедет,— откладывая письмо, сказала мать.— У него еще много работы, и его в Москву не отпускают.

Обманутые Чук и Гек растерянно глянули друг на друга. Письмо оказалось самым что ни на есть распечальным.

Они разом надулись, засопели и сердито посмотрели на мать, которая неизвестно чему улыбалась.

— Он не приедет,— продолжала мать,— но он зовет нас всех к себе в гости.

Чук и Гек спрыгнули с дивана.

— Он чудак человек,— вздохнула мать.— Хорошо сказать — в гости! Будто бы это сел на трамвай и поехал...

— Да, да,— быстро подхватил Чук,— раз он зовет, так мы сядем и поедем.

— Ты глупый,— сказала мать.— Туда ехать тысячу и еще тысячу километров поездом. А потом в са-

нях лошадьми через тайгу. А в тайге наткнешься на волка или на медведя. И что это за странная затея! Вы только подумайте сами!

— Гей-гей!— Чук и Гек не думали и полсекунды, а в один голос заявили, что они решили ехать не только тысячу, а даже сто тысяч километров. Им ничего не страшно. Они храбрые. И это они вчера прогнали камнями заскочившую во двор чужую собаку.

И так они говорили долго, размахивали руками, притопывали, подпрыгивали, а мать сидела молча, все их слушала, слушала. Наконец рассмеялась, схватила обоих на руки, завертела и свалила на диван.

Знайте, она давно уже ждала такого письма, и это она только нарочно поддразнивала Чука и Гека, потому что веселый у нее был характер.

Прошла целая неделя, прежде чем мать собрала их в дорогу. Чук и Гек времени даром не теряли тоже. Чук смастерил себе кинжал из кухонного ножика, а Гек разыскал себе гладкую палку, забил в нее гвоздь, и получилась пика, до того крепкая, что если бы чем-нибудь проколоть шкуру медведя, а потом ткнуть этой пикой в сердце, то, конечно, медведь сдох бы сразу.

Наконец все дела были закончены. Уже запаковали багаж. Приделали второй замок к двери, чтобы не обокрали квартиру воры. Вытряхнули из шкафа остатки хлеба, муки и крупы, чтобы не развелись мыши. И вот мать уехала на вокзал покупать билеты на вечерний завтрашний поезд.

Но тут без нее у Чука с Геком получилась ссора.

Ах, если бы только знали они, до какой беды доведет их эта ссора, то ни за что бы в этот день они не поссорились!

У запасливого Чука была плоская металлическая

коробочка, в которой он хранил серебряные бумажки от чая, конфетные обертки (если там был нарисован танк, самолет или красноармеец), галчиные перья для стрел, конский волос для китайского фокуса и еще всякие очень нужные вещи.

У Гека такой коробочки не было. Да и вообще Гек был разиня, но зато он умел петь песни.

И вот как раз в то время, когда Чук шел доставать из укромного места свою драгоценную коробочку, а Гек в комнате пел песни, вошел почтальон и передал Чуку телеграмму для матери.

Чук спрятал телеграмму в свою коробочку и пошел узнать, почему это Гек уже не поет песни, а кричит:

Р-ра! Р-ра! Ура!
Эй! Бей Турумбей!

Чук с любопытством приоткрыл дверь и увидел такой «турумбей», что от злости у него затряслись руки.

Посреди комнаты стоял стул, и на спинке его висела вся истыканная пикой, разлохмаченная газета. И это ничего. Но проклятый Гек, вообразив, что перед ним туша медведя, яростно тыкал пикой в желтую картонку из-под маминых ботинок. А в картонке у Чука хранилась сигнальная жестяная дудка, три цветных значка от Октябрьских праздников и деньги — сорок шесть копеек, которые он не истратил, как Гек, на разные глупости, а запасливо приберег в дальнюю дорогу.

И, увидав продырявленную картонку, Чук вырвал у Гека пику, переломил ее о колено и швырнул на пол.

Но, как ястреб, налетел Гек на Чука и выхватил у него из рук металлическую коробку. Одним махом взлетел на подоконник и выкинул коробку через открытую форточку.

Громко завопил оскорбленный Чук и с криком:

«Телеграмма! Телеграмма!»— в одном пальто, без калош и шапки, выскочил за дверь.

Почуяв неладное, вслед за Чуком понесся Гек.

Но напрасно искали они металлическую коробочку, в которой лежала еще никем не прочитанная телеграмма.

То ли она попала в сугроб и теперь лежала глубоко под снегом, то ли она упала на тропку и ее утянул какой-либо прохожий, но, так или иначе, вместе со всем добром и нераспечатанной телеграммой коробка навеки пропала.

Вернувшись домой, Чук и Гек долго молчали. Они уже помирились, так как знали, что попадет им от матери обоим. Но так как Чук был на целый год старше Гека, то, опасаясь, как бы ему не попало больше, он придумал:

— Знаешь, Гек: а что, если мы маме про телеграмму ничего не скажем? Подумаешь — телеграмма! Нам и без телеграммы весело.

— Врать нельзя,— вздохнул Гек.— Мама за вранье всегда еще хуже сердится.

— А мы не будем врать!— радостно воскликнул Чук.— Если она спросит, где телеграмма,— мы скажем. Если же не спросит, то зачем нам вперед выскакивать? Мы не выскочки.

— Ладно,— согласился Гек.— Если врать не надо, то так и сделаем. Это ты хорошо, Чук, придумал.

И только что они на этом порешили, как вошла мать. Она была довольна, потому что достала хорошие билеты на поезд, но все же она сразу заметила, что у ее дорогих сыновей лица печальные, а глаза заплаканы.

— Отвечайте, граждане,— отряхиваясь от снега, спросила мать,— из-за чего без меня была драка?

— Драки не было,— отказался Чук.

— Не было,— подтвердил Гек.— Мы только хотели подраться, да сразу раздумали.

— Очень я люблю такое раздумье,— сказала мать.

Она разделась, села на диван и показала им твердые зеленые билеты: один билет большой, а два маленьких. Вскоре они поужинали, а потом утих стук, погас свет, и все уснули.

А про телеграмму мать ничего не знала, поэтому, конечно, ничего не спросила.

Назавтра они уехали. Но так как поезд уходил очень поздно, то сквозь черные окна Чук и Гек при отъезде ничего интересного не увидели.

Ночью Гек проснулся, чтобы напиться. Лампочка на потолке была потушена, однако все вокруг Гека было озарено голубым светом: и вздрагивающий стакан на покрытом салфеткой столике, и желтый апельсин, который казался теперь зеленоватым, и лицо мамы, которая, покачиваясь, спала крепко-крепко. Через снежное узорное окно вагона Гек увидел луну, да такую огромную, какой в Москве и не бывает. И тогда он решил, что поезд уже мчится по высоким горам, откуда до луны ближе.

Он растолкал маму и попросил напиться. Но пить ему она по одной причине не дала, а велела отломить и съесть дольку апельсина.

Гек обиделся, дольку отломил, но спать ему уже не захотелось. Он потолкал Чука — не проснется ли. Чук сердито фыркнул и не просыпался.

Тогда Гек надел валенки, приоткрыл дверь и вышел в коридор.

Коридор вагона был узкий и длинный. Возле наружной стены его были приделаны складные скамей-

ки, которые сами с треском захлопывались, если с них слезешь. Сюда же, в коридор, выходило еще десять дверей. И все двери были блестящие, красные, с желтыми золочеными ручками.

Гек посидел на одной скамейке, потом на другой, на третьей и так добрался почти до конца вагона. Но тут прошел проводник с фонарем и пристыдил Гека, что люди спят, а он скамейками хлопает.

Проводник ушел, а Гек поспешно направился к себе в купе. Он с трудом приоткрыл дверь. Осторожно, чтобы не разбудить маму, закрыл и кинулся на мягкую постель. А так как толстый Чук развалился во всю ширь, то Гек бесцеремонно ткнул его кулаком, чтобы тот подвинулся.

Но тут случилось нечто страшное: вместо белобрысого, круглоголового Чука на Гека глянуло сердитое усатое лицо какого-то дядьки, который строго спросил:

— Это кто же здесь толкается?

Тогда Гек завопил что было мочи. Перепуганные пассажиры повскакали со всех полок, вспыхнул свет, и, увидев, что он попал не в свое купе, а в чужое, Гек заорал еще громче.

Но все люди быстро поняли, в чем дело, и стали смеяться. Усатый дядька надел брюки, военную гимнастерку и отвел Гека на место.

Гек проскользнул под свое одеяло и притих. Вагон покачивало, шумел ветер.

Невиданная огромная луна опять озаряла голубым светом вздрагивающий стакан, оранжевый апельсин на белой салфетке и лицо матери, которая во сне чему-то улыбалась и совсем не знала, какая беда приключилась с ее сыном.

Наконец заснул и Гек.

...И снился Геку странный сон:
Как будто ожил весь вагон,
Как будто слышны голоса
От колеса до колеса.
Бегут вагоны — длинный ряд —
И с паровозом говорят.

Первый. Вперед, товарищ! Путь далек
Перед тобой во мраке лег.

Второй. Светите ярче, фонари.
До самой утренней зари!

Третий. Гори, огонь! Труби, гудок!
Крутись, колеса, на восток!

Четвертый. Тогда закончим разговор,
Когда домчим до Синих гор.

Когда Гек проснулся, колеса, уже без всяких разговоров, мерно постукивали под полом вагона. Сквозь морозные окна светило солнце. Постели были заправлены. Умытый Чук грыз яблоко. А мама и усатый военный против распахнутых дверей хохотали над ночными похождениями Гека. Чук сразу же показал Геку карандаш с наконечником из желтого патрона, который он получил в подарок от военного.

Но Гек до вещей был не завистлив и не жаден. Он, конечно, был растеря и разиня. Мало того, что он ночью забрался в чужое купе,— вот и сейчас он не мог вспомнить, куда засунул свои брюки. Но зато Гек умел петь песни.

Умывшись и поздоровавшись с мамой, он прижался лбом к холодному стеклу и стал смотреть, что это за край, как здесь живут и что делают люди.

И пока Чук ходил от дверей к дверям и знакомился с пассажирами, которые охотно дарили ему всякую ерунду — кто резиновую пробку, кто гвоздь, кто кусок крученой бечевки,— Гек за это время увидел через окно немало.

Вот лесной домик. В огромных валенках, в одной рубашке и с кошкой в руках выскочил на крыльцо мальчишка. Трах!— кошка кувырком полетела в пушистый сугроб и, неловко карабкаясь, запрыгала по рыхлому снегу. Интересно, за что это он ее бросил? Вероятно, что-нибудь со стола стянула.

Но уже нет ни домика, ни мальчишки, ни кошки — стоит в поле завод. Поле белое, трубы красные. Дым черный, а свет желтый. Интересно, что на этом заводе делают? Вот будка, и, укутанный в тулуп, стоит часовой. Часовой в тулупе огромный, широкий, и винтовка его кажется тоненькой, как соломинка. Однако попробуй-ка, сунься!

Потом пошел танцевать лес. Деревья, что были поближе, прыгали быстро, а дальние двигались медленно, как будто их тихо кружила славная снежная река.

Гек окликнул Чука, который возвращался в купе с богатой добычей, и они стали смотреть вместе.

Встречались на пути станции большие, светлые, на которых шипело и пыхтело сразу штук по сто паровозов; встречались станции и совсем крохотные — ну, право, не больше того продуктового ларька, что торговал разной мелочью на углу возле их московского дома.

Проносились навстречу поезда, груженные рудой, углем и громадными, толщиной в полвагона, бревнами.

Нагнали они эшелон с быками и коровами. Паровозишко у этого эшелона был невзрачный, и гудок у него тонкий, пискливый, а тут как один бык рявкнул: му-у!.. Даже машинист обернулся и, наверное, подумал, что это его большой паровоз нагоняет.

А на одном разъезде бок о бок остановились они рядом с могучим железным бронепоездом. Грозно торчали из башен укутанные брезентом орудия. Крас-

ноармейцы весело топали, смеялись и, хлопая варежками, отогревали руки.

Но один человек в кожанке стоял возле бронепоезда молчалив и задумчив. И Чук с Геком решили, что это, конечно, командир, который стоит и ожидает, не придет ли приказ от Ворошилова открыть против врагов бой.

Да, немало всякого они за дорогу повидали. Жаль только, что на дворе бушевали метели и окна вагона часто бывали наглухо залеплены снегом.

И вот наконец утром поезд подкатил к маленькой станции.

Только-только мать успела ссадить Чука с Геком и принять от военного вещи, как поезд умчался.

Чемоданы были свалены на снег. Деревянная платформа вскоре опустела, а отец встречать так и не вышел.

Тогда мать на отца рассердилась и, оставив детей караулить вещи, пошла к ямщикам узнавать, какие за ними отец прислал сани, потому что до того места, где он жил, оставалось ехать еще километров сто тайгою.

Мать ходила очень долго, а тут еще неподалеку появился страшенный козел. Сначала он глодал кору с замороженного бревна, но потом противно мемекнул и что-то очень пристально стал на Чука с Геком поглядывать.

Тогда Чук и Гек поспешно укрылись за чемоданами, потому что кто его знает, что в этих краях козлам надо.

Но вот вернулась мать. Она была совсем опечалена и объяснила, что, вероятно, отец телеграмму о их выезде не получил и поэтому лошадей на станцию он за ними не прислал.

Тогда они позвали ямщика. Ямщик длинным кнутом огрел козла по спине, забрал вещи и понес их в буфет вокзала.

Буфет был маленький. За стойкой пыхтел толстый, ростом с Чука, самовар. Он дрожал, гудел, и густой пар его, как облако, поднимался к бревенчатому потолку, под которым чирикали залетевшие погреться воробьи.

Пока Чук с Геком пили чай, мать торговалась с ямщиком: сколько он возьмет, чтобы довезти их в лес до места. Ямщик просил очень много — целых сто рублей. Да и то сказать: дорога и на самом деле была не ближняя. Наконец они договорились, и ямщик побежал домой за хлебом, за сеном и за теплыми тулупами.

— Отец и не знает, что мы уже приехали,— сказала мать.— То-то он удивится и обрадуется!

— Да, он обрадуется,— прихлебывая чай, важно подтвердил Чук.— И я удивлюсь и обрадуюсь тоже.

— И я тоже,— согласился Гек.— Мы подъедем тихонько, и если папа куда-нибудь вышел из дома, то мы чемоданы спрячем, а сами зелезем под кровать. Вот он приходит. Сел. Задумался. А мы молчим, молчим, да вдруг как завоем!

— Я под кровать не полезу,— отказалась мать,— и выть не буду тоже. Лезьте и войте сами... Зачем ты, Чук, сахар в карман прячешь? И так у тебя карманы полны, как мусорный ящик.

— Я лошадей кормить буду,— спокойно объяснил Чук.— Забирай, Гек, и ты кусок ватрушки. А то у тебя никогда ничего нет. Только и знаешь у меня выпрашивать!

Вскоре пришел ямщик. Уложили в широкие сани багаж, взбили сено, укутались одеялами, тулупами.

Прощайте, большие города, заводы, станции, де-

ревни, поселки! Теперь впереди только лес, горы и опять густой, темный лес.

...Почти до сумерек, охая, ахая и дивясь на дремучую тайгу, они проехали незаметно. Но вот Чуку, которому из-за спины ямщика плохо была видна дорога, стало скучно. Он попросил у матери пирожка или булки. Но ни пирожка, ни булки мать ему, конечно, не дала. Тогда он насупился и от нечего делать стал толкать Гека и отжимать его к краю.

Сначала Гек терпеливо отпихивался. Потом вспылил и плюнул на Чука. Чук обозлился и кинулся в драку. Но так как руки их были стянуты тяжелыми меховыми тулупами, то они ничего не могли поделать, кроме как стукать друг друга укутанными в башлыки лбами.

Посмотрела на них мать и рассмеялась. А тут ямщик ударил кнутом по коням — и рванули кони. Выскочили на дорогу и затанцевали два белых пушистых зайца. Ямщик закричал:

— Эй, эй! Ого-го!.. Берегись: задавим!

Весело умчались в лес озорные зайцы. Дул в лицо свежий ветер. И, поневоле прижавшись друг к другу, Чук и Гек помчались в санях под гору навстречу тайге и навстречу луне, которая медленно выползала из-за уже недалеких Синих гор.

Но вот безо всякой команды кони стали возле маленькой, занесенной снегом избушки.

— Здесь ночуем,— сказал ямщик, соскакивая в снег.— Это наша станция.

Избушка была маленькая, но крепкая. Людей в ней не было.

Быстро вскипятил ямщик чайник; принесли из саней сумку с продуктами.

Колбаса до того замерзла и затвердела, что ею

можно было забивать гвозди. Колбасу ошпарили кипятком, а куски хлеба положили на горячую плиту.

За печкой Чук нашел какую-то кривую пружину, и ямщик сказал ему, что это пружина от капкана, которым ловят всякого зверя. Пружина была ржавая и валялась без дела. Это Чук сообразил сразу.

Попили чаю, поели и легли спать. У стены стояла широкая деревянная кровать. Вместо матраца на ней были навалены сухие листья.

Гек не любил спать ни у стены, ни посредине. Он любил спать с краю. И, хотя еще с раннего детства он слыхал песню «Баю-баюшки-баю, не ложися на краю», Гек все равно всегда спал с краю.

Если же его клали в середку, то во сне он сбрасывал со всех одеяла, отбивался локтями и толкал Чука в живот коленом.

Не раздеваясь и укрывшись тулупами, они улеглись: Чук у стенки, мать посредине, а Гек с краю.

Ямщик потушил свечку и полез на печь. Разом все уснули. Но, конечно, как и всегда, ночью Геку захотелось пить, и он проснулся.

В полудреме он надел валенки, добрался до стола, глотнул воды из чайника и сел перед окном на табуретку.

Луна была за тучками, и сквозь маленькое окошко сугробы снега казались черно-синими.

«Вот как далеко занесло нашего папу!»— удивился Гек. И он подумал, что, наверное, дальше, чем это место, уже и не много осталось мест на свете.

Но вот Гек прислушался. За окном ему почудился стук. Это был даже не стук, а скрип снега, под чьими-то тяжелыми шагами. Так и есть! Вот во тьме что-то тяжело вздохнуло, зашевелилось, заворочалось, и Гек понял, что это мимо окна прошел медведь.

— Злобный медведь, что тебе надо? Мы так долго едем к папе, а ты хочешь нас сожрать, чтобы мы его никогда не увидели?.. Нет, уходи прочь, пока люди не убили тебя метким ружьем или острой саблей!

Так думал и бормотал Гек, а сам со страхом и любопытством крепче и крепче прижимался лбом к обледенелому стеклу узкого окошка.

Но вот из-за быстрых туч стремительно выкатилась луна. Черно-синие сугробы засверкали мягким матовым блеском, и Гек увидел, что медведь этот вовсе не медведь, а просто это отвязавшаяся лошадь ходит вокруг саней и ест сено.

Было досадно. Гек залез на кровать под тулуп, а так как только что он думал о нехорошем, то и сон к нему пришел угрюмый.

Приснился Геку странный сон:
Как будто страшный Турворон
Плюет слюной, как кипятком,
Грозит железным кулаком.
Кругом пожар! В снегу следы!
Идут солдатские ряды.
И волокут из дальних мест
Кривой фашистский флаг и крест.

— Постойте! — закричал им Гек. — Вы не туда идете! Здесь нельзя!

Но никто не постоял, и его, Гека, не слушали.

В гневе тогда выхватил Гек жестяную сигнальную дуду, ту, что лежала у Чука в картонке из-под ботинок, и загудел так громко, что быстро поднял голову задумчивый командир железного бронепоезда, властно махнул рукой — и разом ударили залпом его тяжелые и грозные орудия.

— Хорошо! — похвалил Гек. — Только стрельните еще, а то одного раза им, наверное, мало...

...Мать проснулась оттого, что оба ее дорогих сына с двух сторон нестерпимо толкались и ворочались.

Она повернулась к Чуку и почувствовала, как в бок ей ткнуло что-то твердое и острое. Она пошарила и достала из-под одеяла пружину от капкана, которую запасливый Чук тайно притащил с собой в постель.

Мать швырнула пружину за кровать. При свете луны она заглянула в лицо Геку и поняла, что ему снится тревожный сон.

Сон, конечно, не пружина, и его нельзя выкинуть. Но его можно потушить. Мать повернула Гека со спины на бок и, покачивая, тихонько подула на его теплый лоб.

Вскоре Гек засопел, улыбнулся, и это означало, что плохой сон погас.

Тогда мать встала и в чулках, без валенок, подошла к окошку.

Еще не светало, и небо было все в звездах. Иные звезды горели высоко, а иные склонялись над черной тайгой совсем низко.

И — удивительное дело!— тут же и так же, как маленький Гек, она подумала, что дальше, чем это место, куда занесло ее беспокойного мужа, наверное, и не много осталось мест на свете.

Весь следующий день дорога шла лесом и горами. На подъемах ямщик соскакивал с саней и шел по снегу рядом. Но зато на крутых спусках сани мчались с такой быстротой, что Чуку с Геком казалось, будто бы они вместе с лошадьми и санями проваливаются на землю прямо с неба.

Наконец под вечер, когда и люди и кони уже порядком устали, ямщик сказал:

— Ну, вот и приехали! За этим мыском поворот.

Весь следующий день дорога шла лесом и горами.

Тут, на поляне, и стоит ихняя база... Эй, но-о!.. Наваливай!

Весело взвизгнув, Чук и Гек вскочили, но сани дернули, и они дружно плюхнулись в сено.

Улыбающаяся мать скинула шерстяной платок и осталась только в пушистой шапке.

Вот и поворот. Сани лихо развернулись и подкатили к трем домишкам, которые торчали на небольшой, укрытой от ветров опушке.

Очень странно! Не лаяли собаки, не было видно людей. Не валил дым из печных труб. Все дорожки были занесены глубоким снегом, а кругом стояла тишина, как зимой на кладбище. И только белобокие сороки бестолково скакали с дерева на дерево.

— Ты куда же нас привез?— в страхе спросила у ямщика мать.— Разве нам сюда надо?

— Куда рядились, туда и привез,— ответил ямщик.— Вот эти дома называются «Разведывательно-геологическая база номер три». Да вот и вывеска на столбе... Читайте. Может быть, вам нужна база под названием номер четыре? Так то километров двести совсем в иную сторону.

— Нет, нет!— взглянув на вывеску, ответила мать.— Нам нужна эта самая. Но ты посмотри: двери на замках, крыльцо в снегу, а куда же девались люди?

— Я не знаю, куда б им деваться,— удивился и сам ямщик.— На прошлой неделе мы сюда продукт возили: муку, лук, картошку. Все люди тут были: восемь человек, начальник девятый, со сторожем десять... Вот еще забота! Не волки же их всех поели... Да вы постойте, я пойду посмотрю в сторожку.

И, сбросив тулуп, ямщик зашагал через сугробы к крайней избушке.

Вскоре он вернулся:

— Изба пуста, а печка теплая. Значит, здесь сторож, да, видать, ушел на охоту. Ну, к ночи вернется и все вам расскажет.

— Да что он мне расскажет!— ахнула мать.— Я и сама вижу, что людей здесь уже давно нету.

— Это я уж не знаю, чтó он расскажет,— ответил ямщик.— А что-нибудь рассказать должен, на то он и сторож.

С трудом подъехали они к крыльцу сторожки, от которого к лесу вела узенькая тропка.

Они вошли в сени и мимо лопат, метел, топоров, палок, мимо промерзлой медвежьей шкуры, что висела на железном крюку, прошли в избушку. Вслед за ними ямщик тащил вещи.

В избушке было тепло. Ямщик пошел задавать лошадям корм, а мать молча раздевала перепуганных ребятишек.

— Ехали к отцу, ехали — вот тебе и приехали!

Мать села на лавку и задумалась. Что случилось, почему на базе пусто и что теперь делать? Ехать назад? Но у нее денег оставалось только-только заплатить ямщику за дорогу. Значит, надо было ожидать, когда вернется сторож. Но ямщик через три часа уедет обратно, а вдруг сторож возьмет да не скоро вернется? Тогда как? А ведь отсюда до ближайшей станции и телеграфа почти сто километров!

Вошел ямщик. Оглядев избу, он потянул носом воздух, подошел к печке и открыл заслонку.

— Сторож к ночи вернется,— успокоил он.— Вот в печи горшок со щами. Кабы он ушел надолго, он бы щи на холод вынес... А то как хотите,— предложил ямщик.— Раз уж такое дело, то я не чурбак. Я вас назад до станции бесплатно доставлю.

— Нет,— отказалась мать.— На станции нам делать нечего.

Опять поставили чайник, подогрели колбасу, поели, попили, и, пока мать разбирала вещи, Чук с Геком забрались на теплую печку. Здесь пахло березовыми вениками, горячей овчиной и сосновыми щепками. А так как расстроенная мать была молчалива, то Чук с Геком молчали тоже. Но долго молчать не намолчишься, и поэтому, не найдя себе никакого дела, Чук и Гек быстро и крепко уснули.

Они не слышали, как уехал ямщик и как мать, забравшись на печку, улеглась с ними рядом. Они проснулись уже тогда, когда в избе было совсем темно. Проснулись все разом, потому что на крыльце послышался топот, потом что-то в сенях загрохотало — должно быть, упала лопата. Распахнулась дверь, и с фонарем в руках в избу вошел сторож, а с ним большая лохматая собака. Он скинул с плеча ружье, бросил на лавку убитого зайца и, поднимая фонарь к печке, спросил:

— Это что же за гости сюда приехали?

— Я жена начальника геологической партии Серегина,— сказала мать, соскакивая с печки,— а это его дети. Если нужно, то вот документы.

— Вон они, документы: сидят на печке,— буркнул сторож и посветил фонарем на встревоженные лица Чука и Гека.— Как есть в отца — копия! Особо вот этот толстый.— И он ткнул на Чука пальцем.

Чук и Гек обиделись: Чук — потому, что его назвали толстым, а Гек — потому, что он всегда считал себя похожим на отца больше, чем Чук.

— Вы зачем, скажите, приехали?—глянув на мать, спросил сторож.— Вам же приезжать было не велено.

— Как не велено? Кем это приезжать не велено?

— А так и не велено. Я сам на станцию возил от Серегина телеграмму, а в телеграмме ясно написано: «Задержись выезжать на две недели. Наша партия срочно выходит в тайгу». Раз Серегин пишет «задержись» — значит, и надо было держаться, а вы самовольничаете.

— Какую телеграмму? — переспросила мать. — Мы никакой телеграммы не получали. — И, как бы ища поддержки, она растерянно глянула на Чука и Гека.

Но под ее взглядом Чук и Гек, испуганно тараща друг на друга глаза, поспешно попятились глубже на печку.

— Дети, — подозрительно глянув на сыновей, спросила мать, — вы без меня никакой телеграммы не получали?

На печке захрустели сухие щепки, веники, но ответа на вопрос не последовало.

— Отвечайте, мучители! — сказала тогда мать. — Вы, наверное, без меня получили телеграмму и мне ее не отдали?

Прошло еще несколько секунд, потом с печки раздался ровный и дружный рев. Чук затянул басовито и однотонно, а Гек выводил потоньше и с переливами.

— Вот где моя погибель! — воскликнула мать. — Вот кто, конечно, сведет меня в могилу! Да перестаньте вы гудеть и расскажите толком, как было дело.

Однако, услыхав, что мать собирается идти в могилу, Чук с Геком взвыли еще громче, и прошло немало времени, пока, перебивая и бесстыдно сваливая вину друг на друга, они затянули свой печальный рассказ.

...Ну что с таким народом будешь делать? Поколотить их палкой? Посадить в тюрьму? Заковать в кандалы и отправить на каторгу? Нет, ничего этого мать не сделала. Она вздохнула, приказала сыновьям слезть с печки, вытереть носы и умыться, а сама стала спрашивать сторожа, как же ей теперь быть и что делать.

Сторож сказал, что разведывательная партия по срочному приказу ушла к ущелью Алкараш и вернется никак не раньше чем дней через десять.

— Но как же мы эти десять дней жить будем?— спросила мать.— Ведь у нас с собой нет никакого запаса.

— А так вот и живите,— ответил сторож.— Хлеба я вам дам, вон подарю зайца — обдерете и сварите. А я завтра на двое суток в тайгу уйду, мне капканы проверять надо.

— Нехорошо,— сказала мать.— Как же мы останемся одни? Мы тут ничего не знаем. А здесь лес, звери...

— Я второе ружье оставлю,— сказал сторож.— Дрова под навесом, вода в роднике за пригорком. Вон крупа в мешке, соль в банке. А мне — я вам прямо скажу — нянчиться с вами тоже некогда...

— Эдакий злой дядька!— прошептал Гек.— Давай, Чук, мы с тобой ему что-нибудь скажем.

— Вот еще!— отказался Чук.— Он тогда возьмет и вовсе нас из дому выгонит. Ты погоди, приедет папа, мы ему все и расскажем.

— Что ж папа! Папа еще долго...

Гек подошел к матери, сел к ней на колени и, сдвинув брови, строго посмотрел в лицо грубому сторожу.

Сторож снял меховой кожух и подвинулся к столу, к свету. И только тут Гек разглядел, что от плеча к

спине кожуха вырван огромный, почти до пояса, меховой клок.

— Достань из печки щи,— сказал матери сторож.— Вон на полке ложки, миски, садитесь и ешьте. А я шубу чинить буду.

— Ты хозяин,— сказала мать.— Ты достань, ты и угощай. А полушубок дай: я лучше твоего заплатаю.

Сторож поднял на нее глаза и встретил суровый взгляд Гека.

— Эге! Да вы, я вижу, упрямые,— пробурчал он, протянул матери полушубок и полез за посудой на полку.

— Это где так разорвалось? — спросил Чук, указывая на дыру кожуха.

— С медведем не поладили. Вот он мне и царапнул,— нехотя ответил сторож и бухнул на стол тяжелый горшок со щами.

— Слышишь, Гек?— сказал Чук, когда сторож вышел в сени.— Он подрался с медведем и, наверное, от этого сегодня такой сердитый.

Гек слышал все сам. Но он не любил, чтобы кто-либо обижал его мать, хотя бы это и был человек, который мог поссориться и подраться с самим медведем.

Утром, еще на заре, сторож захватил с собой мешок, ружье, собаку, стал на лыжи и ушел в лес. Теперь хозяйничать надо было самим. Втроем ходили они за водой. За пригорком из отвесной скалы среди снега бил ключ. От воды, как из чайника, шел густой пар, но когда Чук подставил под струю палец, то оказалось, что вода холодней самого мороза.

Потом они таскали дрова. Русскую печь мать топить не умела, и поэтому дрова долго не разгорались.

Но зато когда разгорелись, то пламя запылало так жарко, что толстый лед на окне у противоположной стенки быстро растаял. И теперь через стекло видна была и вся опушка с деревьями, по которым скакали сороки, и скалистые вершины Синих гор.

Кур мать потрошить умела, но обдирать зайца ей еще не приходилось, и она с ним провозилась столько, что за это время можно было ободрать и разделать быка или корову.

Геку это обдирание ничуть не понравилось, но Чук помогал охотно, и за это ему достался зайчиный хвост, такой легкий и пушистый, что если его бросать с печки, то он падал на пол плавно, как парашют.

После обеда они все втроем вышли гулять.

Чук уговаривал мать, чтобы она взяла с собой ружье или хотя бы ружейные патроны. Но мать ружья не взяла.

Наоборот, она нарочно повесила ружье на высокий крюк, потом встала на табуретку, засунула патроны на верхнюю полку и предупредила Чука, что если он попробует стянуть хоть один патрон с полки, то на хорошую жизнь пусть больше и не надеется.

Чук покраснел и поспешно удалился, потому что один патрон уже лежал у него в кармане.

Удивительная это была прогулка! Они шли гуськом к роднику по узенькой тропке. Над ними сияло холодное голубое небо; как сказочные за́мки и башни, поднимались к небу остроконечные утесы Синих гор. В морозной тишине резко стрекотали любопытные сороки. Меж густых кедровых ветвей бойко прыгали серые юркие белки. Под деревьями на мягком белом снегу отпечатались причудливые следы незнакомых зверей и птиц.

Вот в тайге что-то застонало, загудело, треснуло.

Должно быть, ломая сучья, обвалилась с вершины дерева гора обледенелого снега.

Раньше, когда Гек жил в Москве, ему представлялось, что вся земля состоит из Москвы, то есть из улиц, домов, трамваев и автобусов.

Теперь же ему казалось, что вся земля состоит из высокого дремучего леса.

Да и вообще, если над Геком светило солнце, то он был уверен, что и над всей землей ни дождя, ни туч нету.

И если ему было весело, то он думал, что и всем на свете людям хорошо и весело тоже.

...Прошло два дня, наступил третий, а сторож из леса не возвращался, и тревога нависла над маленьким, занесенным снегом домиком.

Особенно страшно было по вечерам и ночами. Они крепко запирали сени, двери и, чтобы не привлечь зверей светом, наглухо занавешивали половиком окна, хотя надо было делать совсем наоборот, потому что зверь — не человек и он огня боится. Над печной трубой, как и полагается, гудел ветер, а когда вьюга хлестала острыми снежными льдинками по стене и окнам, то всем казалось, что снаружи кто-то толкается и царапается.

Они забрались спать на печку, и там мать долго рассказывала им разные истории и сказки. Наконец она задремала.

— Чук,— спросил Гек,— почему волшебники бывают в разных историях и сказках? А что, если бы они были и на самом деле?

— И ведьмы и черти чтобы были тоже?— спросил Чук.

— Да нет!— с досадой отмахнулся Гек.— Чертей не надо. Что с них толку? А мы бы попросили волшеб-

ника, он слетал бы к папе и сказал бы ему, что мы уже давно приехали.

— А на чем бы он полетел, Гек?

— Ну, на чем... Замахал бы руками или там еще как. Он уж сам знает.

— Сейчас руками махать холодно,— сказал Чук.— У меня вон какие перчатки да варежки, да и то, когда я тащил полено, у меня пальцы совсем замерзли.

— Нет, ты скажи, Чук, а все-таки хорошо бы?

— Я не знаю,— заколебался Чук.— Помнишь, во дворе, в подвале, где живет Мишка Крюков, жил какой-то хромой. То он торговал баранками, то к нему приходили всякие бабы, старухи, и он им гадал, кому будет жизнь счастливая и кому несчастная.

— И хорошо он нагадывал?

— Я не знаю. Я знаю только, что потом пришла милиция, его забрали, а из его квартиры много чужого добра вытащили.

— Так он, наверное, был не волшебник, а жулик. Ты как думаешь?

— Конечно, жулик,— согласился Чук.— Да я так думаю, и все волшебники должны быть жуликами. Ну, скажи, зачем ему работать, раз он и так во всякую дыру пролезть может? Знай только хватай, что надо... Ты бы лучше спал, Гек, все равно я с тобой больше разговаривать не буду.

— Почему?

— Потому что ты говоришь всякую ерунду, а ночью она тебе приснится, ты и начнешь локтями да коленями дрыгать. Думаешь, хорошо, как ты мне вчера кулаком в живот бухнул? Дай-ка я тебе бухну тоже...

...На утро четвертого дня матери самой пришлось колоть дрова. Заяц был давно съеден, и кости его рас-

хватаны сороками. На обед они варили только кашу с постным маслом и луком. Хлеб был на исходе, но мать нашла муку и испекла лепешек.

После такого обеда Гек был грустен, и матери показалось, что у него повышена температура.

Она приказала ему сидеть дома, одела Чука, взяла ведра, салазки, и они вышли, чтобы привезти воды и заодно набрать на опушке сучьев и веток,— тогда утром легче будет растапливать печку.

Гек остался один. Он ждал долго. Ему стало скучно, и он начал что-то придумывать.

...А мать и Чук задержались. На обратном пути к дому санки перевернулись, ведра опрокинулись, и пришлось ехать к роднику снова. Потом выяснилось, что Чук на опушке позабыл теплую варежку, и с полпути пришлось возвращаться. Пока искали, пока то да сё, наступили сумерки.

Когда они вернулись домой, Гека в избе не было. Сначала они подумали, что Гек спрятался на печке за овчинами. Нет, там его не было.

Тогда Чук хитро улыбнулся и шепнул матери, что Гек, конечно, залез под печку.

Мать рассердилась и приказала Геку вылезать. Гек не откликался.

Тогда Чук взял длинный ухват и стал им под печкой ворочать. Но и под печкой Гека не было.

Мать встревожилась, взглянула на гвоздь у двери. Ни полушубок Гека, ни шапка на гвозде не висели.

Мать вышла во двор, обошла кругом избушку. Зашла в сени, зажгла фонарь. Заглянула в темный чулан, под навес с дровами...

Она звала Гека, ругала, упрашивала, но никто не отзывался. А темнота быстро ложилась на сугробы.

Тогда мать заскочила в избу, сдернула со стены

ружье, достала патроны, схватила фонарь и, крикнув Чуку, чтобы он не смел двигаться с места, выбежала во двор.

Следов за четыре дня было натоптано немало.

Где искать Гека, мать не знала, но она побежала к дороге, так как не верила, чтобы Гек один мог осмелиться зайти в лес.

На дороге было пусто.

Она зарядила ружье и выстрелила. Прислушалась, выстрелила еще и еще раз.

Вдруг совсем неподалеку ударил ответный выстрел. Кто-то спешил к ней на помощь.

Она хотела бежать навстречу, но ее валенки увязли в сугробе. Фонарь попал в снег, стекло лопнуло, и свет погас.

С крыльца сторожки раздался пронзительный крик Чука.

Это, услыхав выстрелы, Чук решил, что волки, которые сожрали Гека, напали на его мать.

Мать отбросила фонарь и, задыхаясь, побежала к дому. Она втолкнула раздетого Чука в избу, швырнула ружье в угол и, зачерпнув ковшом, глотнула ледяной воды.

У крыльца раздался гром и стук. Распахнулась дверь. В избу влетела собака, а за нею вошел окутанный паром сторож.

— Что за беда? Что за стрельба? — спросил он, не здороваясь и не раздеваясь.

— Пропал мальчик,— сказала мать. Слезы ливнем хлынули из ее глаз, и она больше не могла сказать ни слова.

— Стой, не плачь!— гаркнул сторож.— Когда пропал? Давно? Недавно?.. Назад, Смелый!— крикнул он собаке.— Да говорите же, или я уйду обратно!

— Час тому назад,— ответила мать.— Мы ходили за водой. Мы пришли, а его нет. Он оделся и куда-то ушел.

— Ну, за час он далеко не уйдет, а в одёже и в валенках сразу не замерзнет... Ко мне, Смелый! На́, нюхай!

Сторож сдернул с гвоздя башлык и подвинул под нос собаки калоши Гека.

Собака внимательно обнюхала вещи и умными глазами посмотрела на хозяина.

— За мной! — распахивая дверь, сказал сторож.— Иди ищи, Смелый!

Собака вильнула хвостом и осталась стоять на месте.

— Вперед!— строго повторил сторож.— Ищи, Смелый, ищи!

Собака беспокойно крутила носом, переступала с ноги на ногу и не двигалась.

— Это еще что за танцы?— рассердился сторож. И, опять сунув собаке под нос башлык и калоши Гека, он дернул ее за ошейник.

Однако Смелый за сторожем не пошел; он покрутился, повернулся и пошел в противоположный от двери угол избы.

Здесь он остановился около большого деревянного сундука, царапнул по крышке мохнатой лапой и, обернувшись к хозяину, три раза громко и лениво гавкнул.

Тогда сторож сунул ружье в руки оторопелой матери, подошел и открыл крышку сундука.

В сундуке, на куче всякого тряпья, овчин, мешков, укрывшись своей шубёнкой и подложив под голову шапку, крепко и спокойно спал Гек.

Когда его вытащили и разбудили, то, хлопая сон-

ными глазами, он никак не мог понять, отчего это вокруг него такой шум и такое буйное веселье. Мать целовала его и плакала. Чук дергал его за руки, за ноги, подпрыгивал и кричал:

— Эй-ля! Эй-ли-ля!..

Лохматый пес Смелый, которого Чук поцеловал в морду, сконфуженно обернулся и, тоже ничего не понимая, тихонько вилял серым хвостом, умильно поглядывая на лежавшую на столе краюху хлеба.

Оказывается, когда мать и Чук ходили за водой, то, соскучившись, Гек решил пошутить. Он забрал полушубок, шапку и залез в сундук. Он решил, что когда они вернутся и станут его искать, то он из сундука страшно завоет.

Но так как мать и Чук ходили очень долго, то он лежал, лежал и незаметно заснул.

Вдруг сторож встал, подошел и брякнул на стол тяжелый ключ и измятый голубой конверт.

— Вот,— сказал он,— получайте. Это вам ключ от комнаты и от кладовой и письмо от начальника Серегина. Он с людьми здесь будет через четверо суток, как раз к Новому году.

Так вот он где пропадал, этот неприветливый, хмурый старик! Сказал, что идет на охоту, а сам бегал на лыжах к далекому ущелью Алкараш.

Не распечатывая письма, мать встала и с благодарностью положила старику на плечо руку.

Он ничего не ответил и стал ворчать на Гека за то, что тот рассыпал в сундуке коробку с пыжами, а заодно и на мать — за то, что она разбила стекло у фонаря. Он ворчал долго и упорно, но никто теперь этого доброго чудака не боялся. Весь этот вечер мать не отходила от Гека и, чуть что, хватала его за руку, как будто боялась, что вот-вот он опять куда-нибудь

исчезнет. И так много она о нем заботилась, что наконец Чук обиделся и про себя уже несколько раз пожалел, что и он не полез в сундук тоже.

Теперь стало весело. На следующее утро сторож открыл комнату, где жил их отец. Он жарко натопил печь и перенес сюда все их вещи. Комната была большая, светлая, но все в ней было расставлено и навалено без толку.

Мать сразу же взялась за уборку. Целый день она все переставляла, скоблила, мыла, чистила.

И когда к вечеру сторож принес вязанку дров, то, удивленный переменой и невиданной чистотой, он остановился и не пошел дальше порога.

А собака Смелый пошла.

Она пошла прямо по свежевымытому полу, подошла к Геку и ткнула его холодным носом. Вот, мол, дурак, это я тебя нашла, и за это ты должен дать мне что-нибудь покушать.

Мать раздобрилась и кинула Смелому кусок колбасы. Тогда сторож заворчал и сказал, что если в тайге собак кормить колбасой, так это сорокам на смех.

Мать отрезала и ему полкруга. Он сказал «спасибо» и ушел, все чему-то удивляясь и покачивая головой.

На следующий день было решено готовить к Новому году елку.

Из чего-чего только не выдумывали они мастерить игрушки!

Они ободрали все цветные картинки из старых журналов. Из лоскутьев и ваты понашили зверьков, кукол. Вытянули у отца из ящика всю папиросную бумагу и навертели пышных цветов.

Уж на что хмур и нелюдим был сторож, а и тот, когда приносил дрова, подолгу останавливался у двери и дивился на их всё новые и новые затеи. Наконец он не вытерпел. Он принес им серебряную бумагу от завертки чая и большой кусок воска, который у него остался от сапожного дела.

Это было замечательно! И игрушечная фабрика сразу превратилась в свечной завод. Свечи были неуклюжие, неровные. Но горели они так же ярко, как и самые нарядные покупные.

Теперь дело было за елкой. Мать попросила у сторожа топор, но он ничего на это ей даже не ответил, а стал на лыжи и ушел в лес.

Через полчаса он вернулся.

Ладно! Пусть игрушки были и не ахти какие нарядные, пусть зайцы, сшитые из тряпок, были похожи на кошек, пусть все куклы были на одно лицо — прямоносые и лупоглазые, и пусть, наконец, еловые шишки, обернутые серебряной бумагой, не так сверкали, как хрупкие и тонкие стеклянные игрушки, но зато такой елки в Москве, конечно, ни у кого не было. Это была настоящая таежная красавица — высокая, густая, прямая и с ветвями, которые расходились на концах, как звездочки.

Четыре дня за делом пролетели незаметно. И вот наступил канун Нового года. Уже с утра Чука и Гека нельзя было загнать домой. С посинелыми носами они торчали на морозе, ожидая, что вот-вот из леса выйдет отец и все его люди.

Но сторож, который топил баню, сказал им, чтобы они не мерзли понапрасну, потому что вся партия вернется только к обеду.

И в самом деле. Только что они сели за стол, как

сторож постучал в окошко. Кое-как одевшись, все втроем они вышли на крыльцо.

— Теперь смотрите,— сказал им сторож.— Вот они сейчас покажутся на скате той горы, что правей большой вершины, потом опять пропадут в тайге, и тогда через полчаса все будут дома.

Так оно и вышло. Сначала из-за перевала вылетела собачья упряжка с гружеными санями, а за нею следом пронеслись быстроходные лыжники. По сравнению с громадой гор они казались до смешного маленькими, хотя отсюда были отчетливо видны их руки, ноги и головы.

Они промелькнули по голому скату и исчезли в лесу.

Ровно через полчаса послышался лай собак, шум, скрип, крики.

Почуявшие дом голодные собаки лихо вынеслись из леса. А за ними, не отставая, выкатили на опушку девять лыжников. И, увидав на крыльце мать, Чука и Гека, они на бегу подняли лыжные палки и громко закричали: «Ура!»

Тогда Гек не вытерпел, спрыгнул с крыльца и, зачерпывая снег валенками, помчался навстречу высокому, заросшему бородой человеку, который бежал впереди и кричал «ура» громче всех.

Днем чистились, брились и мылись.

А вечером была для всех елка, и все дружно встречали Новый год.

Когда был накрыт стол, потушили лампу и зажгли свечи. Но так как, кроме Чука с Геком, остальные все были взрослые, то они, конечно, не знали, что теперь нужно делать.

Хорошо, что у одного человека был баян и он за-

играл веселый танец. Тогда все повскакали и всем захотелось танцевать. И все танцевали очень прекрасно, особенно когда приглашали на танец маму.

А отец танцевать не умел. Он был очень сильный, добродушный, и когда он без всяких танцев просто шагал по полу, то и то в шкафу звенела вся посуда.

Он посадил себе Чука с Геком на колени, и они громко хлопали всем в ладоши.

Потом танец окончился, и люди попросили, чтобы Гек спел песню.

Гек не стал ломаться. Он и сам знал, что умеет петь песни, и гордился этим.

Баянист подыгрывал, а он им спел песню. Какую— я уже сейчас не помню. Помню, что это была очень хорошая песня, потому что все люди, слушая ее, замолкли и притихли. И когда Гек останавливался, чтобы перевести дух, то было слышно, как потрескивали свечи и гудел за окном ветер.

А когда Гек окончил петь, то все зашумели, закричали, подхватили Гека на руки и стали его подкидывать. Но мать тотчас же отняла у них Гека, потому что она испугалась, как бы сгоряча его не стукнули о деревянный потолок.

— Теперь садитесь,— взглянув на часы, сказал отец.— Сейчас начнется самое главное.

Он пошел и включил радиоприемник. Все сели и замолчали. Сначала было тихо. Но вот раздался шум, гул, гудки. Потом что-то стукнуло, зашипело, и откуда-то издалека донесся мелодичный звон.

Большие и маленькие колокола звонили так:

Тир-лиль-лили-дон!
Тир-лиль-лили-дон!

Чук с Геком переглянулись. Они угадали, чтó это. Это в далекой-далекой Москве, под красной звездой, на Спасской башне звонили золотые кремлевские часы.

И этот звон — перед Новым годом—сейчас слушали люди и в городах, и в горах, в степях, в тайге, на синем море.

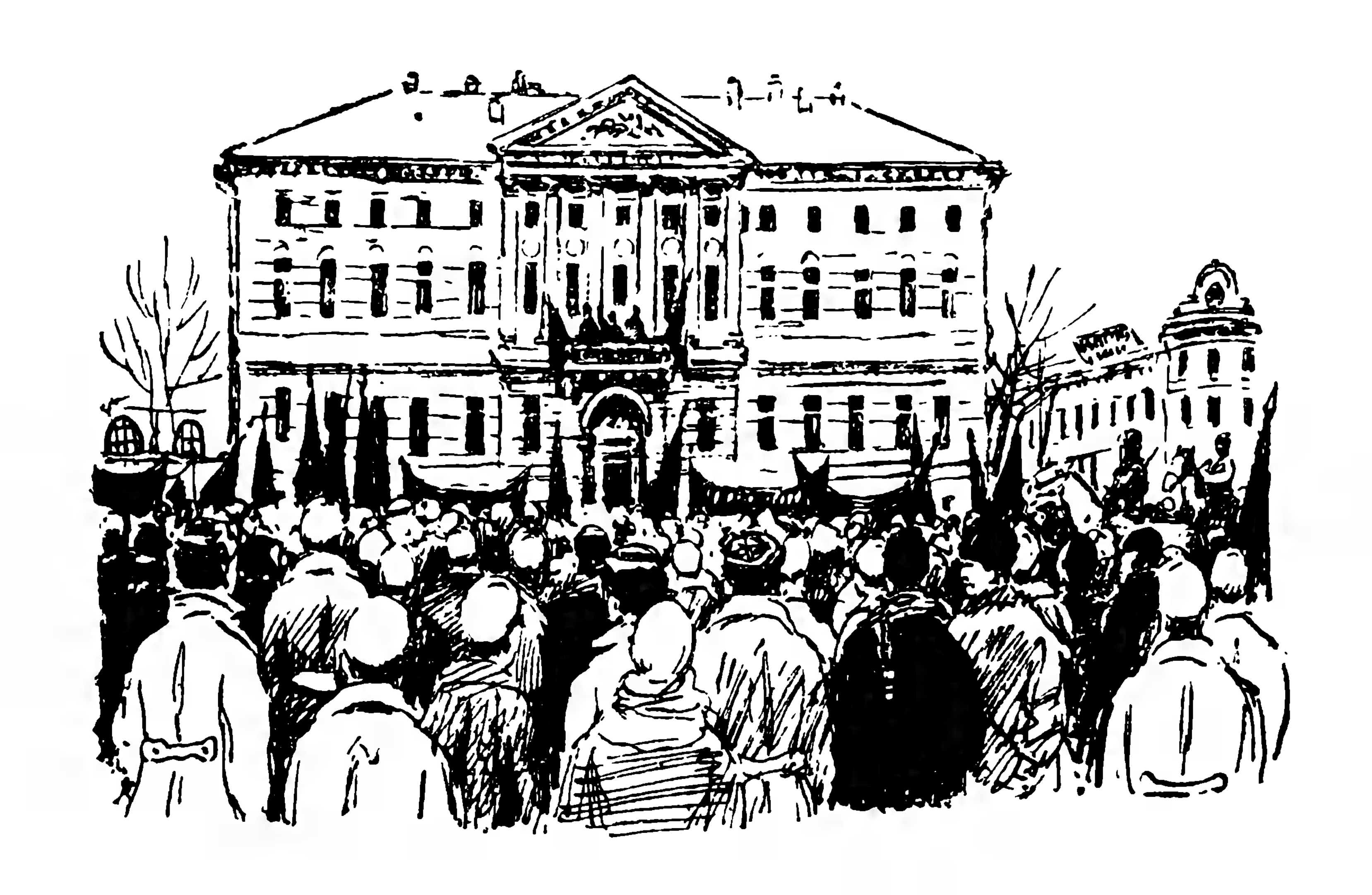
И, конечно, задумчивый командир бронепоезда, тот, что неутомимо ждал приказа от Ворошилова, чтобы открыть против врагов бой, слышал этот звон тоже.

И тогда все люди встали, еще раз поздравили друг друга с Новым годом и пожелали всем счастья.

Что такое счастье — это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной.

1939 г.

СОВЕТСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Это был 1919 год — кажется, февраль. Мне только исполнилось пятнадцать лет.

И вот командующий, который, по добродушию, именовал меня то ординарцем, то адъютантом, сказал:

— Я уезжаю на Советскую площадь. Герой, не хмурься! Я взял бы и тебя, но в машине нет бензина, и я поеду верхом.

Но я уже знал, зачем торопятся войска на площадь. И вздрогнул и попросил: «Товарищ командующий, мне горько! Разрешите и мне поехать верхом с вами?»

Он предупредил: «Смотри!»

И я помчался на конюшню выбирать лошадь потише, потому что держался в седле я еще совсем плохо.

Но все, что потише, были клячи, убогие, дохловатые.

И мне оседлали высокого лукавого коня, который, едва очутился на площади, стал храпеть, крутить мордой и толкать крупом других...

И был митинг, и с балкона Моссовета выступали лучшие коммунисты многих стран.

И всадники, зло поглядывая на меня, тихо бранились и украдкой шпыняли моего коня кто носком сапога, а кто черенком плетки.

Вдруг вся площадь замерла, и на балкон вышел Ленин. Радостный, поднялся я на стременах, но конь мой вздрогнул, захрапел, попятился...

И во время короткой речи Ленина все свои силы, все невысокое умение я истратил только на то, чтобы конь мой хоть кое-как стоял смирно и если не мне, то хотя бы людям дал послушать то, что скажет великий вождь.

Но когда Ленин окончил говорить и площадь загремела музыкой и криками, то в гневе и слезах жиганул я коня нагайкой, вылетел из строя и помчался куда глаза глядят по пустынным, занесенным сугробами улицам.

Больше я Ленина никогда не слышал и не видел. Но в этот же день люди, кто как мог, речь его мне пересказали. А я задумался, отпросился у командующего и вскоре ушел с его красноармейцами на фронт— в далекую Двенадцатую армию.

1940 г.

ВАСИЛИЙ КРЮКОВ

КРАСНОАРМЕЙЦА Василия Крюкова была ранена лошадь, и его нагоняли белые казаки. Он отшвырнул пустую винтовку, отстегнул саблю, сунул наган за пазуху и, повернув ослабевшего коня, поехал казакам навстречу.

Казаки удивились такому делу, ибо не в обычае той войны было, чтобы красные бросали оружие наземь... Поэтому они не зарубили Крюкова с ходу, а окружили и захотели узнать, что этому человеку надобно и на

что он надеется. Крюков снял серую папаху с красной звездой и сказал:

— Кто здесь начальник, тот пусть скорее берет эту папаху.

Тогда казаки решили, что в этой папахе зашит военный пакет, и они позвали своего начальника.

Но, когда тот подъехал и протянул руку, Крюков вырвал наган из-за пазухи и выстрелил в лоб офицеру. Крюкова казаки зарубили и поскакали дальше своим путем.

Одни казаки ругали Крюкова, другие—своего офицера. Но были и такие, что ехали теперь молча и угрюмо думали о том, какая крепкая у красных сила.

1939 г.

ПАТРОНЫ

ПРИ ОТСТУПЛЕНИИ испуганные лошади опрокинули в придорожную канаву разбитый ящик с патронами. В спешке никто их не подобрал. И только через неделю, срезая для козы траву, наткнулся на них Гришка. Он вытряхнул козий корм. Навалил в сумку много патронных пачек, принес домой и похвалился:

— Вот, мама! Нашел! Блестящие, новенькие. Я сейчас побегу, принесу еще кучу.

Но мать быстро закрыла огонь в печке и на Гришку закричала:

— Умный ты, Гришка, или полоумный? Тащи сейчас же этот страх и утопи в пруду или в речке. Быстро, или я деда позову!

Вздохнул Гришка: как тут будешь спорить? Взвалил сумку на плечо и понес из хаты.

Но патроны в речку не кинул. Оставил себе три пачки, остальные свалил в кустах, за огородом, накрыл соломой и засыпал сухими листьями.

Утром дед Семен вошел в хату, бросил топор, сел на лавку, распахнул окно, закурил, задымил и сказал:

— Беда, Ганна! Сдается мне, что либо махновцы, либо казаки опять близко. Стою я у колодца и слышу, как за речкой громко да тяжко бомба раза два на лугах грохнула.

Тогда мать кинулась в чулан, проворно собрала одежду, что получше: платок с бахромой, платье, серые дедовы шаровары, розовую Гришкину рубаху. Связала все в узел и спрятала в хлеве, под сухим свиным корытом.

Но махновцы были тут ни при чем.

Вернулся Гришка с речки только к вечеру. Принес он одного карасика, двух ершей да плотичку. Хмуро повесил эту рыбу на гвоздь, чтобы не сожрала кошка, и, не похвалившись уловом и даже не спросив обедать, боком-боком направился было спать на сеновал к деду.

Но мать сразу заметила, что рука у него обмотана тряпкой, глаза виноватые, а лицо унылое. И в тревоге спросила:

— Это что у тебя с рукой, Гришка? Опять патроны?

— Нет, у костра обжег, когда пек картошку. Ты мне смажь да завяжи покрепче, мама.

Тогда мать уверенно сказала:

— Ой, врешь, Гришка!

Но руку ему салом смазала, приложила свежий лопух и чистым лоскутом завязала.

Потом она вышла и села у крылечка.

Большая кругом лежала земля. Большая ходила по дорогам война. Вот тут-то, на войне, и стояла серая с белой трубой хата, где жила мать и ее сын Гришка.

На другой вечер пронесся по улице топот, стук и гром.

Просунулась в дверь винтовка, за ней бородатый казак. Стукнул он прикладом об пол и приказал:

— А подать сюда хорошей еды и самого холодного молока крынку!

Испугался Гришка, вынул патрон из кармана и незаметно кинул его за окошко. Да вот беда! Упал патрон прямо другому казаку под ноги. Поднял казак патрон, отнес в хату и показал его старшо́му.

Отодвинул пустую крынку старшой. Расстегнул ворот, распустил пояс и объявил:

— Не иначе, как здесь оружейный склад. Обыщите вы все сараи и погреба, да и сундуки тоже. А кто тут есть в доме хозяин — посадите его под замок в амбар.

И посадили старого деда Семена в амбар.

Вышла во дво́р Гришкина мать, заплакала, заругала Гришку:

— Чтоб ты пропал со своими патронами! Беги, расскажи про беду дяде Егору.

— Плохи дела! — сказал Гришке дядя Егор.— Надо выручать старика, а как—не знаю. Пойди узнай, много ли казаков и думают ли они остановиться на ночевку, а я подожду тебя у речки.

Пошел Гришка считать казаков. Но казаки не сто-

ят на месте, а взад-вперед по селу шмыгают. И очень просто одного казака за двоих сосчитать можно. И стал тогда Гришка считать по дворам казачьих коней. Насчитал двадцать три, хотел бежать к дяде Егору — вдруг за кустами раздался выстрел.

Тут выбегает казак, ведет под уздцы коня и кричит:

— Сюда, сюда! Здесь красные близко.

— Что ты городишь, баранья голова? — спросил старшой.— Это наш конь.

— Нет, это их конь,— отвечал казак.— Сейчас я сбил с этого коня одного партизана.

Пока они дивились, выбегает еще казак — сапоги в руках, волосы мокрые — и давай ругаться:

— Ах, такие-сякие, кто моего жеребца увел?

— Да разве же это твой?

— А то чей же? Или у вас глаза ослепли?

Собрались тогда все казаки в кучу и стали разбирать: как же оно такое вышло?

А вышло вот как. Привязал казак коня, а сам кустами по круче полез к речке купаться. А в кустах дядя Егор сидел и ждал Гришку. Увидел Егор коня без хозяина: «Дай,— думает,— вскочу и помчусь за помощью в лес, к партизанам». Только вскочил на коня, вдруг — хлоп! — ударил сбоку выстрел. Слетел под обрыв дядя Егор и задал скорей ходу назад, в деревню. Пуля только ремень порвала.

Пробрался дядя Егор к амбару и слышит, как дед Семен через стену часового ругает. И так он его стыдит—и жуликом зовет, и разбойником бранит, Рассердился часовой, прислонил винтовку к стене, а сам по лестнице забрался к чердаку и давай тоже деда ругать через окошко.

Вылез тогда дядя Егор, открыл затвор и все пять патронов из казачьей винтовки вынул. «Сейчас,— думает он,— ты слезешь, и я тебя из-за угла тихо возьму, голубчика». И только отпрыгнул дядя Егор за угол, как опять наткнулся на другого казака.

— Ты что здесь прыгаешь? — спросил казак.— Или ты не знаешь приказа по домам сидеть, а по задворкам не шляться?

Отвел он Егора к старшому, и тот приказал:

— А заприте этого прыгуна к старику в соседи.

Заперли и дядю Егора в амбар.

Не нашел Гришка Егора у речки. Когда вернулся, уже совсем темнело.

— Чтоб ты провалился со своими патронами! — еще горше заплакала мать.— Посадили теперь под замок и дядю Егора.

И стало тогда Гришке так жалко деда Семена и дядю Егора, что потекли по его щекам сначала две слезы, потом еще четыре. Но вздохнул он, перестал плакать и молча скрылся.

Подполз он от огорода к амбару. Лежит в крапиве и тихонько шепчет.

— Дядя Егор, дед Семен! Вы разгребайте руками под бревнами дыру, а я отсюда лопатой копать буду.

Но казак, что за плетнем дверь караулил, уши, как волк, расставил и шум услышал.

— Стой! — крикнул он.— Кто идет?

Гришка — бежать. Хлопнул часовой раз, хлопнул курком два, а выстрела-то и нету.

Прибежал старшой и стал ругаться:

— Ты зачем, баранья голова, на посту с незаряженной винтовкой ходишь?

— Неправда! — заорал казак.— Только что зало-

жил я в коробку четыре патрона, пятый загнал в ствол и свернул предохранитель. Вот она, в ногах лежит, от патронов пустая обойма.

Поднял старшой обойму. Подошли тут еще казаки, сбились кучей и стали думать: «Как же оно так вышло?»

Сидела мать у окна и горько плакала. Вдруг просунулась в окно, вся в репьях, лохматая Гришкина голова.

— Ты откуда? — воскликнула мать.

— Дай спички!

— Зачем?

— Дай! — настойчиво повторил Гришка и, схватив с подоконника коробок, скрылся.

И вовремя. Вошел из сеней казак, оглянулся и спросил:

— Ты с кем это, баба, сейчас разговаривала?

— Да так, сама с собой,— отвечала мать, испугавшаяся за Гришку.

Удивился казак и позвал старшого. Удивился старшой и сказал:

— Чудны́ дела, казаки! Люди сами с собой разговаривают. Убитые исчезают. Заряженные винтовки не стреляют.

И тогда покосились казаки на темные окна. И каждый подумал: «А не лучше ли отсюда на ночь убраться к своему полку поближе?»

Но тут грянул в темноте выстрел. И пошел огонь, пошла канонада.

— Красные!

— Окружают!

Повскакали казаки в седла, и только окна зазвенели от конского топота.

...А когда все стихло, осторожно просунулась в хату голова Гришки:

— Никого, мама?

— Никого, Гришка.

Пойдем открывать амбар, мама!

— Погоди, Гришка. Пусть отопрут сами товарищи.

— Какие товарищи?

— Красные! Каких ждали!

— Никого, мама, на дворе нету,— хмуро сказал Гришка.— Это я за огородом патроны разложил, завалил сеном, да и зажег спичкой. Вот тут-то они у меня и загрохотали!

Ничего не сказала мать. Вытерла слезы. Зажгла фонарь. Взяла топор. И пошли они с Гришкой сбивать замок с амбара.

1926—1941 гг.

ПОХОД

НОЧЬЮ красноармеец принес повестку. А на заре, когда Алька еще спал, отец крепко поцеловал его и ушел на войну — в поход.

Утром Алька рассердился, зачем его не разбудили, и тут же заявил, что и он хочет идти в поход тоже. Он, вероятно бы, закричал, заплакал. Но совсем неожиданно мать ему в поход идти разрешила.

И вот для того, чтобы набрать перед дорогой силы, Алька съел без каприза полную тарелку каши, выпил молока. А потом они с матерью сели готовить походное снаряжение. Мать шила ему штаны, а он, сидя на полу, выстругивал себе из доски саблю. И тут же, за работой, разучивали они походные марши, потому что

с такой песней, как «В лесу родилась елочка», никуда далеко не нашагаешь. И мотив не тот, и слова не такие, в общем эта мелодия для боя совсем неподходящая.

Но вот пришло время матери идти дежурить на работу, и дела свои они отложили на завтра.

И так день за днем готовили Альку в далекий путь. Шили штаны, рубахи, знамена, флаги, вязали теплые чулки, варежки. Одних деревянных сабель рядом с ружьем и барабаном висело на стене уже семь штук. А этот запас не беда, ибо в горячем бою у звонкой сабли жизнь еще короче, чем у всадника.

И давно, пожалуй, можно было бы отправляться Альке в поход, но тут наступила лютая зима. А при таком морозе, конечно, недолго схватить и насморк или простуду, и Алька терпеливо ждал теплого солнца.

Но вот и вернулось солнце. Почернел талый снег. И только бы, только начать собираться, как загремел звонок. И тяжелыми шагами в комнату вошел вернувшийся из похода отец. Лицо его было темное, обветренное, и губы потрескались, но серые глаза глядели весело.

Он, конечно, обнял мать. И она поздравила его с победой. Он, конечно, крепко поцеловал сына. Потом осмотрел все Алькино походное снаряжение. И, улыбнувшись, приказал сыну: все это оружие и амуницию держать в полном порядке, потому что тяжелых боев и опасных походов будет и впереди на этой земле еще немало.

1940 г.

МАРУСЯ

Шпион перебрался через болото, надел красноармейскую форму и вышел на дорогу.

Девочка собирала во ржи васильки. Она подошла и попросила ножик, чтобы обровнять стебли букета.

Он дал ей нож, спросил, как ее зовут, и, наслышавшись, что на советской стороне людям жить весело, стал смеяться и напевать веселые песни.

— Разве ты меня не знаешь? — удивленно спросила девочка.— Я Маруся, дочь лейтенанта Егорова. И этот букет я отнесу папе.

Она бережно расправила цветы, и в глазах ее блеснули слезы.

Шпион сунул нож в карман и, не сказав ни слова, пошел дальше.

На заставе Маруся говорила:

— Я встретила красноармейца. Я сказала, как меня зовут, и странно, что он смеялся и пел песни.

Тогда командир нахмурился, крикнул дежурного и приказал отрядить за этим «веселым» человеком погоню.

Всадники умчались, а Маруся вышла на крутой берег и положила свой букет на свежую могилу отца, только вчера убитого в пограничной перестрелке.

1940 г.

СОВЕСТЬ

НИНА Карнаухова не приготовила урока по алгебре и решила не идти в школу.

Но, чтобы знакомые случайно не увидели, как она во время рабочего дня болтается с книгами по городу, Нина украдкой прошла в рощу.

Положив пакет с завтраком и связку книг под куст, она побежала догонять красивую бабочку и наткнулась на малыша, который смотрел на нее добрыми, доверчивыми глазами.

А так как в руке он сжимал букварь с заложенной в него тетрадкой, то Нина смекнула, в чем дело, и решила над ним подшутить.

— Несчастный прогульщик! — строго сказала она.— И это с таких юных лет ты уже обманываешь родителей и школу?

— Нет! — удивленно ответил малыш.— Я просто шел на урок. Но тут в лесу ходит большая собака. Она залаяла, и я заблудился.

Нина нахмурилась. Но этот малыш был такой смешной и добродушный, что ей пришлось взять его за руку и повести через рощу.

А связка Нининых книг и завтрак так и остались лежать под кустом, потому что поднять их перед малышом теперь было бы стыдно.

Вышмыгнула из-за ветвей собака, книг не тронула, а завтрак съела.

Вернулась Нина, села и заплакала. Нет! Не жалко ей было украденного завтрака. Но слишком хорошо пели над ее головой веселые птицы. И очень тяжело было на ее сердце, которое грызла беспощадная совесть.

ТИМУР И ЕГО КОМАНДА

Вот уже три месяца, как командир бронедивизиона полковник Александров не был дома. Вероятно, он был на фронте.

В середине лета он прислал телеграмму, в которой предложил своим дочерям Ольге и Жене остаток каникул провести под Москвой на даче.

Сдвинув на затылок цветную косынку и опираясь на палку щетки, насупившаяся Женя стояла перед Ольгой, а та ей говорила:

— Я поехала с вещами, а ты приберешь квартиру. Можешь бровями не дергать и губы не облизывать.

Потом запри дверь. Книги отнеси в библиотеку. К подругам не заходи, а отправляйся прямо на вокзал. Оттуда пошли папе вот эту телеграмму. Затем садись в поезд и приезжай на дачу... Евгения, ты меня должна слушаться. Я твоя сестра...

— И я твоя тоже.

— Да... но я старше... и, в конце концов, так велел папа.

Когда во дворе зафырчала отъезжающая машина, Женя вздохнула и оглянулась. Кругом был разор и беспорядок. Она подошла к пыльному зеркалу, в котором отражался висевший на стене портрет отца.

Хорошо! Пусть Ольга старше и пока ее нужно слушаться. Но зато у нее, у Жени, такие же, как у отца, нос, рот, брови. И, вероятно, такой же, как у него, будет характер.

Она туже перевязала косынкой волосы. Сбросила сандалии. Взяла тряпку. Сдернула со стола скатерть, сунула под кран ведро и, схватив щетку, поволокла к порогу груду мусора.

Вскоре запыхтела керосинка и загудел примус.

Пол был залит водой. В бельевом цинковом корыте шипела и лопалась мыльная пена. А прохожие с улицы удивленно поглядывали на босоногую девчонку в красном сарафане, которая, стоя на подоконнике третьего этажа, смело протирала стекла распахнутых окон.

Грузовик мчался по широкой солнечной дороге. Поставив ноги на чемодан и опираясь на мягкий узел, Ольга сидела в плетеном кресле. На коленях у нее лежал рыжий котенок и теребил лапами букет васильков.

У тридцатого километра их нагнала походная красноармейская мотоколонна. Сидя на деревянных скамь-

ях рядами, красноармейцы держали направленные дулом к небу винтовки и дружно пели.

При звуках этой песни шире распахивались окна и двери в избах. Из-за заборов, из калиток вылетали обрадованные ребятишки. Они махали руками, бросали красноармейцам еще недозрелые яблоки, кричали вдогонку «ура» и тут же затевали бои, сражения, врубаясь в полынь и крапиву стремительными кавалерийскими атаками.

Грузовик свернул в дачный поселок и остановился перед небольшой, укрытой плющом дачей.

Шофер с помощником откинули борта и взялись сгружать вещи, а Ольга открыла застекленную террасу.

Отсюда был виден большой запущенный сад. В глубине сада торчал неуклюжий двухэтажный сарай, и над крышею этого сарая развевался маленький красный флаг.

Ольга вернулась к машине. Здесь к ней подскочила бойкая старая женщина — это была соседка, молочница. Она вызвалась прибрать дачу, вымыть окна, полы и стены.

Пока соседка разбирала тазы и тряпки. Ольга взяла котенка и прошла в сад.

На стволах обклеванных воробьями вишен блестела горячая смола. Крепко пахло смородиной, ромашкой и полынью. Замшелая крыша сарая была в дырах, и из этих дыр тянулись поверху и исчезали в листве деревьев какие-то тонкие веревочные провода.

Ольга пробралась через орешник и смахнула с лица паутину.

Что такое? Красного флага над крышей уже не было, и там торчала только палка.

Тут Ольга услышала быстрый, тревожный шепот.

И вдруг, ломая сухие ветви, тяжелая лестница — та, что была приставлена к окну чердака сарая,— с треском полетела вдоль стены и, подминая лопухи, гулко брякнулась о землю.

Веревочные провода над крышей задрожали. Царапнув руки, котенок кувыркнулся в крапиву. Недоумевая, Ольга остановилась, осмотрелась, прислушалась. Но ни среди зелени, ни за чужим забором, ни в черном квадрате окна сарая никого не было ни видно, ни слышно.

Она вернулась к крыльцу.

— Это ребятишки по чужим садам озоруют,— объяснила Ольге молочница.— Вчера у соседей две яблони обтрясли, сломали грушу. Такой народ пошел... хулиганы. Я, дорогая, сына в Красную Армию служить проводила. И как пошел, вина не пил. «Прощай,— говорит,— мама». И пошел и засвистел, милый. Ну, к вечеру, как положено, взгрустнулось, всплакнула. А ночью просыпаюсь, и чудится мне, что по двору шныряет кто-то, шмыгает. Ну, думаю, человек я теперь одинокий, заступиться некому... А много ли мне, старой, надо? Кирпичом по голове стукни — вот я и готова. Однако бог миловал — ничего не украли. Пошмыгали, пошмыгали и ушли. Кадка у меня во дворе стояла — дубовая, вдвоем не своротишь,— так ее шагов на двадцать к воротам подкатили. Вот и все. А что был за народ, что за люди — дело темное.

В сумерки, когда уборка была закончена, Ольга вышла на крыльцо. Тут из кожаного футляра бережно достала она белый, сверкающий перламутром аккордеон — подарок отца, который он прислал ей ко дню рождения.

Она положила аккордеон на колени, перекинула

ремень через плечо и стала подбирать музыку к словам недавно услышанной ею песенки:

Ах, если б только раз
Мне вас еще увидеть,
Ах, если б только... раз
И два... и три...
А вы и не поймете,
На быстром самолете,
Как вас ожидала я до утренней зари.
Да!
Летчики-пилоты! Бомбы-пулеметы!
Вот и улетели в дальний путь.
Вы когда вернетесь?
Я не знаю, скоро ли,
Только возвращайтесь... хоть когда-нибудь.

Еще в то время, когда Ольга напевала эту песенку, несколько раз бросала она короткие настороженные взгляды в сторону темного куста, который рос во дворе у забора. Закончив играть, она быстро поднялась и, повернувшись к кусту, громко спросила:

— Послушайте! Зачем вы прячетесь и что вам здесь надо?

Из-за куста вышел человек в обыкновенном белом костюме. Он наклонил голову и вежливо ей ответил:

— Я не прячусь. Я сам немного артист. Я не хотел вам мешать. И вот я стоял и слушал.

— Да, но вы могли стоять и слушать с улицы. Вы же для чего-то перелезли через забор.

— Я?.. Через забор?..— обиделся человек.— Извините, я не кошка. Там, в углу забора, выломаны доски, и я с улицы проник через это отверстие.

— Понятно! — усмехнулась Ольга.— Но вот калитка. И будьте добры проникнуть через нее обратно на улицу.

Человек был послушен. Не говоря ни слова, он про-

шел через калитку, запер за собой задвижку, и это Ольге понравилось.

— Погодите! — спускаясь со ступени, остановила его она.— Вы кто? Артист?

— Нет, — ответил человек. — Я инженер-механик, но в свободное время я играю и пою в нашей заводской опере.

— Послушайте,— неожиданно просто предложила ему Ольга.—Проводите меня до вокзала. Я жду младшую сестренку. Уже темно, поздно, а ее все нет и нет. Помните, я никого не боюсь, но я еще не знаю здешних улиц. Однако постойте, зачем же вы открываете калитку? Вы можете подождать меня и у забора.

Она отнесла аккордеон, накинула на плечи платок и вышла на темную, пахнувшую росой и цветами улицу.

Ольга была сердита на Женю и поэтому со своим спутником по дороге говорила мало. Он же сказал ей, что его зовут Георгий, фамилия его Гараев и он работает инженером-механиком на автомобильном заводе.

Поджидая Женю, они пропустили уже два поезда, наконец прошел и третий, последний.

— С этой негодной девчонкой хлебнешь горя! — огорченно воскликнула Ольга.— Ну, если бы еще мне было лет сорок или хотя бы тридцать. А то ей тринадцать, мне — восемнадцать, и поэтому она меня совсем не слушается.

— Сорок не надо! — решительно отказался Георгий.— Восемнадцать куда как лучше! Да вы зря не беспокойтесь. Ваша сестра приедет рано утром.

Перрон опустел. Георгий вынул портсигар. Тут же к нему подошли два молодцеватых подростка и, дожидаясь огня, вынули свои папиросы.

— Молодой человек,— зажигая спичку и озаряя лицо старшего, сказал Георгий.— Прежде чем тянуться ко мне с папиросой, надо поздороваться, ибо я уже имел честь с вами познакомиться в парке, где вы трудолюбиво выламывали доску из нового забора. Вас зовут Михаил Квакин. Не так ли?

Мальчишка засопел, попятился, а Георгий потушил спичку, взял Ольгу за локоть и повел ее к дому.

Когда они отошли, то второй мальчишка сунул замусоленную папиросу за ухо и небрежно спросил:

— Это еще что за пропагандист выискался? Здешний?

— Здешний,— нехотя ответил Квакин.— Это Тимки Гараева дядя. Тимку бы поймать, излупить надо. Он подобрал себе компанию, и они, кажется, гнут против нас дело.

Тут оба приятеля заметили под фонарем в конце платформы седого почтенного джентльмена, который, опираясь на палку, спускался по лесенке.

Это был местный житель, доктор Ф. Г. Колокольчиков. Они помчались за ним вдогонку, громко спрашивая, нет ли у него спичек. Но их вид и голоса никак не понравились этому джентльмену, потому что, обернувшись, он погрозил им суковатой палкой и степенно пошел своей дорогой.

С московского вокзала Женя не успела послать телеграмму отцу, и поэтому, сойдя с дачного поезда, она решила разыскать поселковую почту.

Проходя через старый парк и собирая колокольчики, она незаметно вышла на перекресток двух огороженных садами улиц, пустынный вид которых ясно

показывал, что попала она совсем не туда, куда ей было надо.

Невдалеке она увидела маленькую проворную девчонку, которая с ругательствами волокла за рога упрямую козу.

— Скажи, дорогая, пожалуйста,— закричала ей Женя,— как мне пройти отсюда на почту?

Но тут коза рванулась, крутанула рогами и галопом понеслась по парку, а девчонка с воплем помчалась за ней следом. Женя огляделась: уже смеркалось, а людей вокруг видно не было. Она открыла калитку чьей-то серой двухэтажной дачи и по тропинке прошла к крыльцу.

— Скажите, пожалуйста,— не открывая дверь, громко, но очень вежливо спросила Женя,— как бы мне отсюда пройти на почту?

Ей не ответили. Она постояла, подумала, открыла дверь и через коридор прошла в комнату. Хозяев дома не было. Тогда, смутившись, она повернулась, чтобы выйти, но тут из-под стола бесшумно выползла большая светло-рыжая собака. Она внимательно оглядела оторопевшую девчонку и, тихо зарычав, легла поперек пути у двери.

— Ты, глупая! — испуганно растопыривая пальцы, закричала Женя.— Я не вор! Я у вас ничего не взяла. Это вот ключ от нашей квартиры. Это телеграмма папе. Мой папа — командир. Тебе понятно?

Собака молчала и не шевелилась. А Женя, потихоньку подвигаясь к распахнутому окну, продолжала:

— Ну вот! Ты лежишь? И лежи... Очень хорошая собачка... такая с виду умная, симпатичная.

Но едва Женя дотронулась рукой до подоконника, как симпатичная собака с грозным рычанием вскочила, и, в страхе прыгнув на диван, Женя поджала ноги.

— Очень странно,— чуть не плача, заговорила она.— Ты лови разбойников и шпионов, а я... человек. Да! — Она показала собаке язык.— Дура!

Женя положила ключ и телеграмму на край стола. Надо было дожидаться хозяев.

Но прошел час, другой... Уже стемнело. Через открытое окно доносились далекие гудки паровозов, лай собак и удары волейбольного мяча. Где-то играли на гитаре. И только здесь, около серой дачи, все было глухо и тихо.

Положив голову на жесткий валик дивана, Женя тихонько заплакала.

Наконец она крепко уснула.

Она проснулась только утром.

За окном шумела пышная, омытая дождем листва. Неподалеку скрипело колодезное колесо. Где-то пилили дрова, но здесь, на даче, было по-прежнему тихо.

Под головой у Жени лежала теперь мягкая кожаная подушка, а ноги ее были накрыты легкой простыней. Собаки на полу не было.

Значит, сюда ночью кто-то приходил!

Женя вскочила, откинула волосы, одернула помятый сарафанчик, взяла со стола ключ, неотправленную телеграмму и хотела бежать.

И тут на столе она увидела лист бумаги, на котором крупно синим карандашом было написано:

«Девочка, когда будешь уходить, захлопни крепче дверь». Ниже стояла подпись: «Тимур».

«Тимур? Кто такой Тимур? Надо бы повидать и поблагодарить этого человека».

Она заглянула в соседнюю комнату. Здесь стоял письменный стол, на нем чернильный прибор, пепель-

ница, небольшое зеркало. Справа, возле кожаных автомобильных краг, лежал старый, ободранный револьвер. Тут же у стола в облупленных и исцарапанных ножнах стояла кривая турецкая сабля. Женя положила ключ и телеграмму, потрогала саблю, вынула ее из ножен, подняла клинок над своей головой и посмотрелась в зеркало.

Вид получился суровый, грозный. Хорошо бы так сняться и потом притащить в школу карточку! Можно было бы соврать, что когда-то отец брал ее с собой на фронт. В левую руку можно взять револьвер. Вот так. Это будет еще лучше. Она до отказа стянула брови, сжала губы и, целясь в зеркало, надавила курок.

Грохот ударил по комнате. Дым заволок окна. Упало на пепельницу настольное зеркало. И, оставив на столе и ключ и телеграмму, оглушенная Женя вылетела из комнаты и помчалась прочь от этого странного и опасного дома.

Каким-то путем она очутилась на берегу речки. Теперь у нее не было ни ключа от московской квартиры, ни квитанции на телеграмму, ни самой телеграммы. И теперь Ольге надо было рассказывать все: и про собаку, и про ночевку в пустой даче, и про турецкую саблю, и, наконец, про выстрел. Скверно! Был бы папа, он бы понял. Ольга не поймет. Ольга рассердится или, чего доброго, заплачет. А это еще хуже. Плакать Женя и сама умела. Но при виде Ольгиных слез ей всегда хотелось забраться на телеграфный столб, на высокое дерево или на трубу крыши.

Для храбрости Женя выкупалась и тихонько пошла отыскивать свою дачу.

Когда она поднималась по крылечку, Ольга стояла на кухне и разводила примус. Заслышав шаги, Оль-

га обернулась и молча враждебно уставилась на Женю.

— Оля, здравствуй! — останавливаясь на верхней ступеньке и пытаясь улыбнуться, сказала Женя.— Оля, ты ругаться не будешь?

— Буду!—не сводя глаз с сестры, ответила Ольга.

— Ну, ругайся,— покорно согласилась Женя.— Такой, знаешь ли, странный случай, такое необычайное приключение! Оля, я тебя прошу, ты бровями не дергай, ничего страшного, я просто ключ от квартиры потеряла, телеграмму папе не отправила...

Женя зажмурила глаза и перевела дух, собираясь выпалить все разом. Но тут калитка перед домом с треском распахнулась. Во двор заскочила, вся в репьях, лохматая коза и, низко опустив рога, помчалась в глубь сада. А за нею с воплем пронеслась уже знакомая Жене босоногая девчонка.

Воспользовавшись таким случаем, Женя прервала опасный разговор и кинулась в сад выгонять козу. Она нагнала девчонку, когда та, тяжело дыша, держала козу за рога.

— Девочка, ты ничего не потеряла? — быстро сквозь зубы спросила у Жени девчонка, не переставая колошматить козу пинками.

— Нет,— не поняла Женя.

— А это чье? Не твое? — И девчонка показала ей ключ от московской квартиры.

— Мое,— шепотом ответила Женя, робко оглядываясь в сторону террасы.

— Возьми ключ, записку и квитанцию, а телеграмма уже отправлена,— все так же быстро и сквозь зубы пробормотала девчонка.

И, сунув Жене в руку бумажный сверток, она ударила козу кулаком.

Коза поскакала к калитке, а босоногая девчонка прямо через колючки, через крапиву, как тень, понеслась следом. И разом за калиткою они исчезли.

Сжав плечи, как будто бы поколотили ее, а не козу, Женя раскрыла сверток:

«Это ключ. Это телеграфная квитанция. Значит, кто-то телеграмму отцу отправил. Но кто? Ага, вот записка! Что же это такое?»

В этой записке крупно синим карандашом было написано:

«Девочка, никого дома не бойся. Всё в порядке, и никто от меня ничего не узнает». А ниже стояла подпись: «Тимур».

Как завороженная, тихо сунула Женя записку в карман. Потом выпрямила плечи и уже спокойно пошла к Ольге.

Ольга стояла все там же, возле неразожженного примуса, и на глазах ее уже выступили слезы.

— Оля! — горестно воскликнула тогда Женя.— Я пошутила. Ну за что ты на меня сердишься? Я прибрала всю квартиру, я протерла окна, я старалась, я все тряпки, все полы вымыла. Вот тебе ключ, вот квитанция от папиной телеграммы. И дай лучше я тебя поцелую. Знаешь, как я тебя люблю! Хочешь, я для тебя в крапиву с крыши спрыгну?

И, не дожидаясь, пока Ольга что-либо ответит, Женя бросилась к ней на шею.

— Да... но я беспокоилась,— с отчаянием заговорила Ольга.— И вечно нелепые у тебя шутки... А мне папа велел... Женя, оставь! Женька, у меня руки в керосине! Женька, налей лучше молоко и поставь кастрюлю на примус!

— Я... без шуток не могу,— бормотала Женя в то время, когда Ольга стояла возле умывальника.

Она бухнула кастрюлю с молоком на примус, потрогала лежавшую в кармане записку и спросила:

— Оля, бог есть?

— Нету,— ответила Ольга и подставила голову под умывальник.

— А кто есть?

— Отстань! — с досадой ответила Ольга.— Никого нет!

Женя помолчала и опять спросила:

— Оля, а кто такой Тимур?

— Это не бог, это один царь такой,— намыливая себе лицо и руки, неохотно ответила Ольга,— злой, хромой, из средней истории.

— А если не царь, не злой и не из средней, тогда кто?

— Тогда не знаю. Отстань! И на что это тебе Тимур дался?

— А на то, что, мне кажется, я очень люблю этого человека.

— Кого? — И Ольга недоуменно подняла покрытое мыльной пеной лицо.— Что ты все там бормочешь, выдумываешь, не даешь спокойно умыться! Вот погоди, приедет папа, и он в твоей любви разберется.

— Что ж папа!— скорбно, с пафосом воскликнула Женя.— Если он и приедет, то так ненадолго. И он, конечно, не будет обижать одинокого и беззащитного человека.

— Это ты-то одинокая и беззащитная? — недоверчиво спросила Ольга.— Ох, Женька, не знаю я, что ты за человек и в кого только ты уродилась!

Тогда Женя опустила голову и, разглядывая свое лицо, отражавшееся в цилиндре никелированного чайника, гордо и не раздумывая ответила:

— В папу. Только. В него. Одного. И больше ни в кого на свете.

Пожилой джентльмен, доктор Ф. Г. Колокольчиков, сидел в своем саду и чинил стенные часы.

Перед ним с унылым выражением лица стоял его внук Коля.

Считалось, что он помогает дедушке в работе. На самом же деле вот уже целый час, как он держал в руке отвертку, дожидаясь, пока дедушке этот инструмент понадобится.

Но стальная спиральная пружина, которую нужно было вогнать на свое место, была упряма, а дедушка был терпелив. И казалось, что конца-края этому ожиданию не будет. Это было обидно, тем более что из-за соседнего забора вот уже несколько раз высовывалась вихрастая голова Симы Симакова, человека очень расторопного и сведущего. И этот Сима Симаков языком, головой и руками подавал Коле знаки, столь странные и загадочные, что даже пятилетняя Колина сестра Татьянка, которая, сидя под липою, сосредоточенно пыталась затолкать репей в пасть лениво развалившейся собаке, неожиданно завопила и дернула дедушку за штанину, после чего голова Симы Симакова мгновенно исчезла.

Наконец пружина легла на свое место.

— Человек должен трудиться,— поднимая влажный лоб и обращаясь к Коле, наставительно произнес седой джентльмен Ф. Г. Колокольчиков.— У тебя же такое лицо, как будто бы я угощаю тебя касторкой. Подай отвертку и возьми клещи. Труд облагораживает человека. Тебе же душевного благородства как раз не хватает. Например, вчера ты съел четыре порции мороженого, а с младшей сестрой не поделился.

— Она врет, бессовестная! — бросая на Татьянку сердитый взгляд, воскликнул оскорбленный Коля.— Три раза я давал ей откусить по два раза. Она же пошла на меня жаловаться да еще по дороге стянула с маминого стола четыре копейки.

— А ты ночью по веревке из окна лазил,— не поворачивая головы, хладнокровно ляпнула Татьянка.— У тебя под подушкой есть фонарь. А в спальню к нам вчера какой-то хулиган кидал камнем. Кинет да посвистит, кинет да еще свистнет.

Дух захватило у Коли Колокольчикова при этих наглых словах бессовестной Татьянки. Дрожь пронизала тело от головы до пяток. Но, к счастью, занятый работой дедушка на такую опасную клевету внимания не обратил или просто ее не расслышал. Очень кстати в сад тут вошла с бидонами молочница и, отмеривая кружками молоко, начала жаловаться:

— А у меня, батюшка Федор Григорьевич, жулики ночью чуть было дубовую кадку со двора не своротили. А сегодня люди говорят, что чуть свет у меня на крыше двух человек видели: сидят на трубе, проклятые, и ногами болтают.

— То есть как на трубе? С какой же это, позвольте, целью? — начал было спрашивать удивленный джентльмен.

Но тут со стороны курятника раздался лязг и звон. Отвертка в руке седого джентльмена дрогнула, и упрямая пружина, вылетев из своего гнезда, с визгом брякнулась о железную крышу. Все, даже Татьянка, даже ленивая собака, разом обернулись, не понимая, откуда звон и в чем дело. А Коля Колокольчиков, не сказав ни слова, метнулся, как заяц, через морковные грядки и исчез за забором.

Он остановился возле коровьего сарая, изнутри ко-

торого, так же как из курятника, доносились резкие звуки, как будто бы кто-то бил гирей по отрезку стального рельса. Здесь-то он и столкнулся с Симой Симаковым, у которого взволнованно спросил:

— Слушай... Я не пойму. Это что?.. Тревога?

— Да нет! Это, кажется, по форме номер один позывной сигнал общий.

Они перепрыгнули через забор, нырнули в дыру ограды парка. Здесь с ними столкнулся широкоплечий, крепкий мальчуган Гейка. Следом подскочил Василий Ладыгин. Еще и еще кто-то. И бесшумно, проворно, одними только им знакомыми ходами они неслись к какой-то цели, на бегу коротко переговариваясь:

— Это тревога?

— Да нет! Это форма номер один позывной общий.

— Какой позывной? Это не «три — стоп», «три — стоп». Это какой-то болван кладет колесом десять ударов кряду.

— А вот посмотрим!

— Ага, проверим!

— Вперед! Молнией!

А в это время в комнате той самой дачи, где ночевала Женя, стоял высокий темноволосый мальчуган лет тринадцати. На нем были легкие черные брюки и темно-синяя безрукавка с вышитой красной звездой.

К нему подошел седой лохматый старик. Холщовая рубаха его была бедна. Широченные штаны — в заплатках. К колену его левой ноги ремнями была пристегнута грубая деревяшка. В одной руке он держал записку, другой сжимал старый, ободранный револьвер.

— «Девочка, когда будешь уходить, захлопни

крепче дверь», — насмешливо прочел старик. — Итак, может быть, ты мне все-таки скажешь, кто ночевал у нас сегодня на диване?

— Одна знакомая девочка,— неохотно ответил мальчуган.— Ее без меня задержала собака.

— Вот и врешь! — рассердился старик.— Если бы она была тебе знакомая, то здесь, в записке, ты назвал бы ее по имени.

— Когда я писал, то я не знал. А теперь я ее знаю.

— Не знал. И ты оставил ее утром одну... в квартире? Ты, друг мой, болен, и тебя надо отправить в сумасшедший. Эта дрянь разбила зеркало, расколотила пепельницу. Ну хорошо, что револьвер был заряжен холостыми. А если бы в нем были патроны боевые?

— Но, дядя... боевых патронов у тебя не бывает, потому что у врагов твоих ружья и сабли... просто деревянные.

Похоже было на то, что старик улыбнулся. Однако, тряхнув лохматой головой, он строго сказал:

— Ты смотри! Я все замечаю. Дела у тебя, как я вижу, темные, и как бы за них я не отправил тебя назад, к матери.

Пристукивая деревяшкой, старик пошел вверх по лестнице. Когда он скрылся, мальчуган подпрыгнул, схватил за лапы вбежавшую в комнату собаку и поцеловал ее в морду.

— Ага, Рита! Мы с тобой попались. Ничего, он сегодня добрый. Он сейчас петь будет.

И точно. Сверху из комнаты послышалось откашливание. Потом этакое тра-ля-ля!.. И наконец низкий баритон запел:

Я третью ночь не сплю, мне чудится все то же
Движенье тайное в угрюмой тишине...

— Стой, сумасшедшая собака! — крикнул Тимур.— Что ты мне рвешь штаны и куда ты меня тянешь?

Вдруг он с шумом захлопнул дверь, которая вела наверх, к дяде, и через коридор вслед за собакой выскочил на веранду.

В углу веранды возле небольшого телефона дергался, прыгал и колотился о стену подвязанный к веревке бронзовый колокольчик.

Мальчуган зажал его в руке, замотал бечевку на гвоздь. Теперь вздрагивающая бечевка ослабла — должно быть, где-то лопнула. Тогда, удивленный и рассерженный, он схватил трубку телефона.

Часом раньше, чем все это случилось, Ольга сидела за столом. Перед нею лежал учебник физики.

Вошла Женя и достала пузырек с йодом.

— Женя, — недовольно спросила Ольга, — откуда у тебя на плече царапина?

— А я шла, — беспечно ответила Женя, — а там стояло на пути что-то такое колючее или острое. Вот так и получилось.

— Отчего же это у меня на пути не стоит ничего колючего или острого? — передразнила ее Ольга.

— Неправда! У тебя на пути стоит экзамен по математике. Он и колючий и острый. Вот, посмотри, срежешься!.. Олечка, не ходи на инженера, ходи на доктора,— заговорила Женя, подсовывая Ольге настольное зеркало.— Ну, погляди: какой из тебя инженер? Инженер должен быть — вот... вот... и вот... (Она сделала три энергичные гримасы.) А у тебя — вот... вот... и вот...— Тут Женя повела глазами, приподняла брови и очень нежно улыбнулась.

— Глупая! — обнимая ее, целуя и легонько оттал-

кивая, сказала Ольга.— Уходи, Женя, и не мешай. Ты бы лучше сбегала к колодцу за водой.

Женя взяла с тарелки яблоко, отошла в угол, постояла у окна, потом расстегнула футляр аккордеона и заговорила:

— Знаешь, Оля! Подходит ко мне сегодня какой-то дяденька. Так с виду ничего себе — блондин, в белом костюме, и спрашивает: «Девочка, тебя как зовут?» Я говорю: «Женя...»

— Женя, не мешай и инструмент не трогай,— не оборачиваясь и не отрываясь от книги, сказала Ольга.

— «А твою сестру,— доставая аккордеон, продолжала Женя,— кажется, зовут Ольгой?»

— Женька, не мешай и инструмент не трогай! — невольно прислушиваясь, повторила Ольга.

— «Очень,— говорит он,— твоя сестра хорошо играет. Она не хочет ли учиться в консерватории?» (Женя достала аккордеон и перекинула ремень через плечо.) «Нет, — говорю я ему, — она уже учится по железобетонной специальности». А он тогда говорит: «А-а!» (Тут Женя нажала один клавиш.) А я ему говорю: «Бэ-э!» (Тут Женя нажала другой клавиш.)

— Негодная девчонка! Положи инструмент на место! — вскакивая, крикнула Ольга. — Кто тебе разрешает вступать в разговоры с какими-то дяденьками?

— Ну и положу,— обиделась Женя.— Я и не вступала. Это вступил он. Хотела я тебе рассказать дальше, а теперь не буду. Вот погоди, приедет папа, он тебе покажет!

— Мне? Это тебе покажет. Ты мешаешь мне заниматься.

— Нет, тебе!—хватая пустое ведро, уже с крыльца откликнулась Женя.— Я ему расскажу, как ты меня по сто раз в день то за керосином, то за мылом, то за

водой гоняешь! Я тебе не грузовик, не конь и не трактор.

Она принесла воды, поставила ведро на лавку, но, так как Ольга, не обратив на это внимания, сидела, склонившись над книгой, обиженная Женя ушла в сад.

Выбравшись на лужайку перед старым двухэтажным сараем, Женя вынула из кармана рогатку и, натянув резинку, запустила в небо маленького картонного парашютиста.

Взлетев кверху ногами, парашютист перевернулся. Над ним раскрылся голубой бумажный купол, но тут крепче рванул ветер, парашютиста поволокло в сторону, и он исчез за темным чердачным окном сарая.

Авария! Картонного человечка надо было выручать. Женя обошла сарай, через дырявую крышу которого разбегались во все стороны тонкие веревочные провода. Она подтащила к окну трухлявую лестницу и, взобравшись по ней, спрыгнула на пол чердака.

Очень странно! Этот чердак был обитаем. На стене висели мотки веревок, фонарь, два скрещенных сигнальных флага и карта поселка, вся исчерченная непонятными знаками. В углу лежала покрытая мешковиной охапка соломы. Тут же стоял перевернутый фанерный ящик. Возле дырявой замшелой крыши торчало большое, похожее на штурвальное, колесо. Над колесом висел самодельный телефон.

Женя заглянула через щель. Перед ней, как волны моря, колыхалась листва густых садов. В небе играли голуби. И тогда Женя решила: пусть голуби будут чайками, этот старый сарай с его веревками, фонарями и флагами — большим кораблем. Она же сама будет капитаном.

Ей стало весело. Она повернула штурвальное колесо. Тугие веревочные провода задрожали, загудели.

Ветер зашумел и погнал зеленые волны. А ей показалось, что это ее корабль-сарай медленно и спокойно по волнам разворачивается.

— Лево руля на борт! — громко скомандовала Женя и крепче налегла на тяжелое колесо.

Прорвавшись через щели крыши, узкие прямые лучи солнца упали ей на лицо и платье. Но Женя поняла, что это неприятельские суда нащупывают ее своими прожекторами, и она решила дать им бой.

С силой управляла она скрипучим колесом, маневрируя вправо и влево, и властно выкрикивала слова команды.

Но вот острые прямые лучи прожектора поблекли, погасли. И это, конечно, не солнце зашло за тучи. Это разгромленная вражья эскадра шла ко дну.

Бой был окончен. Пыльной ладонью Женя вытерла лоб, и вдруг на стене задребезжал звонок телефона. Этого Женя не ожидала; она думала, что этот телефон просто игрушка. Ей стало не по себе. Она сняла трубку.

Голос, звонкий и резкий, спрашивал:

— Алло! Алло! Отвечайте. Какой осел обрывает провода и подает сигналы, глупые и непонятные?

— Это не осел,— пробормотала озадаченная Женя.— Это я — Женя!

— Сумасшедшая девчонка! — резко и почти испуганно прокричал тот же голос.— Оставь штурвальное колесо и беги прочь. Сейчас примчатся... люди, и они тебя поколотят.

Женя бросила трубку, но было уже поздно. Вот на свету показалась чья-то голова: это был Гейка, за ним Сима Симаков, Коля Колокольчиков, а вслед лезли еще и еще мальчишки.

— Кто вы такие? — отступая от окна, в страхе

спросила Женя.— Уходите!.. Это наш сад. Я вас сюда не звала.

Но плечо к плечу, плотной стеной ребята молча шли на Женю. И, очутившись прижатой к углу, Женя вскрикнула.

В то же мгновение в просвете мелькнула еще одна тень. Все обернулись и расступились. И перед Женей встал высокий темноволосый мальчуган в синей безрукавке, на груди которой была вышита красная звезда.

— Тише, Женя! — громко сказал он.— Кричать не надо. Никто тебя не тронет. Мы с тобой знакомы. Я — Тимур.

— Ты Тимур?! — широко раскрывая полные слез глаза, недоверчиво воскликнула Женя.—Это ты укрыл меня ночью простынею? Ты оставил мне на столе записку? Ты отправил папе на фронт телеграмму, а мне прислал ключ и квитанцию? Но зачем? За что? Откуда ты меня знаешь?

Тогда он подошел к ней, взял ее за руку и ответил:

— А вот оставайся с нами! Садись и слушай, и тогда тебе все будет понятно.

На покрытой мешками соломе вокруг Тимура, который разложил перед собой карту поселка, расположились ребята.

У отверстия выше слухового окна повис на веревочных качелях наблюдатель. Через его шею был перекинут шнурок с помятым театральным биноклем.

Неподалеку от Тимура сидела Женя и насторожено прислушивалась и приглядывалась ко всему, что происходит на совещании этого никому не известного штаба. Говорил Тимур:

— Завтра, на рассвете, пока люди спят, я и Колокольчиков исправим оборванные ею (он показал на Женю) провода.

— Он проспит,— хмуро вставил большеголовый, одетый в матросскую тельняшку Гейка.— Он просыпается только к завтраку и к обеду.

— Клевета! — вскакивая и заикаясь, вскричал Коля Колокольчиков.— Я встаю вместе с первым лучом солнца.

— Я не знаю, какой у солнца луч первый, какой второй, но он проспит обязательно,— упрямо продолжал Гейка.

Тут болтавшийся на веревках наблюдатель свистнул. Ребята повскакали.

По дороге в клубах пыли мчался конно-артиллерийский дивизион. Могучие, одетые в ремни и железо кони быстро волокли за собою зеленые зарядные ящики и укрытые серыми чехлами пушки.

Обветренные, загорелые ездовые, не качнувшись в седле, лихо заворачивали за угол, и одна за другой батареи скрывались в роще. Дивизион умчался.

— Это они на вокзал, на погрузку поехали,— важно объяснил Коля Колокольчиков.— Я по их обмундированию вижу: когда они скачут на учение, когда на парад, а когда и еще куда.

— Видишь — и молчи! — остановил его Гейка.— Мы и сами с глазами. Вы знаете, ребята, этот болтун хочет убежать в Красную Армию!

— Нельзя,— вмешался Тимур.— Это затея совсем пустая.

— Как нельзя? — покраснев, спросил Коля.— А почему же раньше мальчишки всегда на фронт бегали?

— То раньше! А теперь крепко-накрепко всем на-

чальникам и командирам приказано гнать оттуда нашего брата по шее.

— Как по шее? — вспылив и еще больше покраснев, вскричал Коля Колокольчиков.— Это... своих-то?

— Да вот!..— И Тимур вздохнул.— Это своих-то! А теперь, ребята, давайте к делу.

Все расселись по местам.

— В саду дома номер тридцать четыре по Кривому переулку неизвестные мальчишки обтрясли яблоню,— обиженно сообщил Коля Колокольчиков.— Они сломали две ветки и помяли клумбу.

— Чей дом? — И Тимур заглянул в клеенчатую тетрадь.— Дом красноармейца Крюкова. Кто у нас здесь бывший специалист по чужим садам и яблоням?

— Я,— раздался сконфуженный голос.

— Кто это мог сделать?

— Это работал Мишка Квакин и его помощник, под названием «Фигура». Яблоня — мичуринка, сорт «золотой налив», и, конечно, взята на выбор.

— Опять и опять Квакин! — Тимур задумался.— Гейка! У тебя с ним разговор был?

— Был.

— Ну и что же?

— Дал ему два раза по шее.

— А он?

— Ну и он сунул мне раза два тоже.

— Эк у тебя все — «дал» да «сунул»... А толку что-то нету. Ладно! Квакиным мы займемся особо. Давайте дальше.

— В доме номер двадцать пять у старухи молочницы взяли в кавалерию сына,— сообщил из угла кто-то.

— Вот хватил! — И Тимур укоризненно качнул головой.— Да там на воротах еще третьего дня наш знак поставлен. А кто ставил? Колокольчиков, ты?

— Я.

— Так почему же у тебя верхний левый луч звезды кривой, как пиявка? Взялся сделать — сделай хорошо. Люди придут — смеяться будут. Давайте дальше.

Вскочил Сима Симаков и зачастил уверенно, без запинки:

— В доме номер пятьдесят четыре по Пушкаревой улице коза пропала. Я иду, вижу — старуха девчонку колотит. Я кричу: «Тетенька, бить не по закону!» Она говорит: «Коза пропала. Ах, будь ты проклята!» — «Да куда же она пропала?» — «А вон там, в овраге за перелеском, обгрызла мочалу и провалилась, как будто ее волки съели!»

— Погоди! Чей дом?

— Дом красноармейца Павла Гурьева. Девчонка — его дочь, зовут Нюркой. Колотила ее бабка. Как зовут, не знаю. Коза серая, со спины черная. Зовут Манька.

— Козу разыскать! — приказал Тимур.— Пойдет команда в четыре человека. Ты... ты и ты. Ну всё, ребята?

— В доме номер двадцать два девчонка плачет,— как бы нехотя сообщил Гейка.

— Чего же она плачет?

— Спрашивал — не говорит.

— А ты спросил бы получше. Может быть, кто-нибудь ее поколотил... обидел?

— Спрашивал — не говорит.

— А велика ли девчонка?

— Четыре года.

— Вот еще беда! Кабы человек... а то — четыре года! Постой, а чей это дом?

— Дом лейтенанта Павлова. Того, что недавно убили на границе.

— «Спрашивал — не говорит», — огорченно передразнил Гейку Тимур. Он нахмурился, подумал.— Ладно... Это я сам. Вы к этому делу не касайтесь.

— На горизонте показался Мишка Квакин! — громко доложил наблюдатель.— Идет по той стороне улицы. Жрет яблоко. Тимур! Выслать команду: пусть дадут ему тычка или взашеину!

— Не надо. Все оставайтесь на местах. Я вернусь скоро.

Он прыгнул из окна на лестницу и исчез в кустах. А наблюдатель сообщил снова:

— У калитки, в поле моего зрения, неизвестная девица, красивого вида, стоит с кувшином и покупает молоко. Это, наверно, хозяйка дачи.

— Это твоя сестра?—дергая Женю за рукав, спросил Коля Колокольчиков. И, не получив ответа, он важно и обиженно предостерег: — Ты смотри не вздумай ей отсюда крикнуть.

— Сиди! — выдергивая рукав, насмешливо ответила ему Женя.— Тоже ты мне начальник...

— Не лезь к ней,— поддразнил Гейка Колю,— а то она тебя поколотит.

— Меня? — Коля обиделся.— У нее что? Когти? А у меня — мускулатура. Вот... ручная, ножная!

— Она поколотит тебя вместе с ручною и ножною. Ребята, осторожно! Тимур подходит к Квакину.

Легко помахивая сорванной веткой, Тимур шел Квакину наперерез. Заметив это, Квакин остановился. Плоское лицо его не показывало ни удивления, ни испуга.

— Здорово, комиссар! — склонив голову набок, негромко сказал он.— Куда так торопишься?

— Здорово, атаман! — в тон ему ответил Тимур.— К тебе навстречу.

— Рад гостю, да угощать нечем. Разве вот это? — Он сунул руку за пазуху и протянул Тимуру яблоко.

— Ворованные? — спросил Тимур, надкусывая яблоко.

— Они самые,— объяснил Квакин.— Сорт «золотой налив». Да вот беда: нет еще настоящей спелости.

— Кислятина! — бросая яблоко, сказал Тимур.— Послушай: ты на заборе дома номер тридцать четыре вот такой знак видел? — И Тимур показал на звезду, вышитую на своей синей безрукавке.

— Ну, видел,— насторожился Квакин.— Я, брат, и днем и ночью все вижу.

— Так вот: если ты днем или ночью еще раз такой знак где-либо увидишь, ты беги прочь от этого места, как будто бы тебя кипятком ошпарили.

— Ой, комиссар! Какой ты горячий! — растягивая слова, сказал Квакин.— Хватит, поговорили!

— Ой, атаман, какой ты упрямый,— не повышая голоса, ответил Тимур.— А теперь запомни сам и передай всей шайке, что этот разговор у нас с вами последний.

Никто со стороны и не подумал бы, что это разговаривают враги, а не два теплых друга. И поэтому Ольга, державшая в руках кувшин, спросила молочницу, кто этот мальчишка, который совещается о чем-то с хулиганом Квакиным.

— Не знаю,— с сердцем ответила молочница.— Наверное, такой же хулиган и безобразник. Он что-то все возле вашего дома околачивается. Ты смотри, дорогая, как бы они твою сестренку не отколошматили.

Беспокойство охватило Ольгу. С ненавистью взглянула она на обоих мальчишек, прошла на террасу, по-

ставила кувшин, заперла дверь и вышла на улицу разыскивать Женю, которая вот уже два часа как не показывала глаз домой.

...Вернувшись на чердак, Тимур рассказал о своей встрече ребятам. Было решено завтра отправить всей шайке письменный ультиматум.

Бесшумно соскакивали ребята с чердака и через дыры в заборах, а то и прямо через заборы разбегались по домам в разные стороны. Тимур подошел к Жене.

— Ну что? — спросил он.— Теперь тебе все понятно?

— Все,— ответила Женя,— только еще не очень. Ты объясни мне проще.

— А тогда спускайся вниз и иди за мной. Твоей сестры все равно сейчас нет дома.

Когда они слезли с чердака, Тимур повалил лестницу.

Уже стемнело, но Женя доверчиво пошла за ним следом.

Они остановились у домика, где жила старуха молочница. Тимур оглянулся. Людей вблизи не было. Он вынул из кармана свинцовый тюбик с масляной краской и подошел к воротам, где была нарисована звезда, верхний левый луч которой действительно изгибался, как пиявка.

Уверенно лучи он обровнял, заострил и выпрямил.

— Скажи, зачем? — спросила его Женя.— Ты объясни мне проще: что все это значит?

Тимур сунул тюбик в карман. Сорвал лист лопуха, вытер закрашенный палец и, глядя Жене в лицо, сказал:

— А это значит, что из этого дома человек ушел в Красную Армию. И с этого времени этот дом нахо-

дится под нашей охраной и защитой. У тебя отец в армии?

— Да! — с волнением и гордостью ответила Женя.— Он командир.

— Значит, и ты находишься под нашей охраной и защитой тоже.

Они остановились перед воротами другой дачи. И здесь на заборе была начерчена звезда. Но прямые светлые лучи ее были обведены широкой черной каймой.

— Вот!—сказал Тимур.— И из этого дома человек ушел в Красную Армию. Но его уже нет. Это дача лейтенанта Павлова, которого недавно убили на границе. Тут живет его жена и та маленькая девочка, у которой добрый Гейка так и не добился, отчего она часто плачет. И если тебе случится, то сделай ей, Женя, что-нибудь хорошее.

Он сказал все это очень просто, но мурашки пробежали по груди и по рукам Жени, а вечер был теплый и даже душный.

Она молчала, наклонив голову. И только для того, чтобы хоть что-нибудь сказать, она спросила:

— А разве Гейка добрый?

— Да,— ответил Тимур.— Он сын моряка, матроса. Он часто бранит малыша и хвастунишку Колокольчикова, но сам везде и всегда за него заступается.

Окрик резкий и даже гневный заставил их обернуться. Неподалеку стояла Ольга.

Женя дотронулась до руки Тимура: она хотела подвести его и познакомить с ним Ольгу.

Но новый окрик, строгий и холодный, заставил ее от этого отказаться.

Виновато кивнув Тимуру головой и недоуменно пожав плечами, она пошла к Ольге.

— Евгения! — тяжело дыша, со слезами в голосе сказала Ольга.— Я запрещаю тебе разговаривать с этим мальчишкой. Тебе понятно?

— Но, Оля,— пробормотала Женя,— что с тобою?

— Я запрещаю тебе подходить к этому мальчишке,— твердо повторила Ольга.— Тебе тринадцать, мне восемнадцать. Я твоя сестра... Я старше. И, когда папа уезжал, он мне велел...

— Но, Оля, ты ничего, ничего не понимаешь! — с отчаянием воскликнула Женя. Она вздрагивала. Она хотела объяснить, оправдаться. Но она не могла. Она была не вправе. И, махнув рукой, она не сказала сестре больше ни слова.

Сразу же она легла в постель. Но уснуть не могла долго. А когда уснула, то так и не слыхала, как ночью постучали в окно и подали от отца телеграмму.

...Рассвело. Пропел деревянный рог пастуха. Старуха молочница открыла калитку и погнала корову к стаду. Не успела она завернуть за угол, как из-за куста акации, стараясь не греметь пустыми ведрами, выскочило пятеро мальчуганов, и они бросились к колодцу.

— Качай!

— Давай!

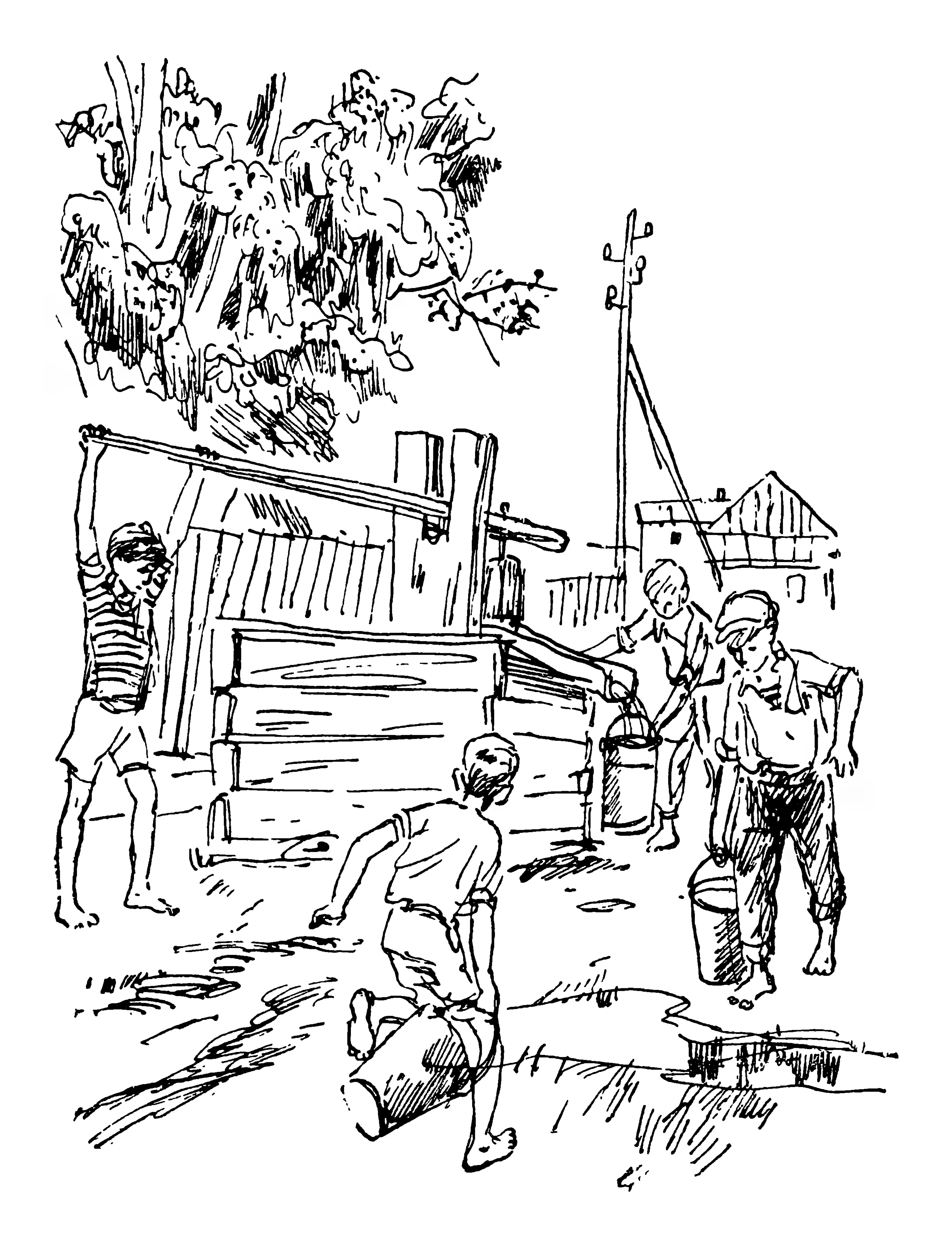
— Бери!

— Хватай!

Обливая холодной водой босые ноги, мальчишки мчались во двор, опрокидывали ведра в дубовую кадку и, не задерживаясь, неслись обратно к колодцу.

К взмокшему Симе Симакову, который без передышки ворочал рычагом колодезного насоса, подбежал Тимур и спросил:

— Вы Колокольчикова здесь не видали? Нет? Значит, он проспал. Скорей, торопитесь! Старуха пойдет сейчас обратно.

Обливая холодной водой босые ноги, мальчишки мчались во двор...

Очутившись в саду перед дачей Колокольчиковых, Тимур стал под деревом и свистнул. Не дождавшись ответа, он полез на дерево и заглянул в комнату. С дерева ему была видна только половина придвинутой к подоконнику кровати да завернутые в одеяло ноги.

Тимур кинул на кровать кусочек коры и тихонько позвал:

— Коля, вставай! Колька!

Спящий не пошевельнулся. Тогда Тимур вынул нож, срезал длинный прут, заострил на конце сучок, перекинул прут через подоконник и, зацепив сучком одеяло, потащил его на себя.

Легкое одеяло поползло через подоконник. В комнате раздался хрипловатый изумленный вопль. Вытаращив заспанные глаза, с кровати соскочил седой джентльмен в нижнем белье и, хватая рукой уползающее одеяло, подбежал к окну.

Очутившись лицом к лицу с почтенным стариком, Тимур разом слетел с дерева.

А седой джентльмен, бросив на постель отвоеванное одеяло, сдернул со стены двустволку, поспешно надел очки и, выставив ружье из окна дулом к небу, зажмурил глаза и выстрелил.

...Только у колодца перепуганный Тимур остановился. Вышла ошибка. Он принял спящего джентльмена за Колю, а седой джентльмен, конечно, принял его за жулика.

Тут Тимур увидел, что старуха молочница с коромыслом и ведрами выходит из калитки за водой. Он юркнул за акацию и стал наблюдать. Вернувшись от колодца, старуха подняла ведро, опрокинула его в бочку и сразу отскочила, потому что вода с шумом и брызгами выплеснулась из уже наполненной до краев бочки прямо ей под ноги.

Охая, недоумевая и оглядываясь, старуха обошла бочку. Она опустила руку в воду и поднесла ее к носу. Потом побежала к крыльцу проверить, цел ли замок у двери. И, наконец, не зная, что и думать, она стала стучать в окно соседке.

Тимур засмеялся и вышел из своей засады. Надо было спешить. Уже поднималось солнце. Коля Колокольчиков не явился, и провода все еще исправлены не были.

...Пробираясь к сараю, Тимур заглянул в распахнутое, выходящее в сад окно.

У стола возле кровати в трусах и майке сидела Женя и, нетерпеливо откидывая сползавшие на лоб волосы, что-то писала.

Увидав Тимура, она не испугалась и даже не удивилась. Она только погрозила ему пальцем, чтобы он не разбудил Ольгу, сунула недоконченное письмо в ящик и на цыпочках вышла из комнаты.

Здесь, узнав от Тимура, какая с ним сегодня случилась беда, она позабыла все Ольгины наставления и охотно вызвалась помочь ему наладить ею же самой оборванные провода.

Когда работа была закончена и Тимур уже стоял по ту сторону изгороди, Женя ему сказала:

— Не знаю за что, но моя сестра тебя очень ненавидит.

— Ну вот, — огорченно ответил Тимур, — и мой дядя тебя тоже!

Он хотел уйти, но она его остановила:

— Постой, причешись. Ты сегодня очень лохматый.

Она вынула гребенку, протянула ее Тимуру, и тотчас же позади, из окна, раздался негодующий окрик Ольги:

— Женя! Что ты делаешь?..

...Сестры стояли на террасе.

— Я тебе знакомых не выбираю,— с отчаянием защищалась Женя.— Каких? Очень простых. В белых костюмах. «Ах, как ваша сестра прекрасно играет!» Прекрасно! Вы бы лучше послушали, как она прекрасно ругается. Вот смотри! Я уже обо всем пишу папе.

— Евгения! Этот мальчишка — хулиган, а ты глупа,— холодно выговаривала, стараясь казаться спокойной, Ольга.— Хочешь, пиши папе, пожалуйста, но если я хоть еще раз увижу тебя с этим мальчишкой рядом, то в тот же день я брошу дачу, и мы уедем отсюда в Москву. А ты знаешь, что у меня слово бывает твердое?

— Да... мучительница! — со слезами ответила Женя.— Это-то я знаю.

— А теперь возьми и читай.— Ольга положила на стол полученную ночью телеграмму и вышла.

В телеграмме было написано:

«На днях проездом несколько часов буду Москве число часы телеграфирую дополнительно тчк Папа».

Женя вытерла слезы, приложила телеграмму к губам и тихо пробормотала:

— Папа, приезжай скорей! Папа! Мне, твоей Женьке, очень трудно.

Во двор того дома, откуда пропала коза и где жила бабка, которая поколотила бойкую девчонку Нюрку, привезли два воза дров.

Ругая беспечных возчиков, которые свалили дрова как попало, кряхтя и охая, бабка начала укладывать поленницу. Но эта работа была ей не под силу. Откашливаясь, она села на ступеньку, отдышалась, взяла лейку и пошла в огород. Во дворе остался теперь толь-

ко трехлетний братишка Нюрки — человек, как видно, энергичный и трудолюбивый, потому что едва бабка скрылась, как он поднял палку и начал колотить ею по скамье и по перевернутому кверху дном корыту.

Тогда Сима Симаков, только что охотившийся за беглой козой, которая скакала по кустам и оврагам не хуже индийского тигра, одного человека из своей команды оставил на опушке, а с четырьмя другими вихрем ворвался во двор.

Он сунул малышу в рот горсть земляники, всучил ему в руки блестящее перо из крыла галки, и вся четверка рванулась укладывать дрова в поленницу.

Сам Сима Симаков понесся кругом вдоль забора, чтобы задержать на это время бабку в огороде. Остановившись у забора, возле того места, где к нему вплотную примыкали вишни и яблони, Сима заглянул в щелку.

Бабка набрала в подол огурцов и собиралась идти во двор.

Сима Симаков тихонько постучал по доскам забора.

Бабка насторожилась. Тогда Сима поднял палку и начал ею шевелить ветви яблони.

Бабке тотчас же показалось, что кто-то тихонько лезет через забор за яблоками. Она высыпала огурцы на межу, выдернула большой пук крапивы, подкралась и притаилась у забора.

Сима Симаков опять заглянул в щель, но бабки теперь он не увидел. Обеспокоенный, он подпрыгнул, схватился за край забора и осторожно стал подтягиваться. Но в то же время бабка с торжествующим криком выскочила из своей засады и ловко стегнула Симу Симакова по рукам крапивой. Размахивая обожженными руками, Сима помчался к воротам, откуда уже выбегала закончившая свою работу четверка.

Во дворе опять остался только один малыш. Он поднял с земли щепку, положил ее на край поленницы, потом поволок туда же кусок бересты.

За этим занятием и застала его вернувшаяся из огорода бабка. Вытаращив глаза, она остановилась перед аккуратно сложенной поленницей и спросила:

— Это кто же тут без меня работает?

Малыш, укладывая бересту в поленницу, важно ответил:

— А ты, бабушка, не видишь — это я работаю.

Во двор вошла молочница, и обе старухи оживленно начали обсуждать эти странные происшествия с водой и с дровами. Пробовали они добиться ответа у малыша, однако добились немногого. Он объяснил им, что прискочили из ворот люди, сунули ему в рот сладкой земляники, дали перо и еще пообещали поймать ему зайца с двумя ушами и с четырьмя ногами. А потом дрова покидали и опять ускочили.

В калитку вошла Нюрка.

— Нюрка,— спросила ее бабка,— ты не видала, кто к нам сейчас во двор заскакивал?

— Я козу искала,— уныло ответила Нюрка.— Я все утро по лесу да по оврагам сама скакала.

— Украли! — горестно пожаловалась бабка молочнице.— А какая была коза! Ну, голубь, а не коза. Голубь!

— Голубь,— отодвигаясь от бабки, огрызнулась Нюрка.— Как почнет шнырять рогами, так не знаешь, куда и деваться. У голубей рогов не бывает.

— Молчи, Нюрка! Молчи, разиня бестолковая! — закричала бабка.— Оно, конечно, коза была с характером. И я ее, козушку, продать хотела. А теперь вот моей голубушки и нету.

Калитка со скрипом распахнулась. Низко опустив

рога, во двор вбежала коза и устремилась прямо на молочницу.

Подхватив тяжелый бидон, молочница с визгом вскочила на крыльцо, а коза, ударившись рогами о стену, остановилась.

И тут все увидали, что к рогам козы крепко прикручен фанерный плакат, на котором крупно было выведено:

Я коза-коза,
Всех людей гроза.
Кто Нюрку будет бить,
Тому худо будет жить.

А на углу за забором хохотали довольные ребятишки.

Воткнув в землю палку, притопывая вокруг нее, приплясывая, Сима Симаков гордо пропел:

Мы не шайка и не банда,
Не ватага удальцов,
Мы веселая команда
Пионеров-молодцов.
У-ух, ты!

И, как стайка стрижей, ребята стремительно и бесшумно умчались прочь.

Работы на сегодня было еще немало, но, главное, сейчас надо было составить и отослать Мишке Квакину ультиматум.

Как составляются ультиматумы, этого еще никто не знал, и Тимур спросил об этом у дяди.

Тот объяснил ему, что каждая страна пишет ультиматум на свой манер, но в конце для вежливости полагается приписать:

«Примите, господин министр, уверение в совершеннейшем к Вам почтении».

Затем ультиматум через аккредитованного посла вручается правителю враждебной державы.

Но это дело ни Тимуру, ни его команде не понравилось. Во-первых, никакого почтения хулигану Квакину они передавать не хотели; во-вторых, ни постоянного посла, ни даже посланника при этой шайке у них не было. И, посоветовавшись, они решили отправить ультиматум попроще, на манер того послания запорожцев к турецкому султану, которое каждый видел на картине, когда читал о том, как смелые казаки боролись с турками, татарами и ляхами.

За серыми воротами с черно-красной звездой, в тенистом саду того дома, что стоял напротив дачи, где жили Ольга и Женя, по песчаной аллейке шла маленькая белокурая девчушка. Ее мать, женщина молодая, красивая, но с лицом печальным и утомленным, сидела в качалке возле окна, на котором стоял пышный букет полевых цветов. Перед ней лежала груда распечатанных телеграмм и писем — от родных и от друзей, знакомых и незнакомых. Письма и телеграммы эти были теплые и ласковые. Они звучали издалека, как лесное эхо, которое никуда путника не зовет, ничего не обещает и все же подбадривает и подсказывает ему, что люди близко и в темном лесу он не одинок.

Держа куклу кверху ногами, так, что деревянные руки и пеньковые косы ее волочились по песку, белокурая девочка остановилась перед забором. По забору спускался раскрашенный, вырезанный из фанеры заяц. Он дергал лапой, тренькая по струнам нарисованной балалайки, и мордочка у него была грустновато-смешная.

Восхищенная таким необъяснимым чудом, равного которому, конечно, и нет на свете, девочка выронила куклу, подошла к забору, и добрый заяц послушно опустился ей прямо в руки. А вслед за зайцем выглянуло лукавое и довольное лицо Жени.

Девочка посмотрела на Женю и спросила:

— Это ты со мной играешь?

— Да, с тобой. Хочешь, я к тебе спрыгну?

— Здесь крапива,— подумав, предупредила девочка.— И здесь я вчера обожгла себе руку.

— Ничего,— спрыгивая с забора, сказала Женя,— я не боюсь. Покажи, какая тебя вчера обожгла крапива? Вот эта? Ну, смотри: я ее вырвала, бросила, растоптала ногами и на нее плюнула. Давай с тобой играть: ты держи зайца, а я возьму куклу.

Ольга видела с крыльца террасы, как Женя вертелась около чужого забора, но она не хотела мешать сестренке, потому что та и так сегодня утром много плакала. Но, когда Женя полезла на забор и спрыгнула в чужой сад, обеспокоенная Ольга вышла из дома, подошла к воротам и открыла калитку. Женя и девчурка стояли уже у окна, возле женщины, и та улыбалась, когда дочка показывала ей, как грустный смешной заяц играет на балалайке.

По встревоженному лицу Жени женщина угадала, что вошедшая в сад Ольга недовольна.

— Вы на нее не сердитесь,— негромко сказала Ольге женщина.— Она просто играет с моей девчуркой. У нас горе...— Женщина помолчала.— Я плачу, а она... — женщина показала на свою крохотную дочку и тихо добавила: — а она и не знает, что ее отца недавно убили на границе.

Теперь смутилась Ольга, а Женя издалека посмотрела на нее горько и укоризненно.

— А я одна,— продолжала женщина.— Мать у меня в горах, в тайге, очень далеко, братья в армии, сестер нет.

Она тронула за плечо подошедшую Женю и, указывая на окно, спросила:

— Девочка, этот букет ночью не ты мне на крыльцо положила?

— Нет,— быстро ответила Женя.— Это не я. Но это, наверное, кто-нибудь из наших.

— Кто? — И Ольга непонимающе взглянула на Женю.

— Я не знаю,— испугавшись, заговорила Женя,— это не я. Я ничего не знаю. Смотрите, сюда идут люди.

За воротами послышался шум машины, а по дорожке от калитки шли два летчика-командира.

— Это ко мне,— сказала женщина.— Они, конечно, опять будут предлагать мне уехать в Крым, на Кавказ, на курорт, в санаторий...

Оба командира подошли, приложили руки к пилоткам, и, очевидно, расслышав ее последние слова, старший — капитан — сказал:

— Ни в Крым, ни на Кавказ, ни на курорт, ни в санаторий. Вы хотели повидать вашу маму? Ваша мать сегодня поездом выезжает к вам из Иркутска. До Иркутска она была доставлена на специальном самолете.

— Кем? — радостно и растерянно воскликнула женщина.— Вами?

— Нет,— ответил летчик-капитан,— нашими и вашими товарищами.

Подбежала маленькая девчурка, смело посмотрела на пришедших, и видно, что синяя форма эта ей была хорошо знакома.

— Мама,— попросила она,— сделай мне качели,

и я буду летать туда-сюда, туда-сюда. Далеко-далеко, как папа.

— Ой, не надо! — подхватывая и сжимая дочурку, воскликнула ее мать.— Нет, не улетай так далеко... как твой папа.

...На Малой Овражной, позади часовни с облупленной росписью, изображавшей суровых волосатых старцев и чисто выбритых ангелов, правей картины «страшного суда» с котлами, смолой и юркими чертями, на ромашковой поляне ребята из компании Мишки Квакина играли в карты.

Денег у игроков не было, и они резались «на тычка», «на щелчка» и на «оживи покойника». Проигравшему завязывали глаза, клали его спиной на траву и давали ему в руки свечку, то есть длинную палку. И этой палкой он должен был вслепую отбиваться от добрых собратий своих, которые, сожалея усопшего, старались вернуть его к жизни, усердно настегивая крапивой по его голым коленям, икрам и пяткам.

Игра была в самом разгаре, когда за оградой раздался резкий звук сигнальной трубы.

Это снаружи у стены стояли посланцы от команды Тимура.

Штаб-трубач Коля Колокольчиков сжимал в руке медный блестящий горн, а босоногий суровый Гейка держал склеенный из оберточной бумаги пакет.

— Это что же тут за цирк или комедия?—перегибаясь через ограду, спросил паренек, которого звали Фигурой.— Мишка! — оборачиваясь, заорал он.— Брось карты, тут к тебе какая-то церемония пришла!

— Я тут,— залезая на ограду, отозвался Квакин.— Эге, Гейка, здорóво! А это еще что с тобой за хлюпик?

— Возьми пакет,— протягивая ультиматум, сказал Гейка.— Сроку на размышление вам двадцать четыре часа дадено. За ответом приду завтра в такое же время.

Обиженный тем, что его назвали хлюпиком, штаб-трубач Коля Колокольчиков вскинул горн и, раздувая щеки, яростно протрубил отбой. И, не сказав больше ни слова, под любопытными взглядами рассыпавшихся по ограде мальчишек оба парламентера с достоинством удалились.

— Это что же такое? — переворачивая пакет и оглядывая разинувших рты ребят, спросил Квакин.— Жили-жили, ни о чем не тужили... Вдруг... труба, гроза! Я, братцы, право, ничего не понимаю!..

Он разорвал пакет и, не слезая с ограды, стал читать:

— «Атаману шайки по очистке чужих садов Михаилу Квакину...» Это мне,—громко объяснил Квакин.— С полным титулом, по всей форме. «...и его,— продолжал он читать,— гнуснопрославленному помощнику Петру Пятакову, иначе именуемому просто Фигурой...» Это тебе,— с удовлетворением объяснил Квакин Фигуре.—Эк они завернули: «гнуснопрославленный»! Это уж что-то очень по-благородному, могли бы дурака назвать и попроще. «...а также ко всем членам этой позорной компании у л ь т и м а т у м». Это что такое, я не знаю,— насмешливо объявил Квакин.— Вероятно, ругательство или что-нибудь в этом смысле.

— Это такое международное слово. Бить будут,— объяснил стоявший рядом с Фигурой бритоголовый мальчуган Алешка.

— А, так бы и писали! — сказал Квакин.—Читаю дальше. Пункт первый:

«Ввиду того что вы по ночам совершаете налеты на сады мирных жителей, не щадя и тех домов, на которых стоит наш знак — красная звезда, и даже тех, на которых стоит звезда с траурной черной каймою, вам, трусливым негодяям, мы приказываем...»

— Ты посмотри, как, собаки, ругаются! — смутившись, но пытаясь улыбнуться, продолжал Квакин.— А какой дальше слог, какие запятые! Да!

«...приказываем: не позже чем завтра утром Михаилу Квакину и гнусноподобной личности Фигуре явиться на место, которое им гонцами будет указано, имея на руках список всех членов вашей позорной шайки.

А в случае отказа мы оставляем за собой полную свободу действий».

— То есть в каком смысле свободу? — опять переспросил Квакин.— Мы их, кажется, пока никуда не запирали.

— Это такое международное слово. Бить будут,— опять объяснил бритоголовый Алешка.

— А, тогда так бы и говорили! — с досадой сказал Квакин.— Жаль, что ушел Гейка; видно, он давно не плакал.

— Он не заплачет,— сказал бритоголовый,— у него брат — матрос.

— Ну?

— У него и отец был матросом. Он не заплачет.

— А тебе-то что?

— А то, что у меня дядя матрос тоже.

— Вот дурак — заладил! — рассердился Квакин.— То отец, то брат, то дядя. А что к чему — неизвестно. Отрасти, Алеша, волосы, а то тебе солнце напекло затылок. А ты что там мычишь, Фигура?

— Гонцов надо завтра изловить, а Тимку и его

компанию излупить,— коротко и угрюмо предложил обиженный ультиматумом Фигура.

На том и порешили. Отойдя в тень часовни и остановившись вдвоем возле картины, где проворные мускулистые черти ловко волокли в пекло воющих и упирающихся грешников, Квакин спросил у Фигуры:

— Слушай, это ты в тот сад лазил, где живет девчонка, у которой отца убили?

— Ну, я.

— Так вот...— с досадой пробормотал Квакин, тыкая пальцем в стену.— Мне, конечно, на Тимкины знаки наплевать, и Тимку я всегда бить буду...

— Хорошо,— согласился Фигура.— А что ты мне пальцем на чертей тычешь?

— А то,— скривив губы, ответил ему Квакин,— что ты мне хоть и друг, Фигура, но никак на человека не похож ты, а скорей вот на этого толстого и поганого черта.

Утром молочница не застала дома троих постоянных покупателей. На базар было идти уже поздно, и, взвалив бидон на плечи, она отправилась по квартирам.

Она ходила долго без толку и наконец остановилась возле дачи, где жил Тимур.

За забором она услышала густой приятный голос: кто-то негромко пел. Значит, хозяева были дома и здесь можно было ожидать удачи.

Пройдя через калитку, старуха нараспев закричала:

— Молока не надо ли, молока?

— Две кружки! — раздался в ответ басистый голос.

Скинув с плеча бидон, молочница обернулась и увидела выходящего из кустов косматого, одетого в лохмотья хромоного старика, который держал в руке кривую обнаженную саблю.

— Я, батюшка, говорю, молочка не надо ли? — оробев и попятившись, предложила молочница.— Экий ты, отец мой, с виду серьезный! Ты что ж это, саблей траву косишь?

— Две кружки. Посуда на столе,— коротко ответил старик и воткнул саблю клинком в землю.

— Ты бы, батюшка, купил косу,— торопливо наливая молоко в кувшин и опасливо поглядывая на старика, говорила молочница.— А саблю лучше брось. Этакой саблей простого человека и до смерти напугать можно.

— Платить сколько? — засовывая руку в карман широченных штанов, спросил старик.

— Как у людей,— ответила ему молочница.— По рубль сорок — всего два восемьдесят. Лишнего мне не надо.

Старик пошарил и достал из кармана большой ободранный револьвер.

— Я, батюшка, потом...— подхватывая бидон и поспешно удаляясь, заговорила молочница.— Ты, дорогой мой, не трудись!—прибавляя ходу и не переставая оборачиваться, продолжала она.— Мне, золотой, деньги не к спеху.

Она выскочила за калитку, захлопнула ее и сердито с улицы закричала:

— В больнице тебя, старого черта, держать надо, а не пускать по воле. Да, да! На замке, в больнице.

Старик пожал плечами, сунул обратно в карман вынутую оттуда трешницу и тотчас же спрятал револьвер за спину, потому что в сад вошел пожилой джентльмен, доктор Ф. Г. Колокольчиков.

С лицом сосредоточенным и серьезным, опираясь на палку, прямою, несколько деревянною походкой он шагал по песчаной аллее.

Увидав чудно́го старика, джентльмен кашлянул, поправил очки и спросил:

— Не скажешь ли ты, любезный, где мне найти владельца этой дачи?

— На этой даче живу я,— ответил старик.

— В таком случае,— прикладывая руку к соломенной шляпе, продолжал джентльмен,— вы мне скажете: не приходится ли вам некий мальчик, Тимур Гараев, родственником?

— Да, приходится,— ответил старик.— Этот некий мальчик — мой племянник.

— Мне очень прискорбно,— откашливаясь и недоуменно косясь на торчавшую в земле саблю, начал джентльмен,— но ваш племянник сделал вчера утром попытку ограбить наш дом.

— Что?! — изумился старик.— Мой Тимур хотел ваш дом ограбить?

— Да, представьте! — заглядывая старику за спину и начиная волноваться, продолжал джентльмен.— Он сделал попытку во время моего сна похитить укрывавшее меня байковое одеяло.

— Кто? Тимур вас ограбил? Похитил байковое одеяло? — растерялся старик. И спрятанная у него за спиной рука с револьвером невольно опустилась.

Волнение овладело почтенным джентльменом, и, с достоинством пятясь к выходу, он заговорил:

— Я, конечно, не утверждал бы, но факты... факты! Милостивый государь! Я вас прошу, вы ко мне не приближайтесь. Я, конечно, не знаю, чему приписать... Но ваш вид, ваше странное поведение...

— Послушайте,— шагая к джентльмену, произнес старик,— но все это, очевидно, недоразумение.

— Милостивый государь! — не спуская глаз с револьвера и не переставая пятиться, вскричал джентль-

мен.— Наш разговор принимает нежелательное и, я бы сказал, недостойное нашего возраста направление.

Он выскочил за калитку и быстро пошел прочь, повторяя:

— Нет, нет, нежелательное и недостойное направление...

Старик подошел к калитке как раз в ту минуту, когда шедшая купаться Ольга поравнялась с взволнованным джентльменом.

Тут вдруг старик замахал руками и закричал Ольге, чтобы она остановилась. Но джентльмен проворно, как козел, перепрыгнул через канаву, схватил Ольгу за руку, и оба они мгновенно скрылись за углом.

Тогда старик расхохотался. Возбужденный и обрадованный, бойко притопывая своей деревяшкой, он пропел:

А вы и не поймете
На быстром самолете,
Как вас ожидала я до утренней зари
Да!

Он отстегнул ремень у колена, швырнул на траву деревянную ногу и, на ходу сдирая парик и бороду, помчался к дому.

Через десять минут молодой и веселый инженер Георгий Гараев сбежал с крыльца, вывел мотоцикл из сарая, крикнул собаке Рите, чтобы она караулила дом, нажал стартер и, вскочив в седло, помчался к реке разыскивать напуганную им Ольгу.

В одиннадцать часов Гейка и Коля Колокольчиков отправились за ответом на ультиматум.

— Ты иди ровно,— ворчал Гейка на Колю.— Ты шагай легко, твердо. А ты ходишь, как цыпленок за червяком скачет. И все у тебя, брат, хорошо — и шта-

ны, и рубаха, и вся форма, а виду у тебя все равно нет. Ты, брат, не обижайся, я тебе дело говорю. Ну, вот скажи: зачем ты идешь и языком губы мусолишь? Ты запихай язык в рот, и пусть он там и лежит на своем месте... А ты зачем появился? — спросил Гейка, увидав выскочившего наперерез Симу Симакова.

— Меня Тимур послал для связи,— затараторил Симаков.— Так надо, и ты ничего не понимаешь. Вам свое, а у меня свое дело. Коля, дай-ка я дудану в трубу. Экий ты сегодня важный! Гейка, дурак! Идешь по делу — надел бы сапоги, ботинки. Разве послы босиком ходят? Ну ладно, вы туда, а я сюда. Гоп-гоп, до свиданья!

— Этакий балабон! — покачал головой Гейка.— Скажет сто слов, а можно бы четыре. Труби, Николай, вот и ограда.

— Подавай наверх Михаила Квакина! — приказал Гейка высунувшемуся сверху мальчишке.

— А заходите справа! — закричал из-за ограды Квакин.— Там для вас нарочно ворота открыты.

— Не ходи,— дергая за руку Гейку, прошептал Коля.— Они нас поймают и поколотят.

— Это все на двоих-то? — надменно спросил Гейка.— Труби, Николай, громче. Нашей команде везде дорога.

Они прошли через ржавую железную калитку и очутились перед группой ребят, впереди которых стояли Фигура и Квакин.

— Ответ на письмо давайте,— твердо сказал Гейка.

Квакин улыбался, Фигура хмурился.

— Давай поговорим,— предложил Квакин.— Ну, сядь, посиди, куда торопишься?

— Ответ на письмо давайте,— холодно повто-

рил Гейка.— А разговаривать с вами будем мы после.

И было странно, непонятно: играет ли он, шутит ли, этот прямой, коренастый мальчишка в матросской тельняшке, возле которого стоит маленький, уже побледневший трубач? Или, прищурив строгие серые глаза свои, босоногий, широкоплечий, он и на самом деле требует ответа, чувствуя за собою и право и силу?

— На́, возьми,— протягивая бумагу, сказал Квакин.

Гейка развернул лист. Там был грубо нарисован кукиш, под которым стояло ругательство.

Спокойно, не изменившись в лице, Гейка разорвал бумагу. В ту же минуту он и Коля крепко были схвачены за плечи и за руки.

Они не сопротивлялись.

— За такие ультиматумы надо бы вам набить шею,— подходя к Гейке, сказал Квакин.— Но... мы люди добрые. До ночи мы запрем вас вот сюда,— он показал на часовню,— а ночью мы обчистим сад под номером двадцать четыре наголо.

— Этого не будет,— ровно ответил Гейка.

— Нет, будет! — крикнул Фигура и ударил Гейку по щеке.

— Бей хоть сто раз,— зажмурившись и вновь открывая глаза, сказал Гейка.— Коля,— подбадривающе буркнул он,— ты не робей. Чую я, что будет сегодня у нас позывной сигнал по форме номер один общий.

Пленников втолкнули внутрь маленькой часовни с наглухо закрытыми железными ставнями. Обе двери за ними закрыли, задвинули засов и забили его деревянным клином.

— Ну что?— подходя к двери и прикладывая ко

рту ладонь, закричал Фигура.— Как оно теперь: по-нашему или по-вашему выйдет?

И из-за двери глухо, едва слышно донеслось:

— Нет, бродяги, теперь по-вашему уже никогда и ничего не выйдет.

Фигура плюнул.

— У него брат — матрос,— хмуро объяснил бритоголовый Алешка.— Они с моим дядей на одном корабле служат.

— Ну,— угрожающе спросил Фигура,— а ты кто — капитан, что ли?

— У него руки схвачены, а ты его бьешь. Это хорошо ли?

— Нá и тебе тоже! — обозлился Фигура и ударил Алешку наотмашь.

Тут оба мальчишки покатились на траву. Их тянули за руки, за ноги, разнимали...

И никто не посмотрел наверх, где в густой листве липы, что росла близ ограды, мелькнуло лицо Симы Симакова.

Винтом соскользнул он на землю. И напрямик, через чужие огороды, помчался к Тимуру, к своим на речку.

Прикрыв голову полотенцем, Ольга лежала на горячем песке пляжа и читала.

Женя купалась. Неожиданно кто-то обнял ее за плечи.

Она обернулась.

— Здравствуй,— сказала ей высокая темноглазая девочка.— Я приплыла от Тимура. Меня зовут Таней, и я тоже из его команды. Он жалеет, что тебе из-за него от сестры попало. У тебя сестра, наверное, очень злая?

— Пусть он не жалеет,— покраснев, пробормотала

Женя.— Ольга совсем не злая, у нее такой характер.— И, всплеснув руками, Женя с отчаянием добавила:— Ну, сестра, сестра и сестра! Вот погодите, приедет папа...

Они вышли из воды и забрались на крутой берег, левей песчаного пляжа. Здесь они наткнулись на Нюрку.

— Девочка, ты меня узнала? — как всегда быстро и сквозь зубы, спросила она у Жени.— Да! Я тебя узнала сразу. А вон Тимур! — сбросив платье, показала она на усыпанный ребятами противоположный берег.— Я знаю, кто мне поймал козу, кто нам уложил дрова и кто дал моему братишке землянику. И тебя я тоже знаю,— обернулась она к Тане.— Ты один раз сидела на грядке и плакала. А ты не плачь. Что толку?.. Гей! Сиди, чертовка, или я тебя сброшу в реку!— закричала она на привязанную к кустам козу.— Девочки, давайте в воду прыгнем!

Женя и Таня переглянулись. Очень уж она была смешная, эта маленькая, загорелая, похожая на цыганку Нюрка.

Взявшись за руки, они подошли к самому краю обрыва, под которым плескалась ясная голубая вода.

— Ну, прыгнули?

— Прыгнули!

И они разом бросились в воду.

Но не успели девчонки вынырнуть, как вслед за ними бултыхнулся кто-то четвертый.

Это, как он был — в сандалиях, трусах и майке,— Сима Симаков с разбегу кинулся в реку. И, отряхивая слипшиеся волосы, отплевываясь и отфыркиваясь, длинными саженками он поплыл на другой берег.

— Беда, Женя! Беда! — прокричал он обернувшись.— Гейка и Коля попали в засаду!

...Читая книгу, Ольга поднималась в гору. И там, где крутая тропка пересекала дорогу, ее встретил стоявший возле мотоцикла Георгий. Они поздоровались.

— Я ехал,— объяснил ей Георгий,— смотрю, вы идете. Дай, думаю, подожду и подвезу, если по дороге.

— Неправда! — не поверила Ольга.— Вы стояли и ожидали меня нарочно.

— Ну, верно,— согласился Георгий.— Хотел соврать, да не вышло. Я должен перед вами извиниться за то, что напугал вас утром. А ведь хромой старик у калитки — это был я. Это я в гриме готовился к репетиции. Садитесь, я подвезу вас на машине.

Ольга отрицательно качнула головой.

Он положил ей букет на книгу.

Букет был хорош. Ольга покраснела, растерялась и... бросила его на дорогу.

Этого Георгий не ожидал.

— Послушайте! — огорченно сказал он.— Вы хорошо играете, поете, глаза у вас прямые, светлые. Я вас ничем не обидел. Но мне думается, что так, как вы, не поступают люди... даже самой железобетонной специальности.

— Цветов не надо! — сама испугавшись своего поступка, виновато ответила Ольга.— Я... и так, без цветов, с вами поеду.

Она села на кожаную подушку, и мотоцикл полетел вдоль дороги.

Дорога раздваивалась, но, минуя ту, что сворачивала к поселку, мотоцикл вырвался в поле.

— Вы не туда повернули,— крикнула Ольга,— нам надо направо!

— Здесь дорога лучше,— отвечал Георгий,— здесь дорога веселая.

Опять поворот, и они промчались через шумливую тенистую рощу. Выскочила из стада и затявкала, пытаясь догнать их, собака. Но нет! Куда там! Далеко.

Как тяжелый снаряд, прогудела встречная грузовая машина. И когда Георгий и Ольга вырвались из поднятых клубов пыли, то под горой увидали дым, трубы, башни, стекло и железо какого-то незнакомого города.

— Это наш завод! — прокричал Ольге Георгий.— Три года тому назад я сюда ездил собирать грибы и землянику.

Почти не уменьшая хода, машина круто развернулась.

— Прямо! — предостерегающе кричала Ольга.— Давайте только прямо домой.

Вдруг мотор заглох, и они остановились.

— Подождите,— соскакивая, сказал Георгий,— маленькая авария.

Он положил машину на траву под березой, достал из сумки ключ и принялся что-то подвертывать и подтягивать.

— Вы кого в вашей опере играете? — присаживаясь на траву, спросила Ольга.— Почему у вас грим такой суровый и страшный?

— Я играю старика инвалида,— не переставая возиться у мотоцикла, ответил Георгий.— Он бывший партизан, и он немного... не в себе. Он живет близ границы, и ему все кажется, что враги нас перехитрят и обманут. Он стар, но он осторожен. Красноармейцы же молодые — смеются, после караула в волейбол играют. Девчонки там у них разные... Катюши!

Георгий нахмурился и тихо запел:

За тучами опять померкнула луна.
Я третью ночь не сплю в глухом дозоре.
Ползут в тиши враги. Не спи, моя страна!
Я стар. Я слаб. О, горе мне... о, горе!

Тут Георгий переменил голос и, подражая хору, пропел:

Старик, спокойно... спокойно!

— Что значит «спокойно»? — утирая платком запыленные губы, спросила Ольга.

— А это значит,— продолжая стучать ключом по втулке, объяснял Георгий,— это значит, что: спи спокойно, старый дурак! Давно уже все бойцы и командиры стоят на своем месте... Оля, ваша сестренка о моей с ней встрече вам говорила?

— Говорила, я ее выругала.

— Напрасно. Очень забавная девочка. Я ей говорю «а», она мне «бэ»!

— С этой забавной девочкой хлебнешь горя,— снова повторила Ольга.— К ней привязался какой-то мальчишка, зовут Тимур. Он из компании хулигана Квакина. И никак я его от нашего дома не могу отвадить.

— Тимур!.. Гм...— Георгий смущенно кашлянул.— Разве он из компании? Он, кажется, не того... не очень... Ну ладно! Вы не беспокойтесь... Я его от вашего дома отважу. Оля, почему вы не учитесь в консерватории? Подумаешь — инженер! Я и сам инженер, а что толку?

— Разве вы плохой инженер?

— Зачем плохой? — подвигаясь к Ольге и начиная теперь стучать по втулке переднего колеса, ответил Георгий.— Совсем не плохой, но вы очень хорошо играете и поете.

— Послушайте, Георгий,— смущенно отодвигаясь,

сказала Ольга.— Я не знаю, какой вы инженер, но... чините вы машину как-то очень странно.

И Ольга помахала рукой, показывая, как он постукивает ключом то по втулке, то по ободу.

— Ничего не странно. Все делается так, как надо.— Он вскочил и стукнул ключом по раме.— Ну, вот и готово! Оля, ваш отец командир?

— Да.

— Это хорошо. Я и сам командир тоже.

— Кто вас разберет! — пожала плечами Ольга.— То вы инженер, то вы актер, то командир. Может быть, к тому же вы еще и летчик?

— Нет, — усмехнулся Георгий. — Летчики глушат бомбами по головам сверху, а мы с земли через железо и бетон бьем прямо в сердце.

И опять перед ними замелькали рожь, поля, рощи, речки. Наконец вот и дача.

На треск мотоцикла с террасы выскочила Женя. Увидав Георгия, она смутилась, но когда он умчался, то, глядя ему вслед, Женя подошла к Ольге, обняла ее и с завистью сказала:

— Ох, какая ты сегодня счастливая!

Условившись встретиться неподалеку от сада дома № 24, мальчишки из-за ограды разбежались.

Задержался только один Фигура. Его злило и удивляло молчание внутри часовни. Пленники не кричали, не стучали и на вопросы и окрики Фигуры не отзывались.

Тогда Фигура пустился на хитрость. Открыв наружную дверь, он вошел в каменный простенок и замер, как будто бы его здесь не было.

И так, приложив к замку ухо, он стоял до тех пор, пока наружная железная дверь не захлопнулась с

таким грохотом, как будто бы по ней ударили бревном.

— Эй, кто там? — бросаясь к двери, рассердился Фигура.— Эй, не балуй, а то дам по шее!

Но ему не отвечали. Снаружи послышались чужие голоса. Заскрипели петли ставен. Кто-то через решетку окна переговаривался с пленниками.

Затем внутри часовни раздался смех. И от этого смеха Фигуре стало плохо.

Наконец наружная дверь распахнулась. Перед Фигурой стояли Тимур, Симаков и Ладыгин.

— Открой второй засов! — не двигаясь, приказал Тимур.— Открой сам, или будет хуже!

Нехотя Фигура отодвинул засов. Из часовни вышли Коля и Гейка.

— Лезь на их место! — приказал Тимур.— Лезь, гадина, быстро! — сжимая кулаки, крикнул он.— Мне с тобой разговаривать некогда!

Захлопнули за Фигурой обе двери. Наложили на петлю тяжелую перекладину и повесили замок.

Потом Тимур взял лист бумаги и синим карандашом коряво написал:

«Квакин, караулить не надо. Я их запер, ключ у меня. Я приду прямо на место, к саду, вечером».

Затем все скрылись. Через пять минут за ограду зашел Квакин.

Он прочел записку, потрогал замок, ухмыльнулся и пошел к калитке, в то время как запертый Фигура отчаянно колотил кулаками и пятками по железной двери.

От калитки Квакин обернулся и равнодушно пробормотал:

— Стучи, Гейка, стучи! Нет, брат, ты еще до вечера настучишься.

Дальше события развертывались так.

Перед заходом солнца Тимур и Симаков сбегали на рыночную площадь. Там, где в беспорядке выстроились ларьки—квас, воды, овощи, табак, бакалея, мороженое,— у самого края торчала неуклюжая пустая будка, в которой по базарным дням работали сапожники.

В будке этой Тимур и Симаков пробыли недолго.

В сумерки на чердаке сарая заработало штурвальное колесо. Один за одним натягивались крепкие веревочные провода, передавая туда, куда надо, и те, что надо, сигналы.

Подходили подкрепления. Собрались мальчишки, их было уже много — двадцать — тридцать. А через дыры заборов тихо и бесшумно проскальзывали всё новые и новые люди.

Таню и Нюрку отослали обратно. Женя сидела дома. Она должна была задерживать и не пускать в сад Ольгу.

На чердаке у колеса стоял Тимур.

— Повтори сигнал по шестому проводу,— озабоченно попросил просунувшийся в окно Симаков.— Там что-то не отвечают.

Двое мальчуганов чертили по фанере какой-то плакат. Подошло звено Ладыгина.

Наконец пришли разведчики. Шайка Квакина собиралась на пустыре близ сада дома № 24.

— Пора,— сказал Тимур.— Всем приготовиться!

Он выпустил из рук колесо, взялся за веревку. И над старым сараем под неровным светом бегущей меж облаков луны медленно поднялся и заколыхался флаг команды — сигнал к бою.

...Вдоль забора дома № 24 продвигалась цепочка из десятка мальчишек. Остановившись в тени, Квакин сказал:

— Все на месте, а Фигуры нет.

— Он хитрый,— ответил кто-то.— Он, наверное, уже в саду. Он всегда вперед лезет.

Квакин отодвинул две заранее снятые с гвоздей доски и пролез через дыру. За ним полезли и остальные. На улице у дыры остался один часовой — Алешка.

Из поросшей крапивой и бурьяном канавы по другой стороне улицы выглянуло пять голов. Четыре из них сразу же спрятались. Пятая — Коли Колокольчикова — задержалась, но чья-то ладонь хлопнула ее по макушке, и голова исчезла.

Часовой Алешка оглянулся. Все было тихо, и он просунул голову в отверстие — послушать, что делается внутри сада.

От канавы отделилось трое. И в следующее мгновение часовой почувствовал, как крепкая сила рванула его за ноги, за руки. И, не успев крикнуть, он отлетел от забора.

— Гейка,— пробормотал он, поднимая лицо,— ты откуда?

— Оттуда, — прошипел Гейка. — Смотри молчи! А то я не посмотрю, что ты за меня заступался.

— Хорошо, — согласился Алешка, — я молчу. — И неожиданно он пронзительно свистнул.

Но тотчас же рот его был зажат широкой ладонью Гейки. Чьи-то руки подхватили его за плечи, за ноги и уволокли прочь.

Свист в саду услыхали. Квакин обернулся. Свист больше не повторился. Квакин внимательно оглядывался по сторонам. Теперь ему показалось, что кусты в углу сада шевельнулись.

— Фигура! — негромко окликнул Квакин.— Это ты там, дурак, прячешься?

— Мишка! Огонь! — крикнул вдруг кто-то. — Это идут хозяева!

Но это были не хозяева.

Позади, в гуще листвы, вспыхнуло не меньше десятка электрических фонарей. И, слепя глаза, они стремительно надвигались на растерявшихся налетчиков.

— Бей, не отступай! — выхватывая из кармана яблоко и швыряя по огням, крикнул Квакин.— Рви фонари с руками! Это идет он... Тимка!

— Там Тимка, а здесь Симка! — гаркнул, вырываясь из-за куста, Симаков.

И еще десяток мальчишек рванулись с тылу и с фланга.

— Эге! — заорал Квакин.— Да у них сила! За забор вылетай, ребята!

Попавшая в засаду шайка в панике метнулась к забору.

Толкаясь, сшибаясь лбами, мальчишки выскакивали на улицу и попадали прямо в руки Ладыгина и Гейки.

Луна совсем спряталась за тучи. Слышны были только голоса:

— Пусти!

— Оставь!

— Не лезь! Не тронь!

— Всем тише! — раздался в темноте голос Тимура.— Пленных не бить! Где Гейка?

— Здесь Гейка!

— Веди всех на место.

— А если кто не пойдет?

— Хватайте за руки, за ноги и тащите с почетом, как икону богородицы.

— Пустите, черти! — раздался чей-то плачущий голос.

— Кто кричит? — гневно спросил Тимур.— Хулиганить мастера, а отвечать боитесь! Гейка, давай команду, двигай!

Пленников подвели к пустой будке на краю базарной площади. Тут их одного за другим протолкнули за дверь.

— Михаила Квакина ко мне,— попросил Тимур.

Подвели Квакина.

— Готово? — спросил Тимур.

— Все готово.

Последнего пленника втолкнули в будку, задвинули засов и просунули в пробой тяжелый замок.

— Ступай,— сказал тогда Тимур Квакину.— Ты смешон. Ты никому не страшен и не нужен.

Ожидая, что его будут бить, ничего не понимая, Квакин стоял, опустив голову.

— Ступай,— повторил Тимур.— Возьми вот этот ключ и отопри часовню, где сидит твой друг Фигура.

Квакин не уходил.

— Отопри ребят,— хмуро попросил он.— Или посади меня вместе с ними.

— Нет,— отказался Тимур,— теперь все кончено. Ни им с тобою, ни тебе с ними больше делать нечего.

Под свист, шум и улюлюканье, спрятав голову в плечи, Квакин медленно пошел прочь. Отойдя десяток шагов, он остановился и выпрямился.

— Бить буду! — злобно закричал он, оборачиваясь к Тимуру. — Бить буду тебя одного. Один на один, до смерти! — И, отпрыгнув, он скрылся в темноте.

— Ладыгин и твоя пятерка, вы свободны,— сказал Тимур.— У тебя что?

— Дом номер двадцать два, перекатать бревна, по Большой Васильковской.

— Хорошо. Работайте!

Рядом на станции заревел гудок. Прибыл дачный поезд. С него сходили пассажиры, и Тимур заторопился.

— Симаков и твоя пятерка, у тебя что?

— Дом номер тридцать восемь, по Малой Петраковской.— Он рассмеялся и добавил: — Наше дело, как всегда: ведра, кадка да вода... Гоп! Гоп! До свиданья!

— Хорошо, работайте! Ну, а теперь... сюда идут люди. Остальные все по домам... Разом!

Гром и стук раздался по площади. Шарахнулись и остановились идущие с поезда прохожие. Стук и вой повторился. Загорелись огни в окнах соседних дач. Кто-то включил свет над ларьком, и столпившиеся люди увидели над палаткой такой плакат:

ПРОХОЖИЕ, НЕ ЖАЛЕЙ!

Здесь сидят люди, которые трусливо по ночам обирают сады мирных жителей.

Ключ от замка висит позади этого плаката, и тот, кто отопрет этих арестантов, пусть сначала посмотрит, нет ли среди них его близких или знакомых.

Поздняя ночь. И черно-красной звезды на воротах не видно. Но она тут.

Сад того дома, где живет маленькая девочка. С ветвистого дерева спустились веревки. Вслед за ними по шершавому стволу соскользнул мальчик. Он кладет доску, садится и пробует, прочны ли они, эти новые качели. Толстый сук чуть поскрипывает, листва шуршит и вздрагивает. Вспорхнула и пискнула потревоженная птица. Уже поздно. Спит давно Ольга, спит Женя. Спят и его товарищи: веселый Симаков, молчаливый Ладыгин, смешной Коля. Ворочается, конечно, и бормочет во сне храбрый Гейка.

Часы на каланче отбивают четверти: «Был день — было дело! Дин-дон... раз, два!..»

Да, уже поздно.

Мальчуган встает, шарит по траве руками и поднимает тяжелый букет полевых цветов. Эти цветы рвала Женя.

Осторожно, чтобы не разбудить и не испугать спящих, он всходит на озаренное луною крыльцо и бережно кладет букет на верхнюю ступеньку. Это — Тимур.

Было утро выходного дня. В честь годовщины победы красных под Хасаном комсомольцы поселка устроили в парке большой карнавал — концерт и гулянье.

Девчонки убежали в рощу еще спозаранку. Ольга торопливо доканчивала гладить блузку. Перебирая платья, она тряхнула Женин сарафан, из его кармана выпала бумажка.

Ольга подняла и прочла:

«Девочка, никого дома не бойся. Все в порядке, и никто от меня ничего не узнает. Тимур».

«Чего не узнает? Почему не бойся? Что за тайна у этой скрытной и лукавой девчонки? Нет! Этому надо положить конец. Папа уезжал, и он велел... Надо действовать решительно и быстро».

В окно постучал Георгий.

— Оля,— сказал он,— выручайте! Ко мне пришла делегация. Просят что-нибудь спеть с эстрады. Сегодня такой день — отказать было нельзя. Давайте аккомпанируйте мне на аккордеоне.

— Да... Но это вам может сделать пианистка! — удивилась Ольга.— Зачем же на аккордеоне?

— Оля, я с пианисткой не хочу. Хочу с вами! У нас получится хорошо. Можно, я к вам через окно пры-

ну? Оставьте утюг и выньте инструмент. Ну вот, я его вам сам вынул. Вам только остается нажимать на лады пальцами, а я петь буду.

— Послушайте, Георгий,— обиженно сказала Ольга,— в конце концов, вы могли не лезть в окно, когда есть двери...

В парке было шумно. Вереницей подъезжали машины с отдыхающими. Тащились грузовики с бутербродами, с булками, бутылками, колбасой, конфетами, пряниками.

Стройно подходили голубые отряды ручных и колесных мороженщиков.

На полянах разноголосо вопили патефоны, вокруг которых раскинулись приезжие и местные дачники с питьем и снедью.

Играла музыка.

У ворот ограды эстрадного театра стоял дежурный старичок и бранил монтера, который хотел пройти через калитку вместе со своими ключами, ремнями и железными «кошками».

— С инструментами, дорогой, сюда не пропускаем. Сегодня праздник. Ты сначала сходи домой, умойся и оденься.

— Так ведь, папаша, здесь же без билета, бесплатно!

— Все равно нельзя. Здесь пение. Ты бы еще с собой телеграфный столб приволок. И ты, гражданин, обойди тоже,— остановил он другого человека.— Здесь люди поют... музыка. А у тебя бутылка торчит из кармана.

— Но, дорогой папаша,— заикаясь, пытался возразить человек,— мне нужно... я сам тенор.

— Проходи, проходи, тенор,— показывая на мон-

тера, отвечал старик.— Вон бас не возражает. И ты, тенор, не возражай тоже.

Женя, которой мальчишки сказали, что Ольга с аккордеоном прошла на сцену, нетерпеливо ерзала на скамье.

Наконец вышли Георгий и Ольга. Жене стало страшно: ей показалось, что над Ольгой сейчас начнут смеяться.

Но никто не смеялся.

Георгий и Ольга стояли на подмостках, такие простые, молодые и веселые, что Жене захотелось обнять их обоих.

Но вот Ольга накинула ремень на плечо.

Глубокая морщина перерезала лоб Георгия, он ссутулился, наклонил голову. Теперь это был старик, и низким звучным голосом он запел:

Я третью ночь не сплю. Мне чудится все то же
Движенье тайное в угрюмой тишине.
Винтовка руку жжет. Тревога сердце гложет,
Как двадцать лет назад ночами на войне.
Но если и сейчас я встречуся с тобою,
Наемных армий вражеский солдат,
То я, седой старик, готовый встану к бою,
Спокоен и суров, как двадцать лет назад.

— Ах, как хорошо! И как этого хромого смелого старика жалко! Молодец, молодец...— бормотала Женя.— Так, так. Играй, Оля! Жаль только, что не слышит тебя наш папа.

После концерта, дружно взявшись за руки, Георгий и Ольга шли по аллее.

— Все так,— говорила Ольга.— Но я не знаю, куда пропала Женя.

— Она стояла на скамье,— ответил Георгий,— и кричала: «Браво, браво!» Потом к ней подошел...— тут

Георгий запнулся,— какой-то мальчик, и они исчезли.

— Какой мальчик? — встревожилась Ольга.— Георгий, вы старше, скажите, что мне с ней делать? Смотрите! Утром я у нее нашла вот эту бумажку!

Георгий прочел записку. Теперь он и сам задумался и нахмурился.

— Не бойся — это значит не слушайся. Ох, и попадись мне этот мальчишка под руку, то-то бы я с ним поговорила!

Ольга спрятала записку. Некоторое время они молчали. Но музыка играла очень весело, кругом смеялись, и, опять взявшись за руки, они пошли по аллее.

Вдруг на перекрестке в упор они столкнулись с другой парой, которая, так же дружно держась за руки, шла им навстречу. Это были Тимур и Женя.

Растерявшись, обе пары вежливо на ходу раскланялись.

— Вот он! — дергая Георгия за руку, с отчаянием сказала Ольга.— Это и есть тот самый мальчишка.

— Да,— смутился Георгий,— а главное, что это и есть Тимур — мой отчаянный племянник.

— И ты... вы знали! — рассердилась Ольга.— И вы мне ничего не говорили!

Откинув его руку, она побежала по аллее. Но ни Тимура, ни Жени уже видно не было. Она свернула на узкую кривую тропку, и только тут она наткнулась на Тимура, который стоял перед Фигурой и Квакиным.

— Послушай,— подходя к нему вплотную, сказала Ольга.— Мало вам того, что вы облазили и обломали все сады, даже у старух, даже у осиротевшей девчурки; мало тебе того, что от вас бегут даже собаки,— ты портишь и настраиваешь против меня сестренку. У тебя на шее пионерский галстук, но ты просто... негодяй.

Тимур был бледен.

— Это неправда,— сказал он.— Вы ничего не знаете.

Ольга махнула рукой и побежала разыскивать Женю.

Тимур стоял и молчал.

Молчали озадаченные Фигура и Квакин.

— Ну что, комиссар? — спросил Квакин.— Вот и тебе, я вижу, бывает невесело?

— Да, атаман,— медленно поднимая глаза, ответил Тимур.— Мне сейчас тяжело, мне невесело. И лучше бы вы меня поймали, исколотили, избили, чем мне из-за вас слушать... вот это.

— Чего же ты молчал? — усмехнулся Квакин.— Ты бы сказал: это, мол, не я. Это они. Мы тут стояли, рядом.

— Да! Ты бы сказал, а мы бы тебе за это наподдали,— вставил обрадованный Фигура.

Но совсем не ожидавший такой поддержки Квакин молча и холодно посмотрел на своего товарища. А Тимур, трогая рукой стволы деревьев, медленно пошел прочь.

— Гордый,— тихо сказал Квакин.— Хочет плакать, а молчит.

— Давай-ка сунем ему по разу, вот и заплачет,— сказал Фигура и запустил вдогонку Тимуру еловой шишкой.

— Он... гордый,— хрипло повторил Квакин,— а ты... ты — сволочь! — И, развернувшись, он ляпнул Фигуре кулаком по лбу.

Фигура опешил, потом взвыл и кинулся бежать. Дважды нагоняя его, давал ему Квакин тычка в спину.

Наконец Квакин остановился, поднял оброненную фуражку; отряхивая, ударил ее о колено, подошел к мороженщику, взял порцию, прислонился к дереву и,

тяжело дыша, жадно стал глотать мороженое большими кусками.

На поляне возле стрелкового тира Тимур нашел Гейку и Симу.

— Тимур! — предупредил его Сима.— Тебя ищет (он, кажется, очень сердит) твой дядя.

— Да, иду, я знаю.

— Ты сюда вернешься?

— Не знаю.

— Тима! — неожиданно мягко сказал Гейка и взял товарища за руку.— Что это? Ведь мы же ничего плохого никому не сделали. А ты знаешь, если человек прав...

— Да, знаю... то он не боится ничего на свете. Но ему все равно больно.

Тимур ушел.

К Ольге, которая несла домой аккордеон, подошла Женя.

— Оля!

— Уйди! — не глядя на сестру, ответила Ольга.— Я с тобой больше не разговариваю. Я сейчас уезжаю в Москву, и ты без меня можешь гулять с кем хочешь, хоть до рассвета.

— Но, Оля...

— Я с тобой не разговариваю. Послезавтра мы переедем в Москву. А там подождем папу.

— Да! Папа, а не ты — он все узнает! — в гневе и слезах крикнула Женя и помчалась разыскивать Тимура.

Она разыскала Гейку, Симакова и спросила, где Тимур.

— Его позвали домой,—сказал Гейка.— На него за что-то из-за тебя очень сердит дядя.

В бешенстве топнула Женя ногой и, сжимая кулаки, вскричала:

— Вот так... ни за что... и пропадают люди!

Она обняла ствол березы, но тут к ней подскочили Таня и Нюрка.

— Женька! — закричала Таня.— Что с тобой? Женя, бежим! Там пришел баянист, там начались танцы — пляшут девчонки.

Они схватили ее, затормошили и подтащили к кругу, внутри которого мелькали яркие, как цветы, платья, блузки и сарафаны.

— Женя, плакать не надо! — так же, как всегда, быстро и сквозь зубы сказала Нюрка.— Меня когда бабка колотит, и то я не плачу! Девочки, давайте лучше в круг!.. Прыгнули!

— «Пр-рыгнули»! — передразнила Нюрку Женя.

И, прорвавшись через цепь, они закружились, завертелись в отчаянно веселом танце.

Когда Тимур вернулся домой, его подозвал дядя.

— Мне надоели твои ночные похождения,— говорил Георгий.— Надоели сигналы, звонки, веревки. Что это была за странная история с одеялом?

— Это была ошибка.

— Хороша ошибка! К этой девочке ты больше не лезь: тебя ее сестра не любит.

— За что?

— Не знаю. Значит, заслужил. Что это у тебя за записки? Что это за странные встречи в саду на рассвете? Ольга говорит, что ты учишь девочку хулиганству.

— Она лжет,— возмутился Тимур,— а еще комсомолка! Если ей что непонятно, она могла бы позвать меня, спросить. И я бы ей на все ответил.

— Хорошо. Но, пока ты ей еще ничего не ответил,

я запрещаю тебе подходить к их даче, и вообще, если ты будешь самовольничать, то я тебя тотчас же отправлю домой к матери.

Он хотел уходить.

— Дядя,— остановил его Тимур,— а когда вы были мальчишкой, что вы делали? как играли?

— Мы?.. Мы бегали, скакали, лазили по крышам, бывало, что и дрались. Но наши игры были просты и всем понятны.

Чтобы проучить Женю, к вечеру, так и не сказав сестренке ни слова, Ольга уехала в Москву.

В Москве никакого дела у нее не было. И поэтому, не заезжая к себе, она отправилась к подруге, просидела у нее дотемна и только часам к десяти пришла на свою квартиру. Она открыла дверь, зажгла свет и тут же вздрогнула: к двери в квартиру была пришпилена телеграмма. Ольга сорвала телеграмму и прочла ее. Телеграмма была от папы.

К вечеру, когда уже разъезжались из парка грузовики, Женя и Таня забежали на дачу. Затевалась игра в волейбол, и Женя должна была сменить туфли на тапки.

Она завязывала шнурок, когда в комнату вошла женщина — мать белокурой девчурки. Девочка лежала у нее на руках и дремала.

Узнав, что Ольги нет дома, женщина опечалилась.

— Я хотела оставить у вас дочку,— сказала она.— Я не знала, что нет сестры... Поезд приходит сегодня ночью, и мне надо в Москву — встретить маму.

— Оставьте ее,— сказала Женя.— Что же Ольга... А я не человек, что ли? Кладите ее на мою кровать, а а я на другой лягу.

— Она спит спокойно и теперь проснется только утром,— обрадовалась мать.— К ней только изредка нужно подходить и поправлять под ее головой подушку.

Девчурку раздели, уложили. Мать ушла. Женя отдернула занавеску, чтобы видна была через окно кроватка, захлопнула дверь террасы, и они с Таней убежали играть в волейбол, условившись после каждой игры прибегать по очереди и смотреть, как спит девочка.

Только что они убежали, как на крыльцо вошел почтальон. Он стучал долго, а так как ему не откликались, то он вернулся к калитке и спросил у соседа, не уехали ли хозяева в город.

— Нет,— отвечал сосед,— девчонку я сейчас тут видел. Давай я приму телеграмму.

Сосед расписался, сунул телеграмму в карман, сел на скамью и закурил трубку. Он ожидал Женю долго.

Прошло часа полтора. Опять к соседу подошел почтальон.

— Вот, — сказал он. — И что за пожар, спешка? Прими, друг, и вторую телеграмму.

Сосед расписался. Было уже совсем темно. Он прошел через калитку, поднялся по ступенькам террасы и заглянул в окно. Маленькая девочка спала. Возле ее головы на подушке лежал рыжий котенок. Значит, хозяева были где-то около дома. Сосед открыл форточку и опустил через нее обе телеграммы. Они аккуратно легли на подоконник, и вернувшаяся Женя должна была бы заметить их сразу.

Но Женя их не заметила. Придя домой, при свете луны она поправила сползшую с подушки девчурку, турнула котенка, разделась и легла спать.

Она лежала долго, раздумывая о том: вот она какая бывает, жизнь! И она не виновата, и Ольга как будто бы тоже. А вот впервые они с Ольгой всерьез поссорились.

Было очень обидно. Спать не спалось, и Жене захотелось булки с вареньем. Она спрыгнула, подошла к шкафу, включила свет и тут увидела на подоконнике телеграммы.

Ей стало страшно. Дрожащими руками она оборвала заклейку и прочла.

В первой было:

«Буду сегодня проездом от двенадцати ночи до трех утра тчк Ждите на городской квартире папа».

Во второй:

«Приезжай немедленно ночью папа будет в городе Ольга».

С ужасом глянула на часы. Было без четверти двенадцать. Накинув платье и схватив сонного ребенка, Женя, как полоумная, бросилась к крыльцу. Одумалась. Положила ребенка на кровать. Выскочила на улицу и помчалась к дому старухи молочницы. Она грохала в дверь кулаком и ногой до тех пор, пока не показалась в окне голова соседки.

— Чего стучишь? — сонным голосом спросила она.— Чего озоруешь?

— Я не озорую,— умоляюще заговорила Женя.— Мне нужно молочницу, тетю Машу. Я хотела ей оставить ребенка.

— И что городишь? — захлопывая окно, ответила соседка.— Хозяйка еще с утра уехала в деревню гостить к брату.

Со стороны вокзала донесся гудок приближающегося поезда. Женя выбежала на улицу и столкнулась с седым джентльменом, доктором.

— Простите! — пробормотала она.— Вы не знаете, какой это гудит поезд?

Джентльмен вынул часы.

— Двадцать три пятьдесят пять,— ответил он.— Это сегодня на Москву последний.

— Как — последний? — глотая слезы, прошептала Женя.— А когда следующий?

— Следующий пойдет утром, в три сорок. Девочка, что с тобой? — хватая за плечо покачнувшуюся Женю, участливо спросил старик.— Ты плачешь? Может быть, я тебе чем-нибудь смогу помочь?

— Ах нет! — сдерживая рыдания и убегая, ответила Женя.— Теперь уже мне не может помочь никто на свете.

Дома уткнулась головой в подушку, но тотчас же вскочила и гневно посмотрела на спящую девчурку. Опомнилась, одернула одеяло, столкнула с подушки рыжего котенка.

Она зажгла свет на террасе, в кухне, в комнате, села на диван и покачала головой. Так сидела она долго и, кажется, ни о чем не думала. Нечаянно она задела валявшийся тут же аккордеон. Машинально подняла его и стала перебирать клавиши. Зазвучала мелодия, торжественная и печальная. Женя грубо оборвала игру и подошла к окну. Плечи ее вздрагивали.

Нет! Оставаться одной и терпеть такую муку сил у нее больше нет. Она зажгла свечку и, спотыкаясь, через сад пошла к сараю.

Вот и чердак. Веревка, карта, мешки, флаги. Она зажгла фонарь, подошла к штурвальному колесу, нашла нужный ей провод, зацепила его за крюк и резко повернула колесо.

...Тимур спал, когда Рита тронула его за плечо лапой. Толчка он не почувствовал. И, схватив зубами одеяло, Рита стащила его на пол.

Тимур вскочил.

— Ты что? — спросил он, не понимая.— Что-нибудь случилось?

Собака смотрела ему в глаза, шевелила хвостом, мотала мордой. Тут Тимур услыхал звон бронзового колокольчика.

Недоумевая, кому он мог понадобиться глухой ночью, он вышел на террасу и взял трубку телефона.

— Да, я, Тимур, у аппарата. Это кто? Это ты... Ты, Женя?

Сначала Тимур слушал спокойно. Но вот губы его зашевелились, по лицу пошли красноватые пятна. Он задышал часто и отрывисто.

— И только на три часа? — волнуясь, спросил он.— Женя, ты плачешь? Я слышу... Ты плачешь. Не смей! Не надо! Я приду скоро...

Он повесил трубку и схватил с полки расписание поездов.

— Да, вот он, последний, в двадцать три пятьдесят пять. Следующий пойдет только в три сорок.— Он стоит и кусает губы.— Поздно! Неужели ничего нельзя сделать? Нет! Поздно!

Но красная звезда днем и ночью горит над воротами Жениного дома. Он зажег ее сам, своей рукой, и ее лучи, прямые, острые, блестят и мерцают перед его глазами.

Дочь командира в беде! Дочь командира нечаянно попала в засаду.

Он быстро оделся, выскочил на улицу, и через несколько минут он уже стоял перед крыльцом дачи се-

дого джентльмена. В кабинете доктора еще горел свет. Тимур постучался. Ему открыли.

— Ты к кому? — сухо и удивленно спросил его джентльмен.

— К вам,— ответил Тимур.

— Ко мне? — Джентльмен подумал, потом широким жестом распахнул дверь и сказал: — Тогда... прошу пожаловать!..

Они говорили недолго.

— Вот и все, что мы делаем,— поблескивая глазами, закончил свой рассказ Тимур.— Вот и все, что мы делаем, как играем, и вот зачем мне нужен сейчас ваш Коля.

Молча старик встал. Резким движением он взял Тимура за подбородок, поднял его голову, заглянул ему в глаза и вышел.

Он прошел в комнату, где спал Коля, и подергал его за плечо.

— Вставай,— сказал он,— тебя зовут.

— Но я ничего не знаю,— испуганно тараща глаза, заговорил Коля.— Я, дедушка, право, ничего не знаю.

— Вставай,— сухо повторил ему джентльмен.— За тобой пришел твой товарищ.

...На чердаке на охапке соломы, охватив колени руками, сидела Женя. Она ждала Тимура. Но вместо него в отверстие окна просунулась взъерошенная голова Коли Колокольчикова.

— Это ты? — удивилась Женя.— Что тебе надо?

— Я не знаю,— тихо и испуганно отвечал Коля.— Я спал. Он пришел. Я встал. Он послал. Он велел, чтобы мы с тобой спустились вниз, к калитке.

— Зачем?

— Я не знаю. У меня у самого в голове какой-то стук, гудение. Я, Женя, и сам ничего не понимаю.

...Спрашивать позволения было не у кого. Дядя ночевал в Москве. Тимур зажег фонарь, взял топор, крикнул собаку Риту и вышел в сад. Он остановился перед закрытой дверью сарая. Он перевел взгляд с топора на замок. Да! Он знал — так делать было нельзя, но другого выхода не было. Сильным ударом он сшиб замок и вывел мотоцикл из сарая.

— Рита! — горько сказал он, становясь на колено и целуя собаку в морду.— Ты не сердись! Я не мог поступить иначе.

...Женя и Коля стояли у калитки. Издалека показался быстро приближающийся огонь. Огонь летел прямо на них, послышался треск мотора. Ослепленные, они зажмурились, попятились к забору, как вдруг огонь погас, мотор заглох и перед ними очутился Тимур.

— Коля,— сказал он, не здороваясь и ничего не спрашивая,— ты останешься здесь и будешь охранять спящую девчонку. Ты отвечаешь за нее перед всей нашей командой. Женя, садись. Вперед! В Москву!

Женя вскрикнула, что было у нее силы обняла Тимура и поцеловала.

— Садись, Женя, садись! — стараясь казаться суровым, кричал Тимур.— Держись крепче! Ну, вперед! Вперед, двигаем!

Мотор затрещал, гудок рявкнул, и вскоре красный огонек скрылся из глаз растерявшегося Коли.

Он постоял, поднял палку и, держа ее наперевес, как ружье, обошел вокруг ярко освещенной дачи.

— Да,— важно шагая, бормотал он.— Эх, и тяжела ты, солдатская служба! Нет тебе покоя днем, нет и ночью!

...Время подходило к трем ночи. Полковник Александров сидел у стола, на котором стоял остывший чайник и лежали обрезки колбасы, сыра и булки.

— Через полчаса я уеду,— сказал он Ольге.— Жаль, что так и не пришлось мне повидать Женьку. Оля, ты плачешь?

— Я не знаю, почему она не приехала. Мне ее так жалко, она тебя так ждала. Теперь она совсем сойдет с ума. А она и так сумасшедшая.

— Оля,— вставая, сказал отец,— я не знаю, я не верю, чтобы Женька могла попасть в плохую компанию, чтобы ее испортили, чтобы ею командовали. Нет! Не такой у нее характер.

— Ну вот! — огорчилась Ольга.— Ты ей только об этом скажи. Она и так заладила, что характер у нее такой же, как у тебя. А чего там такой! Она залезла на крышу, спустила через трубу веревку. Я хочу взять утюг, а он прыгает кверху. Папа, когда ты уезжал, у нее было четыре платья. Два—уже тряпки. Из третьего она выросла, одно я ей носить пока не даю. А три новых я ей сама сшила. Но все на ней так и горит. Вечно она в синяках, в царапинах. А она, конечно, подойдет, губы бантиком сложит, глаза голубые вытаращит. Ну конечно, все думают — цветок, а не девочка. А пойдика. Ого! Цветок! Тронешь и обожжешься. Папа, ты не выдумывай, что у нее такой же, как у тебя, характер. Ей только об этом скажи! Она три дня на трубе плясать будет.

— Ладно,— обнимая Ольгу, согласился отец.— Я ей скажу. Я ей напишу. Ну и ты, Оля, не жми на нее очень. Ты скажи ей, что я ее люблю и помню, что мы вернемся скоро и что ей обо мне нельзя плакать, потому что она дочь командира.

— Все равно будет,— прижимаясь к отцу, сказала Ольга.— И я дочь командира. И я буду тоже.

Отец посмотрел на часы, подошел к зеркалу, надел ремень и стал одергивать гимнастерку. Вдруг наруж-

ная дверь хлопнула. Раздвинулась портьера. И, как-то угловато сдвинув плечи, точно приготовившись к прыжку, появилась Женя.

Но, вместо того чтобы вскрикнуть, подбежать, прыгнуть, она бесшумно, быстро подошла и молча спрятала лицо на груди отца. Лоб ее был забрызган грязью, помятое платье в пятнах. И Ольга в страхе спросила:

— Женя, ты откуда? Как ты сюда попала?

Не поворачивая головы, Женя отмахнулась кистью руки, и это означало: «Погоди!.. Отстань!.. Не спрашивай!..»

Отец взял Женю на руки, сел на диван, посадил ее к себе на колени. Он заглянул ей в лицо и вытер ладонью ее запачканный лоб.

— Да, хорошо! Ты молодец человек, Женя!

— Но ты вся в грязи, лицо черное! Как ты сюда попала? — опять спросила Ольга.

Женя показала ей на портьеру, и Ольга увидела Тимура.

Он снимал кожаные автомобильные краги. Висок его был измазан желтым маслом. У него было влажное, усталое лицо честно выполнившего свое дело рабочего человека. Здороваясь со всеми, он наклонил голову.

— Папа! — вскакивая с колен отца и подбегая к Тимуру, сказала Женя.— Ты никому не верь! Они ничего не знают. Это Тимур — мой очень хороший товарищ.

Отец встал и, не раздумывая, пожал Тимуру руку. Быстрая и торжествующая улыбка скользнула по лицу Жени — одно мгновение испытующе глядела она на Ольгу. И та, растерявшаяся, все еще недоумевающая, подошла к Тимуру:

— Ну... тогда здравствуй...

...Вскоре часы пробили три.

— Папа, — испугалась Женя, — ты уже встаешь? Наши часы спешат.

— Нет, Женя, это точно.

— Папа, и твои часы спешат тоже.— Она подбежала к телефону, набрала «время», и из трубки донесся ровный металлический голос:

— Три часа четыре минуты!

Женя взглянула на стену и со вздохом сказала:

— Наши спешат, но только на одну минуту. Папа, возьми нас с собой на вокзал, мы тебя проводим до поезда!

— Нет, Женя, нельзя. Мне там будет некогда.

— Почему? Папа, ведь у тебя билет уже есть?

— Есть.

— В мягком?

— В мягком.

— Ох, как и я хотела бы с тобой поехать далеко-далеко в мягком!..

И вот не вокзал, а какая-то станция, похожая на подмосковную товарную, пожалуй, на Сортировочную. Пути, стрелки, составы, вагоны. Людей не видно. На линии стоит бронепоезд. Приоткрылось железное окно, мелькнуло и скрылось озаренное пламенем лицо машиниста. На платформе в кожаном пальто стоит отец Жени — полковник Александров. Подходит лейтенант, козыряет и спрашивает:

— Товарищ командир, разрешите отправляться?

— Да! — Полковник смотрит на часы: три часа пятьдесят три минуты.— Приказано отправляться в три часа пятьдесят три минуты.

Полковник Александров подходит к вагону и смотрит. Светает, но в тучах небо. Он берется за влажные

поручни. Перед ним открывается тяжелая дверь. И, поставив ногу на ступеньку, улыбнувшись, он сам себя спрашивает:

— В мягком?

— Да! В мягком...

Тяжелая стальная дверь с грохотом захлопывается за ним. Ровно, без толчков, без лязга вся эта броневая громада трогается и плавно набирает скорость. Проходит паровоз. Плывут орудийные башни. Москва остается позади. Туман. Звезды гаснут. Светает.

...Утром, не найдя дома ни Тимура, ни мотоцикла, вернувшийся с работы Георгий тут же решил отправить Тимура домой к матери. Он сел писать письмо, но через окно увидел идущего по дорожке красноармейца.

Красноармеец вынул пакет и спросил:

— Товарищ Гараев?

— Да.

— Георгий Алексеевич?

— Да.

— Примите пакет и распишитесь.

Красноармеец ушел. Георгий посмотрел на пакет и понимающе свистнул. Да! Вот и оно, то самое, чего он уже давно ждал. Он вскрыл пакет, прочел и скомкал начатое письмо. Теперь надо было не отсылать Тимура, а вызывать его мать телеграммой сюда, на дачу.

В комнату вошел Тимур — и разгневанный Георгий стукнул кулаком по столу. Но следом за Тимуром вошли Ольга и Женя.

— Тише! — сказала Ольга.— Ни кричать, ни стучать не надо. Тимур не виноват. Виноваты вы, да и я тоже.

— Да,— подхватила Женя,— вы на него не кричите. Оля, ты до стола не дотрагивайся. Вон этот револьвер у них очень громко стреляет.

Георгий посмотрел на Женю, потом на револьвер, на отбитую ручку глиняной пепельницы. Он что-то начинает понимать, он догадывается, и он спрашивает:

— Так это тогда ночью здесь была ты, Женя?

— Да, это была я. Оля, расскажи человеку все толком, а мы возьмем керосин, тряпку и пойдем чистить машину.

На следующий день, когда Ольга сидела на террасе, через калитку прошел командир. Он шагал твердо, уверенно, как будто бы шел к себе домой, и удивленная Ольга поднялась ему навстречу. Перед ней в форме капитана танковых войск стоял Георгий.

— Это что же? — тихо спросила Ольга.— Это опять... новая роль оперы?

— Нет,— отвечал Георгий.— Я на минуту зашел проститься. Это не новая роль, а просто новая форма.

— Это,— показывая на петлицы и чуть покраснев, спросила Ольга,— то самое?.. «Мы бьем через железо и бетон прямо в сердце»?

— Да, то самое. Спойте мне и сыграйте, Оля, что-нибудь на дальнюю путь-дорогу.

Он сел. Ольга взяла аккордеон:

...Летчики-пилоты! Бомбы-пулеметы!
Вот и улетели в дальний путь.
Вы когда вернетесь?
Я не знаю, скоро ли,
Только возвращайтесь... хоть когда-нибудь.
Гей! Да где б вы ни были,
На земле, на небе ли,
Над чужими ль странами —
Два крыла,
Крылья краснозвездные,
Милые и грозные,
Жду я вас по-прежнему,
Как ждала.

Вот, — сказала она. — Но это все про летчиков, а о танкистах я такой хорошей песни не знаю.

— Ничего,— попросил Георгий.— А вы найдите мне и без песни хорошее слово.

Ольга задумалась, и, отыскивая нужное хорошее слово, она притихла, внимательно поглядывая на его серые и уже не смеющиеся глаза.

Женя, Тимур и Таня были в саду.

— Слушайте,— предложила Женя.— Георгий сейчас уезжает. Давайте соберем ему на проводы всю команду. Давайте грохнем по форме номер один позывной сигнал общий. То-то будет переполоху!

— Не надо,— отказался Тимур.

— Почему?

— Не надо! Мы других так никого не провожали.

— Ну, не надо так не надо,— согласилась Женя.— Вы тут посидите, я пойду воды напиться.

Она ушла, а Таня рассмеялась.

— Ты чего? — не понял Тимур.

Таня рассмеялась еще громче.

— Ну и молодец, ну и хитра у нас Женька! «Я пойду воды напиться»!

— Внимание! — раздался с чердака звонкий, торжествующий голос Жени.— Подаю по форме номер один позывной сигнал общий.

— Сумасшедшая! — подскочил Тимур.— Да сейчас сюда примчится сто человек! Что ты делаешь?

Но уже закрутилось, заскрипело тяжелое колесо, вздрогнули, задергались провода: «Три—стоп», «три—стоп», остановка! И загремели под крышами сараев, в чуланах, в курятниках сигнальные звонки, трещотки, бутылки, жестянки. Сто не сто, а не меньше пятидесяти ребят быстро мчались на зов знакомого сигнала.

Сто не сто, а не меньше пятидесяти ребят быстро мчались на зов знакомого сигнала.

— Оля,— ворвалась Женя на террасу,— мы пойдем провожать тоже! Нас много. Выгляни в окошко.

— Эге,— отдергивая занавеску, удивился Георгий.— Да у вас команда большая. Ее можно погрузить в эшелон и отправить на фронт.

— Нельзя! — вздохнула, повторяя слова Тимура, Женя.— Крепко-накрепко всем начальникам и командирам приказано гнать оттуда нашего брата по шее. А жаль! Я бы и то куда-нибудь там... в бой, в атаку. Пулеметы на линию огня!.. Пер-р-вая!

— Пер-р-вая... ты на свете хвастунишка и атаман! — передразнила ее Ольга, и, перекидывая через плечо ремень аккордеона, она сказала: — Ну что ж, если провожать, так провожать с музыкой.

Они вышли на улицу. Ольга играла на аккордеоне. Потом ударили склянки, жестянки, бутылки, палки — это вырвался вперед самодельный оркестр, и грянула песня.

Они шли по зеленым улицам, обрастая все новыми и новыми провожающими. Сначала посторонние люди не понимали: почему шум, гром, визг? О чем и к чему песня? Но, разобравшись, они улыбались и кто про себя, а кто и вслух желали Георгию счастливого пути. Когда они подходили к платформе, мимо станции, не останавливаясь, проходил военный эшелон.

В первых вагонах были красноармейцы. Им замахали руками, закричали. Потом пошли открытые платформы с повозками, над которыми торчал целый лес зеленых оглобель. Потом — вагоны с конями. Кони мотали мордами, жевали сено. И им тоже закричали «ура». Наконец промелькнула платформа, на которой лежало что-то большое, угловатое, тщательно укутанное серым брезентом. Тут же, покачиваясь на ходу по-

езда, стоял часовой. Эшелон исчез, подошел поезд. И Тимур попрощался с дядей.

К Георгию подошла Ольга.

— Ну, до свиданья! — сказала она.— И, может быть, надолго?

Он покачал головой и пожал ей руку:

— Не знаю... Как судьба!

Гудок, шум, гром оглушительного оркестра. Поезд ушел. Ольга была задумчива. В глазах у Жени большое и ей самой непонятное счастье.

Тимур взволнован, но он крепится.

— Ну вот,— чуть изменившимся голосом сказал он,— теперь я и сам остался один.— И, тотчас же выпрямившись, он добавил: — Впрочем, завтра ко мне приедет мама.

— А я? — закричала Женя.— А они? — Она показала на товарищей.— А это? — И она ткнула пальцем на красную звезду.

— Будь спокоен! — отряхиваясь от раздумья, сказала Тимуру Ольга.— Ты о людях всегда думал, и они тебе отплатят тем же.

Тимур поднял голову. Ах, и тут, и тут не мог он ответить иначе, этот простой и милый мальчишка!

Он окинул взглядом товарищей, улыбнулся и сказал:

— Я стою... я смотрю. Всем хорошо! Все спокойны. Значит, и я спокоен тоже!

1940 г.

КОМЕНДАНТ СНЕЖНОЙ КРЕПОСТИ

(Киносценарий)

НАД СТРОЙНОЙ снежной крепостью с фортами, зубчатыми стенами и башнями развевается флаг — звезда с четырьмя лучами. У открытых ворот выстроился крепостной гарнизон.

Из ворот выходит Тимур — комендант снежной крепости. Он оборачивается к Коле Колокольчикову и твердо говорит:

— С сегодняшнего числа часовые у крепости будут сменяться через час, днем и ночью.

— Но... если которых дома не пустят?

— Мы подберем таких, которых всегда пустят.

* * *

В штабе военной части у дверей стоит шофер Коля Башмаков.

Капитан артиллерии Максимов кладет телефонную трубку. Встает, одергивает ремни. Шофер четко поворачивается. Но тут раздается телефонный звонок, и дежурный останавливает капитана:

— Товарищ капитан, вас просят.

Капитан слушает, а потом говорит в трубку:

— Итак, вы опять отступили? Печально... Товарищ командир дивизии, вы генерал, я же только капитан. Но я осмелюсь напомнить, что неоднократно предупреждал: дисциплина в ваших войсках хромает на обе ноги...

Дежурный в недоумении смотрит на капитана. Тот продолжает:

— Ваши подразделения лезут по сугробам без лыж, надеясь сокрушить противника только гиком, криком и диким завыванием. Кроме того, вы штурмуете крепость без плана, без подготовки, кулаками, штыками и саблями, и, конечно, противник бьет вас самой новейшей техникой. Генерал, я высоко ценю ваше личное мужество и вашу храбрость, но одного этого в современной войне для победы — увы! — никак не достаточно... Прошу извинить за прямоту... Через час я буду.

Капитан кладет трубку.

* * *

Кладет у себя дома телефонную трубку и сын капитана Максимова Саша. Он берет сигнальный горн. Перед Сашей на покрытом узорной клеенкой столе строй оловянных солдатиков.

Раздается резкий сигнал жестяной трубы. Саша трубит. Внезапно он закашлялся, схватился за грудь. Нянька торопливо передает ему платок.

В темное стекло окна глухо ударяет снежок. Нянька и Сашина сестра Женя разом оборачиваются. Саша, отбросив платок, кидается к окну. Еще удар.

— Это что же такое? — негодует нянька.— Я пойду позову дворника... Отойди от окна, Саша!

Распахивается дверь, и показывается маленькая растрепанная фигура запыхавшегося Вовки.

— О-го-го! Мы дрались, как львы, как тигры... Саша, ты слыхал, как мы «ура» кричали?

Нянька вскакивает:

— Вовка, ты с ума сошел! Скинь пальто! Саша болен, и у него температура...

— Ты не лев и не тигр, ты просто ушастый кролик,— хладнокровно замечает Вовке Женя.

— Домашняя кошка! Я вчера был ранен дважды, а сегодня четырежды! Да знаешь ли ты, что мы подступили к самым стенам крепости?

— Мне неважно, как вы подступили,— гневно перебивает Вовку Саша,— мне важно, почему вы отступили!

— Кто? Мы отступили? — возмущается Вовка и тут же меняет тон: — Ну конечно, отступили... Мы пошли в атаку без лыж. Сугробы по пояс... А этот комендант ночью протянул под снегом проволоку.

— Проволоку?!

— Да, проволоку. А она цепляет за штаны и за валенки... Но берегись! Сегодня ночью мы с Юркой проберемся к ним в крепость!

— Ты?.. В крепость? — насмешливо говорит Женя.— Жил-был у бабушки серенький кролик...

— Я кролик? Я... орел! Улетаю! — кричит Вовка и, взмахнув руками, убегает.

Снова ударяют в окно два снежка, и Женя говорит Саше:

— Пришел чужой мальчик. Привел отряд. Построил у нас под боком крепость... И вы не можете взять ее две недели!

Из двери в соседнюю комнату выглядывает Нина, студентка, соседка:

— Саша, ты с отцом говорил по телефону?

— С папой. Он скоро придет... Он тебе нужен, Нина?

— Он мне всегда нужен. А сейчас я хочу показать ему свою работу.

Нина входит в комнату, вносит картину и ставит ее на стол, прислонив к стене. Саша кашляет. Нина говорит ему:

— Отойди от окна, слышишь?

Саша нехотя отходит. Нянька обижена:

— Я просила — он стоял, а как она сказала — пошел... Я тебе кто, нянька? А она человек посторонний... соседка...

— Анна Егоровна, вы скажите это при Степане,— добродушно улыбается Нина.

— И скажу. Это для тебя он капитан, а я его вынянчила, и для меня он мальчик...

— И для меня мальчик,— перебивает Нина.— Особенно когда он так: губы вниз, брови вверх... Нянечка, на кого похож Степан Петрович?

— На мать,— смягчаясь, отвечает нянька.— Мать у него была из Рязани, спокойная, работящая... И отец ничего бы, да суров по старинке...

— Раз на мать — примета счастливая. Я, нянечка, тоже работящая... Рязанская, деревенская, песни знаю, плясать умею...

— Ну, пошла-поехала! Ты на свое поворотишь... У каждого командира должна быть жена, у детей командира — мать. Я три года Степану говорила, что ему нужно жениться. Так нет! И кого ждал? — Она смотрит Нине в глаза и говорит с иронией: — Уж не тебя ли?

Нина предостерегающе косит глазами в сторону детей.

— Ты мне не мигай, я твои мысли вижу. А они,— нянька кивает на детей,— в этом деле еще ничего не понимают.

Женя говорит, не отрываясь от тетрадки:

— Мы, нянечка, все понимаем. Правда, Саша?

— Мне твои слова неинтересны. Я командир дивизии,— холодно отвечает Саша.

Входит капитан Максимов. Он идет прямо к сыну и, положив руку на его лоб, спрашивает:

— Доктор уже был?

— Сейчас будет,— отвечает нянька.

Максимов чем-то взволнован. Он подошел к Нине и тихо сказал ей:

— Нина...

Но, заметив пристальный взгляд няньки, запнулся и посмотрел на картину. На картине нарисованы люди разных возрастов и национальностей. С плодами и цветами в руках они выходят по тропкам на широкую дорогу, которая ведет к освещенным солнцем горным вершинам.

— Это называется «Дорога к коммунизму»?— спрашивает Максимов.

Нина молча кивает головой и настороженно слушает, что скажет он дальше.

Максимов показывает на картину:

— Этот трактор туда идет тоже? Он не дойдет: мал бензиновый бак и велики ведущие шестеренки.

Нина вспыхивает:

— Тебе не нравится? Ну конечно, тебе бы впереди этих людей пустить разведку. По бокам — сторожевое охранение. Вот сюда посадить артиллерийского наблюдателя... Странно, Степан... это же... аллегория, фантазия...

Максимов, улыбаясь, показывает на свои артиллерийские петлицы:

— Не знаю. Очевидно, моя артиллерия твою аллегорию не понимает... Это беспечные люди возвращаются с пикника домой.—Он видит ее взволнованное лицо и успокаивающе, дружески продолжает: — Девочка, не сердись... но таких дорог к коммунизму не бывает.

Он заглядывает ей в лицо, но Нина, отступая и широко открыв глаза, спрашивает:

— Ты... ты тоже сказал, что я девочка?

— Конечно, девчонка,— не отрываясь от шитья, хладнокровно говорит нянька.— Он командир, капитан. Их дело военное. И куда какая дорога идет, он лучше знает. На это у них план... карты. А ты: коммунизм, коммунизм... А в голове, поди-ка, один ветер.

— Няня! — укоризненно останавливает старуху Максимов.

Женя дипломатично вмешивается:

— Папа, скоро каникулы, и мы устроим у нас веселую елку.

— Очень жаль, что меня на этой елке не будет.

Через час-полтора я уезжаю в далекую командировку.

На лице Нины испуг. Лицо няньки настороженно. Женя растеряна. А Саша, прямо глядя отцу в глаза, показывает рукой на карту Финляндии, висящую на стене:

— Папа, неправда! Ты с батареей уходишь туда... на фронт!

Глухо ударяется в окно снежок.

Нянька оборачивается и всплескивает руками:

— Это что же такое? Нет! Людям на свете покоя нету!

Входит доктор Колокольчиков. Отряхиваясь от снега, он говорит:

— Прошу извинения, но во дворе не стихает бой, и к вам пробраться можно только на бронемашине.

Нянька показывает на Сашу:

— Вот, батюшка, у него температура.

— У каждого человека температура.

— У него сто градусов температура,— говорит Женя.

— Это не у каждого,— соглашается доктор.

— Они, батюшка, затеяли войну,— объясняет нянька,— скачут по сугробам. Ну, вот где-то он и схватил себе простуду.

— Он схватил простуду или она его схватила, это мы сейчас разберем.

Доктор подходит к Саше, который хмуро стоит возле своих оловянных солдатиков:

— Молодой человек, у тебя что?

Саша показывает на солдат:

— У меня армия.

— Да. Но ты болен.

— Я командир дивизии.

— Следовательно, вы... вы генерал.— Доктор оты-

скивает Сашин пульс.— Генерал должен лечь в лазарет. У генерала высокая температура.

Он уводит Сашу в его комнату. За ними идет нянька. Максимов поворачивается к Нине:

— Ты обиделась?

— Ты уезжаешь. Почему ты смеешься?

— Чтобы ты не плакала.

— Я не буду. Была Монголия. Была Польша... Мы привыкли.

В дверь стучат, и у порога останавливается осыпанный снегом мальчик в пальто, перетянутом ремнем. Он вежливо и с достоинством козыряет капитану Максимову и говорит:

— Меня зовут Тимур. Я комендант снежной крепости. Прошу извинить, если несколько наших снарядов случайно залетело на вашу нейтральную территорию.

Он показывает на окно.

На звук его голоса выходит Саша в белой рубашке с распахнутым воротом и останавливается, придерживаясь за дверь. Лицо у него бледное, гордое.

— Ваша орда сегодня отступила по всему фронту...— говорит Саше Тимур.— Но ты болен. Твой помощник Юрка командовать не умеет. И я пришел предложить тебе перемирие.

Закрыв глаза и сжав губы, Саша отрицательно мотает головой. Женя удивленно смотрит на Тимура. Тимур слегка пожимает плечами:

— Как хочешь. Но крепости вам не взять! И, чтобы вести бой, у вас должны быть лыжи, крюки, веревки и приставные лестницы... Ты мне враг, но это я тебе говорю как другу.

Саша, открывая глаза, говорит с ненавистью:

— Уходи, уйди! Крепость твою мы все равно захватим!

— Ее сожжет солнце, растопит дождь, сровняет ветер, но вашей она никогда не будет! — вспыльчиво отвечает Тимур, поворачивается и выходит.

Женя бежит за ним следом.

— Молодой комендант! — кричит вдогонку Тимуру доктор.— Я Красный Крест, и я прошу обеспечить мне свободный проход через вашу опасную территорию...

Открывая в передней Тимуру дверь, Женя спрашивает:

— Так вы с моим братом враги?

— Да. И ты на меня за это сердита?

— Нет,— вздыхает Женя.— Что же... ваше дело военное...

Закрыв дверь, Женя возвращается в столовую, где доктор и капитан Максимов разговаривают о Саше.

— У вашего сына, вероятно, воспаление легких,— говорит доктор.— Режим — постель. Еда — легкая. Питье — кислое. Возьмите рецепт. Надо быстро сбегать в аптеку.

Нянька сует Нине в руки рецепт:

— Сходи, Нина. Мне надо собирать капитана.

Нина в замешательстве смотрит на няньку.

— Но, нянечка, можно позвонить,— рассудительно говорит Женя.— Можно послать дворника... А то за папой придет машина, и они не попрощаются.

— Успеет. С трамвая на трамвай, а там рядом,— спокойно отвечает нянька.

Нина тревожно смотрит в глаза Максимову. Он взглянул на часы и молча кивает головой.

— Нина, не ходи,— говорит из своей комнаты уже уложенный в постель Саша.— Я подожду. Мне не больно.

Нина входит к нему, наклоняется и целует в лоб:

— Спасибо, командир. Спи. Все хорошо будет.

Нина ушла. Нянька укладывает чемодан. Максимов садится на стул возле Саши, рядом с ним пристраивается Женя. У изголовья Сашиной кровати стоит стол, на нем цветок, коробочка, стакан и отряд оловянных солдатиков. Стучат. Входит шофер Коля и передает Максимову конверт:

— Товарищ капитан, есть машина... Саша, здравствуй!

Максимов, разрывая конверт, говорит шоферу:

— Вы приехали на час раньше.— Читает приказ.— Все понятно. Дети, мне пора. Няня, скажи Нине, что я ее ждал... Ты на нее не сердись. Ты поцелуй ее от меня.

Саша привстает:

— Папа! Ты пиши мне часто... И ты, Коля, если у него бой, он занят, пиши мне тоже.— Тут он оборачивается, берет со стола оловянного солдатика и протягивает его шоферу: — На, возьми от меня на память.

Коля осторожно приближается, издали протягивая руку:

— Есть писать часто, Саша! А солдат назад вернется с медалью.

Кладет солдата в карман.

— Ты, шальная голова, там, на фронте, не очень-то с капитаном за медалями гоняйся,— строго говорит Коле нянька.— Ты, если где видишь — нельзя, опасно, постой, обожди, обвези капитана кругом.

— Есть обвозить капитана кругом!

Саша манит отца и что-то говорит ему на ухо. Отец подумал, загадочно кивнул головой, вынул из полевой сумки бумагу и что-то быстро на ней пишет. Нянька настораживается. Максимов складывает записку и передает ее Саше. Саша взял коробочку, сунул в нее

записку, положил коробочку на стол. Потом подумал и поставил около нее двух оловянных часовых.

Максимов берет сына за руку и целует его:

— Товарищ генерал! Желаю счастья, здоровья, а в боях — успеха... Пожелайте и мне того же.

Когда Нина возвращается из аптеки, капитана Максимова уже нет. В опустевшей столовой беспорядок. Не глядя на няньку, Нина тихо спрашивает:

— Анна Егоровна, Степан, уезжая, ничего не сказал? Ничего мне не передал?

— Он? — как бы припоминает нянька.— Ничего. Да! Он просил, чтобы ты отнесла его книги в полковую библиотеку.

— Хорошо,— говорит Нина, опустив голову, потом поворачивается и дрогнувшим голосом спрашивает: — Скажите, за что вы меня не любите?

— Я всех люблю,— суховато отвечает нянька.— Но у него большие дети, и им нужна настоящая мать, а не такая, как ты, девчонка.

* * *

Вдоль стены снежной крепости мерно шагают часовые.

С деревянными винтовками, немного сутулясь, они ходят навстречу один другому. Потом останавливаются у костра. Часы гулко отбивают четверти.

Первый часовой прислушивается:

— Уже должна быть смена.

— Смена не придет,— отвечает второй часовой, грея над огнем руки.— Никого дома не отпустят.

— Не те времена. Теперь отпустят.

Часовые поворачиваются. По тропке плечом к плечу шагает смена. Большие валенки в калошах четко, с

протяжкой отбивают по скрипучему снегу шаг за шагом. Караул сменяется.

— Все спокойно? — спрашивает третий часовой.

— Пробежала собака. Пролетела ворона. Орда спит, и караулить нечего,— отвечает второй.

— Порядок! — говорит первый часовой.— Комендант молодец! Комендант знает, что делает!

— Коменданту хорошо, комендант спит под теплым одеялом! — ворчит третий.

— Комендант проверяет караулы...— говорит, выходя из-за куста, Тимур и, заметив смущенное лицо третьего часового, жмет ему руку: — Ты пришел, ты не подвел, Гриша.— Он выпрямляется.— Встаньте по уставу! Плечи не гни! Стой свободно и гляди в оба!

Из пролома каменной стены высовываются недоуменные лица Вовки и Юры.

— Он сошел с ума! Такой мороз... Брр!..— жмется Вовка.— Вон кошка подохла. А у них опять сменяются часовые... Мне домой пора. Отец ничего, а бабка вредная, и она может стукнуть по затылку.

— Вот тебе и разведка...— уныло шепчет Юрка.— Эх, заложить бы под стены крепости хорошую бомбу!

— Бомбу?! — Вовка оглядывается и, заметив драный валенок на снегу, хватает его: — Отвлекай часовых! Засекай время! Бомба сейчас будет брошена!!!

Вовка и Юрка крадутся к стенам крепости.

— Стой! Кто идет? — кричит третий часовой.

К нему подбегает четвертый. Оба настороженно вглядываются в темноту. А в этот момент с другой стороны перелетает через стену крепости и падает на снег драный валенок.

Не заметив его, часовые ходят опять четким шагом вдоль стены.

* * *

Тревожно раскинувшись, бормочет что-то в полусне Саша. У него жар. Температура поднимается все выше и выше.

Стена над Сашиной кроватью увешана деревянным оружием. На столе у изголовья — цветок в стакане и коробочка. У коробочки замерли два оловянных часовых. Дальше, на краю стола, выстроился целый отряд.

Саша приоткрывает блестящие от жара глаза и смотрит на своих солдат. И вдруг оба часовых точным движением сходят со своих подставок и, приподняв с полу приклады винтовок, чеканным шагом идут навстречу один другому вдоль охраняемого пространства. Саша улыбается. Но вот лицо его насторожилось. Быстрым движением поворачиваются оловянные часовые, перехватывают винтовки наизготовку, приклад к плечу. Пятятся. Смешным клубочком один за другим подымается дым выстрелов. Часовые выхватывают из-за пояса бомбы, бросают их. Беззвучно вспыхивает огонь, вздымаются клубы дыма.

А когда молочный дым рассеивается, над поваленными часовыми протягивается чья-то рука, открывает коробку и достает записку. Это нянька. Торопливо сует она записку в карман и оборачивается. У дверей стоит Нина в пестром халатике и тихо говорит:

— Анна Егоровна, идите, я посижу... Мне все равно не спится.

Нянька поправила Саше подушку, вышла и, прикрыв за собой дверь, торопливо разворачивает записку. На ее лице недоумение. Это чистый белый лист, без единой буквы.

А Нина взяла со столика термометр, покачала головой, подняла опрокинутый пузырек и присела на край

кровати. Подняв откинутую, сжатую в кулак руку Саши, она замечает в кулаке бумажку, разнимает Саше пальцы, берет записку и читает: «Милая Нина, береги детей. Расти и сама. Прощай. Вернусь — все хорошо будет. Степан».

Лицо Нины загорелось волнением и улыбкой. Она положила записку в коробку, опять поставила около нее двух оловянных часовых. И, благодарная, опускает голову на грудь Саше.

Стоят опять на посту оловянные часовые.

* * *

Часовые у стен снежной крепости прислушиваются к звону башенных часов.

— Должна быть смена,— говорит один.

— Смена не придет. Их дома не отпустят,— возражает другой.

— Не то время. Теперь отпустят.

И тут же оба часовых поворачиваются, услышав мерный, чеканный топот тяжелых шагов по скрипучему снегу. Идут Коля Колокольчиков и еще один мальчик, укутанный с головы до ног.

Караул сменяется у раскрытых ворот. Вдруг Колокольчиков бросается внутрь крепости, поднимает драный валенок и, заикаясь от волнения, кричит прямо в растерянные лица часовых:

— Ротозеи! Я пост не приму! Я доложу об этом коменданту!

* * *

На снежной лесной поляне все перекорежено. Возвышается какое-то полуразрушенное железобетонное сооружение. Лежит вверх колесами пушка.

Лыжник в белом халате пересекает поляну и ныряет в чащу леса. Его окружают черные деревья, зубья скалистых камней. Вокруг угрюмая тишина.

Лыжник бежит. Зацепил халатом за сук, рванул, остановился и снимает халат.

Сверху раздается вдруг каркающий голос:

— Гляди под ноги, не задень провод!

Лыжник поднимает голову и видит наверху в ветвях артиллерийского наблюдателя. У него резкое лицо, орлиный нос, на шее — бинокль, в руке — телефонная трубка.

— Ворон-птица! Капитан Максимов у вас на батарее? — спрашивает лыжник.

Наблюдатель резко, как крылом, махнул рукой, показывая направление, и поднес бинокль к глазам.

* * *

Внутри полуразрушенного финского дота два красноармейца и шофер Коля пьют чай на дощатом столе возле железной печки.

Телефонист принимает телефонограмму, записывает и через ровные промежутки повторяет:

— Давайте... давайте...

Коля вынимает из кармана бумагу, спички, махорку и оловянного солдата. Он ставит солдата на стол и, свертывая цигарку, говорит:

— Война нелегка. Жена далека. Кругом шинели летят шрапнели. Давай, солдат, табаку покурим.

Красноармеец-башкир отхлебывает чай и усмехается:

— Большой человек с маленький игрушка играет... Смеяться можно.

— Смейся,— отвечает Коля.— Это солдат волшеб-

ного войска... Не понимаешь? Ну, как бы по-вашему?. Колдун, что ли?

— Жулик? Так будет?

— Эк, хватил не по той мишени... Этого солдата мне подарил один генерал. У него солдат ученый: он говорить умеет. Скажи, солдат, почему Абдул Муртазин пьет чай без сахару?

Коля пускает густой клуб дыма, который почти закрывает его лицо, и тонким голосом сам отвечает:

— Стоял в секрете и съел на рассвете.

Второй красноармеец хохочет. Телефонист грозит всем кулаком.

— Он у меня еще и не то может! — гордо говорит Коля и снова наклоняется к оловянному солдатику: — Раз, два, три, четыре, пять! — Он дунул, окутал солдата густым клубом дыма и заканчивает, обращаясь к башкиру :— Можешь сахар получать!

Дым рассеивается. Рядом с алюминиевой кружкой башкира лежит кусок сахару.

Башкир добродушно улыбается...

Отодвинулась рогожа, заменяющая сорванную дверь. В клубах пара входит капитан Максимов. Все встают. Рогожа опять отодвинулась, входит лыжник. Его халат перекинут через руку. Лыжник подает пакет и рапортует:

— Товарищ капитан, посыльный лыжник штаба батальона Егоров прибыл в ваше распоряжение.

Максимов пробегает глазами бумагу.

— Почему вы без маскировочного халата?

— Зацепил, разорвал. Сейчас чинить буду. Товарищ капитан, вам от жены телеграмма. Попала на третью батарею случайно. Распечатана потому, что, меняя позицию, третья батарея передала ее по телефону на вторую.

Лыжник передал телеграмму, отошел и греет руки у железной печки.

— Мне... от жены? — удивленно переспрашивает Максимов, читает, улыбается и показывает телеграмму шоферу Коле.

Коля читает: «Саша поправляется, опять собирается штурмовать крепость. Мы для раненых устраиваем елку. Все целуем. Жена Нина».

Капитан, показывая карандашом на подпись, тихонько говорит:

— Женя, Нина.

И быстро пишет что-то на телеграмме. Лицо его лукаво.

Красноармеец-башкир улыбается чуть хвастливо:

— У меня дома в Уфе тоже жена есть. Она мне тоже смешной писем пишет.

— Врешь, врешь! — говорит второй красноармеец.— Никакой жены у тебя нету..

— Невеста есть в Стерлитамаке, Лола зовут,— задумчиво и безобидно отвечает башкир.— Она мне тоже смешной пишет.

Максимов кладет телеграмму в конверт и протягивает его Коле:

— Не забудьте сегодня отправить.

Телефонист, окончивший приемку, молча передает капитану исписанный лист, подходит к печке, греет руки и, усмехаясь, спрашивает у лыжника:

— А у тебя есть Лола?

— Лолы у меня, я прямо скажу, нету,— отвечает лыжник.— Лола у меня после войны будет.

— Тебя убьют, потому что ты бегаешь без маскировочного халата,— строго говорит телефонист.

Лыжник усаживается, расправляет халат, достает иголку и говорит серьезно:

— Убьют? Тогда, конечно, никакой Лолы не будет...

Капитан Максимов, прочитав телефонограмму, приказывает шоферу:

— Приготовьте машину. Едем в штаб участка.

Коля подтягивается:

— Есть приготовить машину, товарищ капитан!

— Товарищ посыльный,— спрашивает капитан Максимов у лыжника,— по опушке леса вдоль озера дорога не под обстрелом?

— Я проскочил, было тихо, товарищ капитан... Но я что? Тень... стрела... заяц...

— Заяц? — усмехается телефонист.— От таких зайцев волки на деревья скачут!..

* * *

Через лес пробираются два дозорных финских лыжника. Что-то услыхали, насторожились и направились к дороге, по которой едут в штаб капитан Максимов и шофер Коля.

Максимов молча смотрит вперед. Коля говорит, не поворачиваясь к нему, глядя на дорогу:

— Разрешите, товарищ командир, спросить? Почему вам дома картина у Нины не понравилась? А мне понравилась. Люди идут, цветы несут. Ребятишки по хорошей дороге на палках скачут. Весело...— Коля вертит рулевую баранку, машина прыгает.—А это разве дорога? Погибель! — говорит он, меняя тон, и искоса смотрит на озабоченное лицо Максимова.— Вы бы что-нибудь, товарищ командир, сказали... Очень мрачная вокруг территория.

А вокруг действительно мрачно: угрюмый лес, черный скелет сгоревшей избы, обломки скал, расщепленное дерево, причудливо-уродливые фигуры из снега.

— Да, на картине дорога красивая,— задумчиво говорит Максимов.— Только очень ровная, гладкая, без задержки, без боя...

— Как — без боя?! — восклицает Коля, резко меняясь в лице, дает тормоз и хватает пулемет.

Взрыв, дым.

Коля в снегу. Ручной пулемет лежит стволом на пне, и, перед тем как нажать на спуск, Коля кричит:

— Как — без боя?! Нынче без боя дорог не бывает!

Мчатся на лыжах белофинны. Капитан Максимов стреляет. Коля дает очередь в полдиска.

В небе внезапно появляются два самолета, на крыльях у них красные звезды. Настороженно смотрит вниз наблюдатель. Вдруг он делает резкое движение: он увидел, как внизу, на дороге, отряд лыжников окружает крохотную машину. Стремительно и круто ложатся самолеты на крыло.

Один из финнов бросает ручные гранаты. Коля падает навзничь. Максимов хватает пулемет и дает по финнам очередь. Потом он смотрит на пустой диск и стреляет из нагана в затвор пулемета.

Стремительно нарастает рев моторов: низко пролетая над дорогой, самолеты бьют сверху по финнам. Максимов тянет за плечи Колю. Тот неподвижен. Капитан становится на колени и, достав из простреленной сумки индивидуальный пакет, бинтует голову Коли. Закончив перевязку, он встает, сдергивает шинель с убитого финна, потом другую, третью и закутывает ими Колю. Потом становится на лыжи и, взглянув на компас, уходит.

Улетели своим путем самолеты. На дороге остались исковерканная машина и убитые белофинны. Близ дороги, укутанный шинелями, лежит Коля.

А капитан Максимов мчится на лыжах под гору че-

рез лес. Внезапно он спотыкается и со всего размаха летит в снег. Лыжа сломана пополам. Максимов стоит по пояс в снегу и рассматривает сломанную лыжу. Отбросил ее, прислонился к дереву и ест снег.

* * *

По дороге идет, покачиваясь, башня с пушкой — бронемашина. Позади еще три. И на всех на них красные звезды. Водитель первой машины смотрит через узкую щель бойницы и видит, что на пустынной дороге рядом с убитыми финнами валяются полузанесенные снегом обломки легковой машины капитана Максимова. Броневик останавливается, выскакивают красноармейцы.

Коля услышал шум. Он приподнялся, открыл глаза и озирается. Рядом с ним лежит на снегу перчатка капитана.

* * *

Раздается громкий звонок. Это началась большая перемена. В школе обычная суматоха. В углу шепчутся две девочки — это Катя и Женя Александрова.

Женя Максимова поймала за руку и теребит малыша Вовку:

— Ты зачем утром опять в пальто к Саше ввалился? Он болен, к нему нельзя... Я знаю, я сама санитарка.— Она показывает на значок.

— Да... Но было спешно! Было важно! Было очень срочно нужно!

— «Спешно, срочно, важно, нужно»!.. — скороговоркой передразнивает Женя.— Я попрошу Юру или Петьку, чтобы они тебя срочно поколотили.

Вдруг, заметив шепчущихся девочек и как бы не веря своим глазам, изумленная Женя медленно выпуска-

ет руку Вовки, который улепетывает прочь. Но тут же его крепко хватает за руку Тимур.

— Стой прямо! Ногами не дрыгай и гляди мне в глаза! — холодно говорит он.

— Ну, глянул,— робко отвечает Вовка.

— И что ты там видишь?

— Ну, ничего... Синяк вижу, царапину...

— Не туда смотришь, смотри глубже...

— Ну, круги вижу... Зрачок, дырку...

— Ты видишь в моих глазах гнев! Кто высыпал ведро золы, а вчера бросил валенок и мерзлую кошку за стены нашей крепости? Ага, молчишь! — Он хочет дать Вовке щелчка, но раздумал и усмехнулся.— Исчезни! Здесь нейтральная территория, но смотри не попадись мне на поле боя!

Тимур отпустил руку Вовки. Вовка мчится прочь и тотчас же попадает в лапы Юры.

— Стой! О чем ты шептался с Тимой Гараевым? — спрашивает Юра.— Ага, измена! Ты замышляешь предать родной двор и переметнуться к нему на чужбину!

— Нет, он не задумал на чужбину, но он хвастун и он надоедает больному Саше,— с презрением говорит Женя Максимова.— Юрка! Значит, решено? Устроим для раненых елку?

Юрка поворачивается к Вовке:

— Ты смотри, пока об этом молчок!

— Я, братцы, никому... Я человек-камень... Человек-могила!

Женя Максимова подскочила к Кате и дернула ее за руку:

— С кем это ты всю перемену шепталась?

— Это Женя Александрова, одна девочка из шестого «Б». И она мне рассказывала, какое шьет к елке платье...

— Знаю я эту Александрову. Я стояла, я тебе мигала, моргала, а ты... Какое у нее платье? Из материи или из бумаги?

— Она не велела говорить... Она говорит, что ты задавáла и что ты вместо нее просунула не в очередь пальто в раздевалке.

Женя остолбенела, потом всплеснула руками и говорит, задыхаясь:

— Я задавала? Я не в очередь? Вот клевета, какой еще не было на свете!

В это время гремит звонок, и Женя меняет голос на обыкновенный:

— Катя, не верь: никуда и ничего я не просовывала.

Она удивленно смотрит и видит, что Женя Александрова подошла и взяла Тимура за руку. Оба они смеются.

— Подумаешь, принцесса крепостного гарнизона! — говорит Женя с гримасой.— Саша выздоровеет, крепость возьмет, а их поколотит.

— Что ты, что ты! Какая принцесса? Она дочь броневого командира...

— Я сама дочь артиллерийского капитана, и это я, а не она придумала устроить для раненых елку.

— Ну, вот ты и задавала! Женька, сознайся, ну чуточку, ну вот столечко, а все-таки задавалочка.

* * *

В комнате отдыха, в отделении для выздоравливающих прифронтового лазарета, сидит за столом шофер Коля в халате; с повязкой на голове. Перед ним скомканная бумага и конверт. На столе стоит оловянный

солдатик. Коля что-то чертит на белом листе бумаги. Обращаясь не то к сидящему напротив с книгой раненому, не то к солдату, он говорит:

— Когда я закрою глаза, чу́дная встает передо мной картина... Тепло... светло. Идут люди, а также ребятишки и красивые девушки. Песни поют... Несут цветы... Лимоны там, фрукты разные. Весело! А дорога перед ними...— Он зажмурился.— Дорога... лети, вертись, как круглый шар по бильярду! — Коля смотрит на лист бумаги, на нем довольно точно воспроизведена по памяти картина Нины, но человечки нарисованы очень смешные: очень уж широко открыты их поющие рты, слишком пышны в их руках букеты, и слишком беспечны их веселые лупоглазые лица.— И вот, когда возникает передо мной эта чудная картина, то сразу представляется мне еще другая дорога: разбитая «эмка», дым, пустые обоймы. И на снегу перчатка моего капитана, который укутал меня шинелями, чтобы я, Башмаков, не сдох и жил для общей, а отчасти и для своей пользы...

Раненый удивленно поднял от книги глаза на Колю и смотрит, как тот говорит, обращаясь теперь только к игрушечному солдатику:

— Странно! И что мне эта картина? Картон... Краска... Звук далекой музыки... Вроде как и ты, смешной солдат, чужая тень, простая оловяшка... Так почему же, когда я смотрю на вас, сжимается у меня за людей сердце?..

— Потому что ты сидишь с утра за бумагой,— говорит раненый с книгой.— Сейчас я позову сестру, и она отберет у тебя ручку и чернила.

Коля торопливо принимается писать снова.

Двое раненых играют в шашки; один, сидя в кресле, тренькает на мандолине и тихонько напевает:

Письмо придет — она узнает,
На щеку скатится слеза...
И горько-горько зарыдают
Ее прекрасные глаза...

Коля отрывается от письма и говорит раненому:

— Прошло всего четыре дня, а мне кажется, что прошло четыре года.

Он задумался. Потом опять заговорил не то с раненым, не то сам с собой:

— Когда я вступал в партию, меня один человек спрашивает: «Чего тебе впереди надо?» Я отвечаю: «Чего всем людям: счастья...» Он говорит: «Про это в программе не написано. Наша цель—социализм и далее коммунизм в развернутом виде. А счастье—понятие неопределенное и ненаучное...» — «Нет,— говорю я,— для отдельного типа действительно так. Кто его угадает, что ему в жизни надо? Одному — жена, другому — изба, третий на рояле играть любит... Но чего всем людям вместе надо, это и научно определить возможно».

Медицинская сестра проходит мимо:

— Товарищ Башмаков, что вы бормочете? Оставьте чернила и бумагу. Идите гулять или играть в шашки.

— Шашки — пустое развлечение. Это игра не для моего характера... Сестра, как бы мне получить из цейхгауза вещи? В гимнастерке лежит неотправленное письмо капитана.

— Вещи и документы вы получите послезавтра, когда пойдете в отпуск.

Сестра уходит, и Коля снова обращается к раненому:

— Доктор сказал: «Странный случай в медицине. Если обыкновенного человека стукнуть по голове, он

дурсет. В вас же швырнули бомбой, ударили головой о дерево, а вы сидите и рассуждаете, как настоящий философ».

— Он пошутил. Это он сказал для ободрения духа.— Раненый показывает на рваную бумагу: — Вот ты уж десять раз письмо рвешь и опять пишешь... Это разве философия? Это дурь!

— Я пишу семье моего погибшего начальника... Я пишу: «Девушка, зачеркните на вашей картине цветы. Капитан был прав, и нынче без боя дороги не бывает».

Раненый пожимает плечами:

— Доктор определенно пошутил. Случай в медицине самый обыкновенный...

Сестра подходит и говорит твердо:

— Больной Башмаков, оставьте ручку и чернила. Идите гулять. Отдыхайте или играйте в шашки.

Коля торопливо берет конверт, вкладывает в него исписанный лист бумаги и пишет адрес: «Ленинград, Красноармейская, 119, Максимовым. Лично для Нины». Быстро подходит он к стоящему тут же в комнате почтовому ящику. И мгновение медлит.

Раненый с мандолиной громко запевает:

Письмо придет — она узнает,
На щеку скатится слеза...

Коля рывком бросает письмо в щель почтового ящика.

Играющие в шашки с треском заканчивают партию. Раненый, который читал, захлопывает книгу. Все они разом, дружно подхватывают:

И гор-р-рько-горько зарыдают
Ее прекрасные глаза...

* * *

Нина сидит на кровати около Саши. Она берет его за руку и говорит:

— Женя в школе, няня в магазине. Я вернусь скоро. Саша, я прошу тебя, к окну не подходи близко...

— Женька моих голубей не кормит. И там кто-то их к своему окну переманивает.

— Хорошо, я буду их кормить сама. Ты мне веришь?

— Почему папа не ответил на твою телеграмму?

— Почему? Очень просто: они, вероятно, перешли в наступление, и телеграмма его не застала на старом месте.

— А где у него было старое место?

— Я не знаю... Ну, где-нибудь в лесу,— Нина улыбается,— под елкой. Ты, Саша, сам командир и это дело лучше меня знаешь.

— Да, конечно,— благодарно улыбаясь, говорит Саша.— Они перешли в наступление. И я перейду в наступление тоже. Иди. Я тебя люблю, Нина.

Нина ушла, а Саша подошел к окну, поцарапал по заснеженному стеклу пальцем и сделал круглую дырочку. Прилетают голуби и усаживаются на карниз окна.

В это время раздается звонок. Саша выходит в переднюю и видит, как сквозь щель просовывается письмо. Он поднял его и бежит в свою комнату. На лице его волнение. Он повертывает письмо. Глядит на свет. Ему очень хочется вскрыть письмо. Но на конверте надпись: «Лично для Нины».

Саша кладет письмо на подоконник и стоит у окна. Вдруг он замечает, что к одному из окон в стене высокого дома напротив слетаются на снежный карниз голуби. Через форточку просовывается рука и сыплет

крошки голубям. Голуби клюют. Тогда Саша в гневе поворачивает рукоятку оконного запора и распахивает обе рамы. Пар врывается в комнату. Саша высовывается из окна, шарит по подоконнику и тянет тряпку. А тряпка зацепила и тянет письмо. Тянет и оловянных солдатиков.

Саша кричит:

— Это кто моих голубей переманивает?

Снизу, со двора, удивленно наблюдает за Сашей Коля Колокольчиков.

Саша швыряет тряпку. Летит вниз письмо, и падают солдатики. Перегибаясь, с отчаянием смотрит Саша вниз, но письма не видно. Он поднял голову и замер, потому что в окне напротив он теперь видит изумительной красоты девочку. У нее белые, падающие кольцами на плечи локоны. Волосы схвачены обручем, от которого расходятся мерцающие лучи. На ней легкое, как дымка, усеянное звездами платье, и она пальцем показывает куда-то вниз. Там, внизу, за уступом, невидимое Саше, лежит письмо.

Саша высовывается глубже. Но тут в комнату вбегает Нина, хватает за плечи Сашу, оттаскивает от окна и закрывает рамы. Саша бросается в переднюю. У дверей Нина его задерживает.

Саша бормочет:

— Оставь! Пусти!.. Я уронил за окно письмо... Это письмо с фронта, от Коли, про папу...

— Сашенька... Саша... Мы письмо сейчас найдем. Мы его разыщем.

Саша, сразу ослабев, прижимает голову к груди Нины, глаза его закрываются, он бормочет:

— Письмо лежит в снегу... там в окне девочка, она звезда... Она вам покажет... Она его видит...

Нина в недоумении.

А загадочная девочка все еще смотрит через морозное окно. Вдруг она что-то внизу увидела и всплеснула руками.

* * *

Саша лежит в постели. Снова его томит жар. Температура снова все растет и растет. Неподвижно стоит в углу комнаты целый полк оловянных солдатиков, лежит на ковре у дверей котенок. И вдруг четким движением все солдатики сходят со своих оловянных подставок, маршируют и поют:

Спит, тревожным сном объятый,
Наш начальник до утра.
Оловянные солдаты,
Нам в поход идти пора.
Сон его не потревожа,
Разумеется само,
Отыскать ему поможем
Очень важное письмо.
Тра-та. Тра-та.
Тра-та-та-та.
Снега, сугробы и леса...
Оловянные солдаты
Разошлись на полчаса.

При этих словах все войско разделяется на несколько отрядов, которые вполоборота расходятся в разные стороны.

* * *

С винтовками наизготовку, по пояс в снегу торчат возле рваного валенка оловянные солдатики.

Стоит Тимур, рядом с ним — Коля Колокольчиков. В руках у Тимура распечатанное письмо.

— Оно лежало здесь...— показывает Коля и видит солдатиков.— Смотри, куда свалились из окна оловянные солдаты.— Он поднимает их.

— Зачем ты письмо распечатал? — спрашивает Тимур.

— Оно намокло и в кармане отклеилось. Я иду — дай, думаю, отнесу. А потом иду — дай, думаю, прочитаю.

— Это письмо тревожное. Письмо неясное. И я еще не знаю, нужно ли, чтобы такие письма доходили по адресу...

Тимур быстро прячет письмо в карман, потому что подходит нянька.

— Эй, вояки! Вы здесь ничего не поднимали? — спрашивает она.

— Да, они упали из вашего окна,— говорит Коля и протягивает солдатиков.— Это ваши солдаты?

— А больше ничего? Письма в снегу не было?

Мальчики молчат.

— Он бормочет: «Голубая звезда, она письмо видела»,— задумчиво говорит нянька.— Бред, температура... Какое письмо? Какие звезды? А может быть...— Тут нянька пристально смотрит на мальчиков.— Вы глядите, я правду все равно узнаю!..

* * *

В кровати сидит Саша с книгой «Прорыв танками укрепленной полосы». Рядом с Сашей — Вовка. Саша читает:

— «После того как тяжелые танки пройдут предполье, старший артиллерийский начальник должен перенести всю мощь огня в тыл, препятствуя продвижению вражеских резервов...» — Он бросает книгу.— Нет, это нам никак не подходит...

— Может быть, подойдет где-нибудь в другом месте...— нерешительно говорит Вовка и листает книгу.

— Нет, и в другом месте не подойдет тоже... Но крепость должна быть взята и разрушена! Прикажи Юрке поставить людей на лыжи, запасти лестницы, щиты, крюки, веревки...

— Да, но ты сначала не хотел этого сам. Кто велел гнать инженерную роту? Кто сказал, что мы не плотники, не столяры, а казаки?

— «Казаки, казаки»! У казаков разведка, а у нас? Неужели нельзя узнать, что этот комендант нам еще приготовил?!

— Я тебе говорю, он сумасшедший. Часовые сменяются вторые сутки, а за стенами что-то стучит у них, колотит,— уныло отвечает Вовка; и тут же радостно вспыхивает: — Есть идея! Молчи и не спрашивай. Я направлю в крепость свою агентуру.

— Какая беда, что я болен! Наступайте! Вызовите на помощь мальчишек из дома тридцать шесть, из сорок четвертого. Мы им осенью помогали. Достаньте рогожи, доски! Нападайте, когда темно, к ночи... Нам стыдно! Их мало, а они над нами смеются и зовут нас то «Дикой дивизией», то «Большой ордой»... Нет папы! Был бы папа, он бы подсказал, посоветовал. Вовка, будь другом...— Саша показывает на окно: — Разыщи, чья там квартира. Там у окна сидела девочка. Она как звезда, в волосах искры, сама голубая. И кто со снега письмо про папу взял, она видела.

— Да! Но в этот дом ход... совсем с другого квартала: надо через парк, мимо крепости. А как ее, девочку, зовут?

— Ну вот, кабы я знал! А ты спроси: не у вас ли живет вот такая?

Саша пробует показать, как выглядит девочка: делает надменное лицо, крутит от головы к плечам пальцами, изображая локоны.

— Такая? — Вовка повторяет Сашины движения, потом неуверенно говорит: — Да, но если я даже найду квартиру и стану спрашивать, не живет ли здесь вот такая, то жильцы очень просто могут подумать, что я какой-нибудь ненормальный.

— Ну и пусть подумают. Экое дело!

— Обидно. Кроме того, меня по дороге изловят часовые из крепости.

— Так ты не пойдешь? Для товарища? Ты трус!

— Кто, я? — Вовка смотрит на увешанную деревянным оружием стену.— Дай мне какую-нибудь саблю! — Снимает одну, гнет, швыряет.— Не та сталь... Вот эту. Дай пистолет.— Снимает со стены пистолет, важно жмет Саше руку.— Прощай!

Вовка уходит, но в дверях поворачивается:

— Вот такую? — Он чертит вокруг своей головы звезду и локоны.— Засекай время! Я тебе приволоку эту звезду сюда... За волосы!

* * *

Через четверть часа Вовка выводит во двор свою маленькую, четырехлетнюю сестренку. Она похожа на шар. На руках ее большие варежки, а на ногах неуклюжие валенки.

Вовка вынимает руку из кармана:

— Смотри. Это конфета...— Он вынул вместо конфеты чернильную резинку, увидел и запнулся.— Гм... Это не конфета. Но здесь будет конфета. Одна, две... Четыре! Иди вот туда.— Он показывает в сторону крепости.— Видишь стены, ворота? Иди. Махай прутиком, как будто бы ты гуляешь, а сама пой песню: «Тра-ля-ляй, тра-ля-ляй...» Они тебя не тронут. А ты смотри, в ворота заглядывай! Потом все мне расска-

жешь. А потом я тебе за это дам... ну, там увидим что... смотря по заслугам. Иди! А мне,— он вздохнул,— звезду искать надо.

Вовка задирает голову на стену восьмиэтажного дома и считает окна:

— Первое, второе, третье, три уступа, два балкона, окно снизу третье, сбоку шестнадцатое. Раз, два! Засекаю! — Он взмахивает саблей, оборачивается и видит перед собой вооруженного Колю Колокольчикова.

— Я дозорный крепости Колокольчиков. Кто ты? — холодно спрашивает Коля.

— Я... Вовка...

Что у тебя в руке?

— У меня? У меня палочка.

— Врешь, это сабля. Стой и защищайся.

— Очень странно. Вы, кажется, хотели... перемирие...

— Мир для воинов, а не для диверсантов! Ты же ночью забросил к нам в крепость мерзлую кошку, а кто-то недавно высыпал за стену ведро с золой. За это мы должны тебя уничтожить!

— Золу не я. Это Юрка.

— Юрка будет уничтожен особо, а ты особо!

Коля вынимает саблю, но тут же растерянно оглядывается, отскакивает и убегает прочь, потому что с метлой в руке к ним приближается дворник. Он басовито кричит вдогонку Коле:

— Ты... разведка! Со двора выметайся! Вы меж собой воюйте, сражайтесь, но у меня чтобы все стекла целы были!

Завидев приближающуюся Женю Максимову, Вовка нахохливается и важно сует саблю за пояс.

— Трус! Так я тебя и испугался! Жаль только, что помешал дворник... Женя, возьми мою сестренку.

Пойдите с ней вон там погуляйте. Очень интересно. Вон стоит комендант Тимка. Ты подойди к нему и что-нибудь тыр... быр... тыр. Ну, ты умеешь... А я тихо, как тигр, проскочу мимо крепости.

Женя берет за руку девочку и критически оглядывает Вовку:

— Ты не тигр, а ты просто смешной ушастый кролик.

* * *

На небольшой площадке около парка толпится народ: здесь продают елки. Меж деревьев, направо от дороги, видна снежная крепость. За нею стена ограды большого дома. В сторонке стоят Катя и Женя Александрова.

— Ты Женя, и она Женя,— говорит Катя.— Я вас помирю. Она очень хорошая. Ее отец тоже на фронте... И мы решили устроить для раненых елку.— Катя оборачивается и резко спрашивает подошедшего к ним вплотную Тимура: — Тебе что надо?

— Это Тимур, мой товарищ,— говорит Женя и тихо предупреждает Тимура: — «Большая орда» готовит к штурму лыжи, крюки, палки.

— Знаю.

— Ты всегда все сам знаешь! — слегка обижается Женя и, увидев приближающуюся к ним Женю Максимову, отворачивается.

— Ты что? — удивляется Тимур.

— Это идет одна девчонка. Ты ее, кажется, тоже знаешь...

— Это идет Женя Максимова. Знаю.

Он тянет Женю Александрову за собой, но она вырывает руку. Тимур подходит к Жене Максимовой. Они дружески здороваются.

— Тимур определенно помешался,— говорит Женя Александрова Кате.— Он ведет ее в нашу крепость, а она все расскажет своему брату!

Тимур подводит Женю Максимову и Вовкину сестренку к прекрасной снежной крепости с фортами, башнями и зубцами. За ними идет и Катя.

На одной из башен развевается флаг — звезда с лучами. Ниже, в стене башни, часы — это вправленный в снег будильник. Над часами решетка. У ворот крепости стоит часовой. Внутри деловито суетится гарнизон. На уступах стен возвышаются пирамиды снежных снарядов. Между зубьями самодельный зеркальный перископ. В углу стоит что-то громоздкое, тщательно укутанное рогожей. Горит костер, над костром котелок. Коля Колокольчиков торопливо пьет из кружки чай и ест булку. У огня лежит большая собака.

Тимур показывает девочкам какое-то замысловатое орудие. Казенная часть его — это косой, покрытый льдом лоток, по которому уложены цепочкой круглые снаряды. Справа колесо с рукояткой. По ободу колеса широкие стальные пластинки. Это автопушка. Около нее возятся артиллеристы. Знакомя с ними девочек, Тимур называет номера расчета: замковой, наводящий, подающий, заряжающий.

— Сколько? — показывая на орудие, спрашивает Тимур.

— Проверял по часам: сто двадцать выстрелов в минуту,— отвечает замковой.— Была одна задержка — перекос снаряда. Но это вина их,— он показывает в сторону мальчишек, которые лепят снежки,— а не наша.

Замковой поворачивает круг, стальная пластинка оттягивается. Снаряд скользит по лотку и становится перед казенной частью. Пластинка с треском срывает-

ся, снаряд вылетает. На его место стал другой, потом третий, четвертый.

Целая очередь снарядов пролетает над головой Вовки, который осторожно крадется по тропке через парк. Вовка присел. А замковой в крепости дает еще несколько выстрелов, к полному восхищению Жени и Кати. Только маленькая Вовкина сестренка, не обращая ни на что внимания, опасливо смотрит на большую собаку.

Женя видит сооружение, покрытое рогожей. Хочет его приоткрыть. Но Тимур быстро задергивает рогожу:

— Простите, но этого нельзя. Это наша военная тайна.

Резкий свисток прерывает Тимура: часовой заметил пробирающегося меж деревьев Вовку. Часовой хватает снежок. Но Вовка уже за забором.

— Это сигнал,— говорит Тимур.— Теперь я попросил бы женщин с территории крепости удалиться.

Женщины — Женя и Катя — с достоинством откланиваются. Маленькая девчурка, не опуская недоверчивых глаз, опасливо кланяется собаке.

— Послушай,— говорит Женя,— почему ты с нами так разговариваешь? Какие мы женщины? Какая территория? Какая тайна? Ты над нами смеешься!

С лица Тимура сходит суровая маска. Теперь это обыкновенное лицо задорного мальчугана, он улыбается.

— Я смеюсь, но не над вами. Мне весело. Твой брат — наш враг, и им не взять нашу крепость ни за что на свете! Что свистишь? — обращается он к часовому.

— Шпион проскочил. Вовка Брыкин.

— А Вовку надо изловить и вот на этой башне повесить! — говорит Тимур.

Но Вовка в это время уже поднимается по чужой лестнице. Немного помявшись на площадке у двери, он звонит. Высовывается здоровенный дяденька и молча ждет вопроса.

— Скажите, пожалуйста, не живет ли здесь одна девочка? — спрашивает Вовка.

Дяденька хладнокровно оборачивается и зовет басом:

— Варвара... тебя спрашивают.

Выходит очень маленькая девчурка в белом передничке, с вымазанными мукой руками. Она отряхивает муку, потирая одной рукой о другую, и спрашивает:

— Ты ко мне, мальчик? Я занята.

— Это не то. Это с другого подъезда,— пятится Вовка и мчится вниз по лестнице.

Девчурка пожимает плечами, улыбается:

— Он меня, кажется, испугался.

Вовка останавливается перед другой дверью и звонит. Дверь осторожно отворяется. В щель просовывается рука. Рука хватает Вовку и бесцеремонно втаскивает в темную прихожую. Худенькая старушка теребит Вовку:

— Я тебя пустила на полчаса, а тебя нет два часа! Разбойник! Ты хочешь моей погибели!

— Нет, тетенька, я совсем не хочу вашей гибели,— заикаясь, лепечет Вовка.

— Ты кто? — изумляется старушка и зажигает свет.

— Я, тетенька, хотел спросить... нет ли тут у вас одной девочки?

Старушка выталкивает Вовку за дверь:

— Нет у нас никакой девочки! Хватит нам и одного мальчика!

Вовка снова пускается на поиски и звонит у третьей

двери. За дверью слышна музыка. Кто-то играет на аккордеоне. Дверь распахивается — перед Вовкой стоит Женя Александрова. На ней просторный длинный халат.

— Тебе что? — спрашивает Женя.

— Я хотел спросить... Не живет ли здесь одна девочка?

— Я живу. Я девочка.

— Ты? А нет ли какой-нибудь еще в другом роде? — говорит Вовка, критически оглядывая Женю.

— Девочки в другом роде не бывают,— усмехается Женя.— Девочки все в одном роде.

— Это конечно. Но я хотел спросить... нет ли у вас тут такой... покрасивей?

— Ты глуп, и что тебе надо, я не понимаю! — вспыхивает Женя, захлопывает дверь и уходит в комнату.

Там ее сестра Ольга играет на аккордеоне и тихонько поет:

Летчики-пилоты... Бомбы, пулеметы.
Вот и улетели в дальний путь...

Ольга кладет аккордеон и спрашивает:

— Женя, я не пойму: ты на Тимура сердита?

— Не знаю... Он переменился,— с горечью говорит Женя.— Что же? Разве он на самом деле командир или начальник?

— Я не знаю, как сейчас... Но большим командиром этот Тимур когда-нибудь будет... Это кто приходил?

— Приходил какой-то мальчишка, спрашивал какую-то девчонку...

Женя сбрасывает халат. На ней замечательное, в

звездах, платье. Она подошла к зеркалу, надела белокурый в локонах парик с мерцающими лучами, расходящимися от светлого обруча.

Это и есть та «голубая звезда», которая так нужна Саше.

* * *

В коридоре военного учреждения перед каким-то командиром, подтянувшись, стоит Тимур. Рядом с военным молодой, еще неуклюжий призывник.

— Скажите, если человек убит, ранен или пропал без вести... об этом с фронта в письме писать можно? — спрашивает Тимур.

— Можно, но не нужно! — отвечает военный.— Об этом только после проверки и кому нужно мы сообщаем сами.

Тимур хочет еще что-то спросить, но вдруг в глубине коридора он замечает няньку, которая идет и осматривает на дверях таблички.

— Можно, но не нужно? Спасибо! — поспешно говорит он и козыряет.— Больше мне ничего знать не надо,— четко повернулся и вышел.

— Товарищ, одерните ворот, поправьте ремень,— говорит военный призывнику, показывая на уходящего Тимура. — Смотрите, как нынче мальчишки-пионеры ходят...

Тем временем нянька, найдя нужную комнату, разговаривает там с военным о Максимове.

— Значит, Степан не убит? — спрашивает нянька.

Военный сочувственно и огорченно пожимает плечами.

— Тогда он, может, в плену?

— Вряд ли.— Военный быстро поправляется: — Капитан Максимов значится пока как пропавший без вести... Дети у него есть?

— Двое.

— Вы пришли, и я вам сказал, но детям его я бы советовал пока ничего не говорить... Да и жене не надо...

— Жены у него нет... Невеста.

— Невесте я бы несколько дней подождал говорить тоже.

— Значит, без вести?

Нянька поднимает на военного свое старое умное лицо и не то про себя говорит, не то спрашивает:

— Война?..

Военный, вставая, смотрит ей в глаза и, кивнув головой, твердо отвечает:

— Война!

* * *

Сидя за столом, заваленным ворохом бумаги, лент и лоскутков, Женя Максимова шьет маскарадное платье. Рядом в кресле сидит Саша, ноги его укутаны одеялом. Перед Сашей стоит растерянный Вовка.

— Ты подумай, она была в крепости и не хочет сказать нам ни слова! — с досадой говорит Вовка, показывая на Женю.

— Я была у коменданта как гость, а не как ваш разведчик! Понятно?

— Понятно, понятно,— сердито отвечает Саша и поворачивается к Вовке: — А что же твоя агентура?

— Моя агентура — просто дура! Я ее спрашиваю: «Что видела?» — «Собаку».— «Еще что?» — «У ней на лапах когти».— «Ну ладно, а еще, кроме собаки?» — «Мальчишек видела. На них собака не смотрит, а на меня глаза уставила и зубами ворочает». Вот и поди с такой агентурой поработай!

— Лыжи, палки, рогожи, крюки готовы?

— Все готово. Сегодня к ночи от крепости останется один пепел!

— Я буду смотреть через окно. И, если вы, трусы, опять отступите, я сам на улицу выскочу!

— Кто отступит? Мы? — Вовка протягивает Саше руку: — Считай, что крепость уже разрушена! Остались обломки... угли, дым, пепел. Вороны летают. Бродят собаки, волки... и жрут трупы...

Вовка важно уходит.

— Ой, и до чего же хвастун этот Вовка! — почти восхищенно говорит Женя.

— Женя, когда от папы последняя была телеграмма? — спрашивает Саша.

— Давно: две недели,— отвечает Женя, доставая из кармана телеграмму, и повторяет давно заученный наизусть текст: — «Ленинград, Красноармейская, 119, Максимовым. Пишите чаще, как здоров Саша. Целую. Папа».

— Пишите чаще, а сам ничего не пишет... Женя, Вовка не смог. Узнай ты, чье это окно.

— Ну как его узнаешь? Таких окон сто. А ход в тот дом с другой улицы... Ну, какая у окна примета?

— Там сидят мои голуби. Там живет такая девчонка. Она как звезда... Красавица.

— Голубь — примета летучая. Он то здесь, то там сядет. А красавиц в нашем квартале ни одной нету,— пожимает плечами Женя и, увидав вошедшую Нину, радостно кричит: — Нина, шей скорее мне платье! Скоро елка, и у всех все уже готово.

— Нина, ты моего папу любишь? — спрашивает Саша.

— Да. Очень! — просто и прямо отвечает Нина.

— Тогда найди ту девочку. Она видала письмо. Оно про папу...

— Сашенька, у тебя была температура, жар. Тебе, может быть, просто показалось?

— Нет! Это мне потом показалось... А сначала мне ничего не показалось...

— Не кричи. Смотри, какой горячий...— говорит, входя в комнату, нянька.— Дед твой был солдатом. Отец — капитан. А ты... ты, наверное, будешь генералом.

Нина внимательно вглядывается в Сашино лицо:

— Саша, у тебя глаза блестят, лицо горит. У тебя опять температура.

Пристально смотрит за окно Саша.

* * *

Вечером, в сумерках, за сараями торопливо собирается «Дикая дивизия». В воротах домов толпятся болельщики и любопытные. В одних воротах стоит Женя Александрова, в других — Женя Максимова.

В руках у мальчишек крюки, палки, веревки. На снегу лыжи. Большинство мальчишек укутано в самодельные маскировочные халаты из простыней, наволочек и передников. У некоторых на голове белые тюрбаны из полотенец. Особо великолепен Вовка. Куском материи у него закрыты грудь и живот, спина черная. В руке труба. В другой руке флаг с замысловатой эмблемой: разинув пасть, стоит на задних лапах полосатый тигр. Другой флаг развевается над башней крепости. На нем простая звезда с лучами — это эмблема Тимура и его команды.

Над часами на снежной башне опускается железная решетка. Из стены сбоку выдвигаются деревянные, покрытые льдом ворота и наглухо закрывают вход в крепость. Через одну из бойниц пристально смотрит Тимур. Рядом с ним трубач, Коля Колокольчиков.

У автопушки выстроился артиллерийский расчет. Весь гарнизон наготове стоит у стен. Все спокойны, но насторожены. В углу торчит какое-то сооружение, закутанное рогожей.

К крепости пробираются через кусты парка мальчишки «Дикой дивизии». Меж деревьев осторожно движется отряд лыжников. По пояс в снегу волокут мальчишки приставные лестницы.

Тимур повернулся, взмахнул рукой. Ребята из его команды сдергивают рогожу, под ней оказывается прожектор; он сделан из автомобильной фары. Ребята крутят колесо, и на стекло падает проволочная сетка. Прожектор поднимается над стенами. Вот блеснул яркий луч. И мальчишки, пробирающиеся через парк, падают в снег.

— Разведчик! Что же ты не узнал, что у них есть прожектор...— сердито шепчет Юрка Вовке и командует остальным: — Лежите, не шевелитесь! А ты, Вовка, беги назад, ползи, как кошка. Скажи штурмовикам и лыжному отряду, чтобы они незаметно перестроились и заходили с тылу.

Мальчишки волокут салазки. Тащат через сугробы лестницы.

Луч прожектора приближается. И снова все падают в снег. Но внезапно из репродуктора, висящего в парке, раздается голос диктора:

«Внимание! Объявляется воздушная тревога! Немедленно тушите свет и затемняйте окна!»

Луч прожектора гаснет. В темноте слышен обрадованный голос Юрки:

— Потух! Вовка, передай штурмовикам и лыжникам, чтобы шли своим прежним направлением.

— Они больше не послушают. Они ругаться будут.

Прожектор поднимается над стенами. Вот блеснул яркий луч.

Ревут гудки и сирены. В столовой у Максимовых Нина, выключив свет, торопливо опускает маскировочные шторы на окнах. В соседней комнате Саша бросается к окну и смотрит на стену дома напротив. Там быстро, целыми секциями, гаснут огни. Остается освещенным только одно окно,— и это — то самое, которое так нужно Саше.

Саша вскакивает на подоконник и распахивает форточку.

Со двора доносятся крики:

— Тушите свет!

— Чья квартира?

— Это двадцать четвертая.

А в это время в квартире у Александровых Ольга с намыленной головой стоит в ванной комнате. Затрещал телефон, почти одновременно раздался оглушительный звонок в дверь. Ольга вылетает из ванной и бросается к выключателю.

Свет тухнет. Саша спрыгивает с подоконника и выбегает, бормоча:

— Двадцать четвертая... двадцать четвертая...

Хлопнула входная дверь.

— Кто там? — тревожно спрашивает Нина и включает свет: шторы ведь уже опущены.

Никто не отвечает. В передней пусто. Нина бросается в комнату Саши. Саши там нет. Нина выскакивает на лестничную площадку и в страхе кричит:

— Саша! Саша!

* * *

Голос диктора объявляет отбой пробной воздушной тревоги. Дают отбой гудки и сирены.

Из крепости доносится голос Тимура:

— Огонь! Прожектор!

В панике пятится попавший под луч прожектора Вовка. Штурмовики, которые тащат крюки и лестницы, в замешательстве останавливаются. Луч прожектора медленно шарит по парку и вдруг освещает на тропинке меж сугробов Сашу, взлохмаченного, без шапки и без пальто. Саша делает несколько шагов, но свет слепит его, и Саша, пошатнувшись, хватается за куст.

— Что за герой? — недоумевает Коля Колокольчиков.— Он идет прямо на батарею.

— Он не герой, он болен,— говорит Тимур.

— Командир с нами! — кричит в кустах Вовка.— Ура! В атаку! — И он трубит наступление.

Коля Колокольчиков в крепости трубит сигнал к бою.

— Не надо! — кричит Тимур и вырывает у Коли трубу.

Коля выхватывает из-за пояса пистолет и пускает ракету. Раздаются крики: «Ур-ра-а-а!!!» Из жерл орудий выбрасывается черный дым. Снежки вылетают из автопушки. Полоса снарядов бьет по одному из отрядов наступающих. Ослепленный прожектором и осыпаемый снарядами, отряд разбегается.

На тропке появляется Нина в легком платьице. Она в центре огня.

— Стойте! Стойте! — кричит Нина.

На тропу выскакивает Женя Максимова и сталкивается в упор с появившейся с другой стороны Женей Александровой.

— Труби отбой! Белый флаг наверх! — кричит Тимур.

— Какой отбой? — злобно восклицает Коля. — Смотри, они отступают!

— Вперед!.. Вперед, трусы!!! — кричит Саша отступающим мальчишкам.

Бросается к крепости, но оступился, зашатался и падает в сугроб.

Тимур вырывает трубу у Коли:

— Я комендант! Даю отбой! Прожектор на флаг!!! Белый флаг наверх!!! — Он трубит отбой.

В кустах Вовка, поднимая голову, говорит Юре:

— Смотри, кажется, наша взяла... Они сдаются!

Над крепостью поднимается белый флаг. Луч прожектора ползет за флагом.

— Ура! Наша взяла! Вперед! Смелее! — орет Вовка.

Со всех сторон мчатся ребята из «Дикой дивизии» на умолкнувшую крепость. Ворота крепости медленно раздвигаются. Выходит Тимур и бежит к Саше.

Нина хватает Сашу и прижимает его к себе. Женя Максимова рвет крючки, пытаясь снять шубку, но, прежде чем она успела это сделать, Женя Александрова набрасывает свою шубку на плечи Саше. При этом она говорит Жене Максимовой:

— Оставь! У тебя кофта, у меня свитер... Теперь моя очередь — пальто не в очередь!..

Ворвавшись под командой Вовки, «Дикая дивизия» громит крепость. Поленом ударяют по замку автопушки. Падает прожектор.

Коля Колокольчиков в отчаянии показывает Тимуру на крепость:

— Скажи, зачем? Что... Что ты наделал!

Он швыряет в снег трубу, ухватился за ствол дерева, плечи его вздрагивают. Он плачет.

Саша открывает глаза:

— Крепость взяли?

— Есть, командир! Взяли! — подскакивает Вовка.— Остаются угли... дым... пепел...

* * *

Утро. На разрушенных зубьях крепости сидит ворона. Над башней торчит обломок древка от флага. Внутри крепости все разворочено и засыпано золой. Валяются замок автопушки, сломанный прожектор, разбитый перископ.

Ворота крепости сорваны и прислонены к стене. На воротах — простая тимуровская звезда с лучами. Задумчиво стоит перед ней Тимур.

Сзади подходит Женя Александрова. С сожалением смотрит она на Тимура и тихонько поет:

Гори, гори... моя звезда...

Тимур обернулся. Женя насвистывает тот же мотив, потом продолжает петь, показывая на звезду:

Лишь ты одна, моя заветная...
Другой не будет... никогда.

— Зачем ты нарочно сдал крепость?

— Не говори об этом Саше. Мне от этого легче все равно не будет.

— Я с ним незнакома. А с его сестрой мы в ссоре... Глупо! Ссора нелепая. Она дочь артиллериста, я дочь броневого командира, отцы оба на фронте. Ты меня с ней помири. Я знаю, что ты с ней дружишь... Тимур, заходи сегодня ко мне вечером.

Она ушла. Тимур стоит. Ему тяжело, и он насвистывает:

Лишь ты одна, моя заветная...

Пара чьих-то глаз наблюдала за Тимуром и Женей через щель бойницы. Теперь из проломанных ворот медленно выходит Женя Максимова.

— Ты сдал крепость нарочно. Зачем ты это сделал? — говорит она.

— Твой брат был болен. Кроме того... Есть еще одна причина, но я тебе ее не скажу, Женя. Ты куда идешь?

— Я иду в тот двор. Ты не знаешь, кто живет в квартире номер двадцать четыре?

— Зачем тебе квартира двадцать четыре? — настораживается Тимур.

— Саша говорит, что там живет девочка, которая через окно видела, кто поднял письмо с фронта от папы.

— Он давно вам писал?

— А что?

— Так. У меня дядя тоже на фронте. Он редко пишет. Война — некогда.

— И нам редко...— Женя достает телеграмму.— Вот была последняя...

— Две недели. Это еще немного... Мой дядя и всего-то раз в месяц пишет,— врет Тимур.

Женя сует телеграмму за обшлаг рукава шубки. Она обрадована.

— Да? Значит, и тебе редко... Тимур, а все-таки зачем ты сдал Саше крепость?

Тимур подходит к ней вплотную, рука его трогает ее рукав:

— Так было надо. А может быть, и не надо. Нет... Надо!

При слове «надо» Тимур тихонько выдергивает телеграмму из-за обшлага шубки Жени Максимовой.

* * *

На столе перед Тимуром лежат две телеграммы. На одной написано: «Ленинград, Красноармейская, 119, Максимовым. Пишите чаще, как здоров Саша. Це-

лую. Папа». На другой: «Ленинград, Пушкинская, 6, Тимуру Гараеву. Жив. Здоров. Поздравляю с Новым годом. Целую. Дядя».

Тимур обмакивает кисточку в пузырек с клеем, наклеивает на первую телеграмму полоску от второй. Получается: «Ленинград, Красноармейская, 119, Максимовым. Жив. Здоров. Поздравляю с Новым годом. Папа».

Затем он снимает со стены грубый брезентовый дождевик и охотничью сумку.

Через десять минут у дверей в квартиру Максимовых звонит очень странный почтальон. Он в брезентовом дождевике с накинутым на голову капюшоном, с охотничьей сумкой в руках. Щека завязана, как будто бы у него болят зубы. В руках разносная книжка.

Дверь приоткрывается на цепочке. Выглядывает нянька. Почтальон торопливо, чуть подавшись вбок, сует в отверстие телеграмму, карандаш с книжкой и хрипло говорит:

— Вот телеграмма. Распишитесь.

Нянька, расписавшись, сует ему обратно разносную книжку. Дверь захлопывается. Почтальон хочет уйти, но видит, что внизу по лестнице поднимается Женя. Испуганный почтальон взлетел этажом выше, прислонился к чужой двери и тяжело дышит.

Женя останавливается у своей двери, достает ключ. Вдруг за дверьми она слышит шум, топот и отчаянно-торжествующие крики. Женя остолбенела. Торопливо сует она ключ в скважину. Рука ее дрожит. Женя исчезает за дверью. Крик и шум усиливаются.

На площадке у дверей, прислушиваясь к этому радостному шуму, стоит очень смешной почтальон — Тимур. На его глазах слезы.

* * *

На дверях, напротив квартиры Максимовых, висит табличка: «Красный уголок». Рядом — плакат, изображающий елку и раненого красноармейца. Сверху на плакате надпись: «Слава героям!», снизу—«Добро пожаловать!»

Гремит веселая музыка. Дверь поминутно хлопает. Пробегают ребята в маскарадных костюмах. Внутри дети поспешно развешивают по стене картины и гирлянды зелени. Две девочки подметают пол. Нина, со сбившейся прической, в рабочем халате, командует ребятами, украшающими елку. В углу репетирует джаз. Он состоит из пятнадцати малышей, которыми дирижирует Вовка. Внезапно музыка замолкает, слышен чей-то вопль.

— Дирижер Брыкин, что у вас в оркестре за драка? — спрашивает, подбегая, Нина.

— Большой барабан поспорил с бубном. Он говорит, что крепость вчера мы не взяли. Он врет!

На лестнице слышны крики:

— Идут, едут! Приехали!..

— Приготовились, Вовка, греми! Звени! — командует Нина.— Чтобы все кружились, смеялись! Я сама с вами танцевать буду.

Оркестр грянул веселый марш.

— Но я еще не одета... Я лохматая,— спохватывается Нина и убегает.

Внизу, у подъезда, ребята подхватывают под руки приехавших на машинах раненых, помогают им подняться по лестнице. Некоторые раненые опираются на костыли.

Доктор Колокольчиков, стараясь освободиться от ребят, которые тащат его под руки, кричит:

— Молодые люди! Постойте! Пощадите! Я не раненый! Я сам доктор...

Вся лестница гудит от восторженных криков.

Саша Максимов у себя в квартире слышит эти крики и торопливо надевает валенки. Нянька накидывает ему на шею шарф. Саша его отстраняет.

— Доктор сказал, чтобы ты оделся теплее, возле елки не прыгал и через лестничную площадку не бегал,— внушает ему нянька.— Ты меня должен слушаться, как маму.

Женя подбегает к зеркалу. На ней нарядное фантастическое платье.

— Но, няня, раньше ты говорила, что он маму совсем не слушал!

— Он был маленький и ничего не понимал. А теперь он вырос и все понимает.

— Ничего он и сейчас не понимает.

— Ты, сорока, все понимаешь!

— Да, понимаю...— сквозь зубы говорит Женя и потирает шею.— Вот синяк. Мне из крепости снарядом попало. Ну хорошо, я за это Тимура сейчас отчитаю...

— Как сейчас? — опешил Саша.— И это после вчерашнего... он придет?

— Я его позвала.

— Да... Но я уверен, что над ним все смеяться будут.

— «Я уверен... Я... я!..» — вспыхивает Женя.— Подумаешь, герой, Чапаев... А хочешь ли ты знать, что крепость вы не взяли, что Тимур сам дал сигнал отбоя, что, жалея тебя, он открыл ворота?

Саша взволнованно кричит:

— Неправда!

— Правда! Да об этом сегодня во дворе говорят все твои же мальчишки.

Саша после короткого молчания сбрасывает с ног валенки и отрывисто говорит:

— Дай сапоги.

Женя недоуменно смотрит на него и подает сапоги. Саша сбрасывает с шеи шарф и так же коротко и резко говорит:

— Ремень дай... папин...

Подтянутый, туго подпоясанный, с перекинутым через плечо ремешком, Саша входит в красный уголок и отыскивает Тимура. Тимур сдержан, Саша взволнован.

— Кто тебя об этом просил? — говорит он.— Какое тебе до меня было дело?

— Я сделал только то, что и ты был обязан сделать для меня.

— Я?.. Для тебя?..

— Да, ты для меня. Если бы,— Тимур запнулся,— у меня была беда и я был болен.

— Н-не знаю...— растерянно отвечает Саша.

— Не знаешь?..— Тимур смотрит Саше в глаза и говорит очень твердо, как бы внушая: — Нет, знаешь! Ты сын командира, и ты своих жалеть должен.

Саша смущенно молчит. Тимур неожиданно рассмеялся. Сейчас у него очень простое, веселое лицо.

— Пойми, пусть это позже... Но когда-нибудь воевать-то будем рядом.

Все это слышит Вовка. Он застыл, подняв свою дирижерскую палочку. Потом отчаянно взмахивает ею. И джаз ударяет песню «По военной дороге». Ее дружно, весело и грозно подхватывают и ребята и раненые.

Музыка доносится в квартиру Максимовых, где нарядная Нина торопливо причесывает волосы. Она смотрит на портрет Максимова, берет с подзеркальника телеграмму и прижимает ее к губам. Потом смотрит, и как будто змея ужалила ее в губы. Отскочила приклеенная полоска, и теперь виден прежний текст: «Пишите чаще, как здоров Саша. Целую. Папа». В полном смятении Нина комкает телеграмму.

Входит нянька. Нина, задыхаясь, говорит ей:

— Это телеграмма поддельная. Что со Степаном? Вы меня обманываете?

— Как — поддельная? — Нянька, как подкошенная, опускается в кресло.— Значит, Степан не пришел? Не вернулся?

— Откуда? Куда? Говорите прямо. Я не девчонка.

— Дочка... оставь меня,— говорит нянька, устало опускаясь в кресло.— Я сама ничего не знаю...

Вбегает Женя и, не замечая состояния няньки и Нины, быстро тараторит:

— Нина, ну конечно, без тебя не может жить Сашка. И я не могу тоже. Весело. Очень весело! — Она удивленно смотрит на Нину и няньку.— Вы поссорились? И это под Новый год! Такой вечер! Нина, иди, тебе танцевать надо...

— Уйди, Женя. Я сейчас, я приду после...

— Хорошо, — небрежно говорит Женя, — тогда Саша сейчас сам прибежит за тобой, раздетый, через площадку.

— Кто через площадку? — рассеянно переспрашивает Нина, закрыв глаза, и, сразу опомнившись, вскакивает и бежит к двери: — Нельзя через площадку!..

* * *

На елке веселье в полном разгаре. Тимур и Саша сидят рядом.

— Мы вам крепость восстановим, отремонтируем и тогда начнем войну сначала,— говорит Саша.

— Нет. Возьмите эту крепость себе. Это хорошая, надежная крепость, и она вам послужит еще долго...

— А вы?.. Что же у вас тогда останется?

— А мы... Мы себе найдем.— Тимур поворачивается к Коле Колокольчикову и хлопает его по плечу: — Что, старая гвардия? Мы себе найдем еще дело?

Нина, не обращая ни на кого внимания, пробирается к Саше. Кругом раздаются голоса: «Тише, тише!» Саша порывисто тянет Нину за руку и усаживает ее с собой рядом.

На эстраду выходит раненый красноармеец с забинтованной рукой. Звучит гордая музыка, и раненый поет:

Под треск пулеметов, под грохот и гул
Вставала из снега пехота.
Но самою первой навстречу врагу
Поднялась четвертая рота.
Четвертая рота второго полка,
Фланговый участок бригады...
Огонь пулемета, удары штыка,
Снаряды... снаряды... снаряды...
На серых папахах сверкает звезда.
Приказ командира короток.
Железобетонный тяжелый блиндаж
Штурмует четвертая рота.
Вперед же, товарищ! Смотри, как в огне
За все... за любовь и заботу...
Свой долг отдавая любимой стране,
Поднялась четвертая рота...

— Если бы меня пустили... приняли...— взволнованно шепчет Тимуру Саша.— Я бы пошел служить только в четвертую роту. И ты тоже?

— Нет. Я бы в пятую.

— Почему?

— Наша пятая еще лучше вашей четвертой будет! — задорно отвечает Тимур.

Саша вспыхнул, он хочет что-то возразить, но тут глаза его широко раскрываются. У дверей в дымчатом платье со звездами в белокурых локонах, стянутых обручем, от которого расходятся мерцающие лучи, стоит Женя Александрова.

Саша хватает Нину за руку:

— Это она! «Голубая звезда»! Пойдем спросим про письмо.

К Жене Александровой быстро подходит Женя Максимова.

Они внимательно оглядывают одна другую и вдруг разом улыбаются и берутся за руки.

— Скажи, кто тогда со снега мое письмо поднял?— спрашивает Саша.

— Кто? — Женя Александрова улыбается и повертывается к Коле Колокольчикову, но лицо у того смущенное, а Тимур строго смотрит на Женю, и в его глазах приказ: «Не говори». И, глядя в упор на оробевшего Колю, Женя отвечает: — Я того человека не знаю.

— Гей-ля-ля! — увидав Колю Колокольчикова, торжествующе кричит Вовка.— А все-таки дохлую кошку вам в крепость бросил я! — Он взмахивает палочкой, и джаз в бешеном темпе играет веселый танец.

Растерянная, подавленная, Нина отходит к окну. Опирается о широкий, заваленный игрушками под-

оконник и отворачивается, чтобы никто из гостей не увидел ее слез.

Сверкает огнями елка. Мчатся танцующие пары, мелькают маски.

В сторонке, дружно разговаривая, стоят Саша, Тимур, Женя Александрова и Женя Максимова. К ним вдруг подбегает запыхавшаяся Катя.

— Стойте! Радуйтесь! — кричит она.— Вы сейчас увидите...

И в ту же минуту в дверях появляется нянька. А за ней, опираясь на палку, входит военный — шофер Коля. Нина смотрит на него почти с ужасом.

— Не бойтесь! Капитан жив,— говорит Коля,— и даже не ранен... Его в лесу нашла наша разведка.— Он протягивает оцепеневшей Нине письмо и добавляет: — Письмо запоздало, но вы ему будете очень рады...

Как завороженная, берет Нина конверт. На нем адрес: «Ленинград, Красноармейская, 119, Максимовым. Для моей жены Нины». В конверте развернутая телеграмма: «Саша волнуется, почему не пишешь, все целуем. Жена Нина».

— Это ошибка, надо: Женя, Нина...— растерянно говорит Нина.

— Все правильно,— отвечает Коля.— Ваша телеграмма летала по телефону с батареи на батарею... Но капитан сказал, что ошибки нет и текст передан совершенно точно.

Коля Башмаков и Саша отходят к окну. Там, на подоконнике, среди игрушек, приготовленных для подарков, выстроились оловянные солдатики. Коля достает из кармана солдатика и ставит его на подоконник перед строем. Солдатик поцарапан, помят, но глядит весело.

Саша быстро выдвигает знаменосца, двух солдат с шашками на караул и командира, отдающего вернувшемуся солдату честь.

Коля смотрит на висящую на стене картину Нины.

— Что? Не та дорога? — смущенно спрашивает Нина.

— Прямо скажу, не обижайтесь: дорога не та. Круче повороты. Тверже люди.— Коля кладет руку на плечо раненому, который пел песню четвертой роты, и показывает на картину: — Не знаю, что они там поют, но, наверное, это мелодия для боя совсем неподходящая. Так ли я говорю, мой неизвестный товарищ?

— Я знаю сама. Я нарисую другую...

— Хотите, я вам дам идею? — улыбается Женя Александрова.— Нарисуйте вот их.— Она показывает на Сашу, Колю, Юрку, Тимура.— У них каждый день мелодия самая боевая!

Вовка подбегает и быстро просовывает свою голову между Сашей и Колей.

— Да, но только не рисуй, пожалуйста, этого кошкометателя и пролазу Вовку,— поспешно добавляет Женя Максимова.

Тимур кладет Вовке на плечо руку:

— Почему? Ты погоди. Он будет славным гранатометчиком.

— Ну, если... так говорит бывший комендант самой лучшей снежной крепости,— разводит руками Женя Александрова,— то это будет совершенно точно.

* * *

Сверкает елка. Звенит веселая музыка. Кружатся вокруг елки в танце дети.

И вот через эту блестящую елку под нарастающий гул проступает другая — большая черная ель на снежной поляне. На нижних ветвях ее висят два котелка, три винтовки, белый халат, сигнальный флаг.

Чуть правее ели стоит батарея.

Командир поднимает руку — раздается залп.

Командир смотрит в бинокль и видит, как из снега встала и пошла пехота. Идет твердым шагом. Он снова поднимает руку — могучий залп. Командир быстро поворачивается. У него простое, энергичное, чуть усталое лицо; сдернув перчатку, он вытирает оборотной стороной ладони влажный лоб.

Это капитан Максимов.

* * *

Последний раз перед зрителем возникает стройная снежная крепость. Над крепостью развевается флаг нового гарнизона.

Войско Саши у стен крепости прощается и с почетом провожает куда-то уходящее на лыжах войско бывшего коменданта Тимура.

1941 г.

ГОРЯЧИЙ КАМЕНЬ

I

ЖИЛ НА СЕЛЕ одинокий старик. Был он слаб, плел корзины, подшивал валенки, сторожил от мальчишек колхозный сад и тем зарабатывал свой хлеб.

Он пришел на село давно, издалека, но люди сразу поняли, что этот человек немало хватил горя. Был он хром, не по годам сед. От щеки его через губы пролег кривой рваный шрам. И поэтому, даже когда он улыбался, лицо его казалось печальным и суровым.

II

Однажды мальчик Ивашка Кудряшкин полез в колхозный сад, чтобы набрать там яблок и тайно насытиться ими до отвала. Но, зацепив штаниной за гвоздь ограды, он свалился в колючий крыжовник, оцарапался, взвыл и тут же был сторожем схвачен.

Конечно, старик мог бы стегнуть Ивашку крапивой или, что еще хуже, отвести его в школу и рассказать там, как было дело.

Но старик сжалился над Ивашкой. Руки у Ивашки были в ссадинах, позади, как овечий хвост, висел клок от штанины, а по красным щекам текли слезы.

Молча вывел старик через калитку и отпустил перепуганного Ивашку восвояси, так и не дав ему ни одного тычка и даже не сказав вдогонку ни одного слова.

III

От стыда и горя Ивашка забрел в лес, заблудился и попал на болото. Наконец он устал. Опустился на торчавший из мха голубой камень, но тотчас же с воплем подскочил, так как ему показалось, что он сел на лесную пчелу и она его через дыру штанов больно ужалила.

Однако никакой пчелы на камне не было. Этот камень был, как уголь, горячий, и на плоской поверхности его проступали закрытые глиной буквы.

Ясно, что камень был волшебный,— это Ивашка смекнул сразу! Он сбросил башмак и торопливо начал оббивать каблуком с надписей глину.

И вот он прочел такую надпись:

КТО СНЕСЕТ ЭТОТ КАМЕНЬ НА ГОРУ И ТАМ РАЗОБЬЕТ ЕГО НА ЧАСТИ, ТОТ ВЕРНЕТ СВОЮ МОЛОДОСТЬ И НАЧНЕТ ЖИТЬ СНАЧАЛА.

Ниже стояла печать, но не простая, круглая, как в сельсовете, и не такая, треугольником, как на талонах в кооперативе, а похитрее: два креста, три хвоста, дырка с палочкой и четыре запятые.

Тут Ивашка Кудряшкин огорчился. Ему было всего восемь лет — девятый. И жить начинать сначала, то есть опять на второй год оставаться в первом классе, ему не хотелось вовсе.

Вот если бы через этот камень, не уча заданных в школе уроков, можно было из первого класса перескакивать сразу в третий — это другое дело!

Но всем и давно уже известно, что такого могущества даже у самых волшебных камней никогда не бывает.

IV

Проходя мимо сада, опечаленный Ивашка опять увидел старика, который, кашляя, часто останавливаясь и передыхая, нес ведро известки, а на плече держал палку с мочальной кистью.

Тогда Ивашка, который был по натуре мальчиком добрым, подумал: «Вот идет человек, который очень свободно мог хлестнуть меня крапивой. Но он пожалел меня. Дай-ка теперь я его пожалею и верну ему молодость, чтобы он не кашлял, не хромал и не дышал так тяжко».

Вот с какими хорошими мыслями подошел к старику благородный Ивашка и прямо объяснил ему, в чем дело. Старик сурово поблагодарил Ивашку, но уйти с караула на болото отказался, потому что были еще на свете такие люди, которые, очень просто, могли бы за это время колхозный сад от фруктов очистить.

И старик приказал Ивашке, чтобы тот сам выволок камень из болота в гору. А он потом придет туда ненадолго и чем-нибудь скоренько по камню стукнет.

Очень огорчил Ивашку такой поворот дела.

Но рассердить старика отказом он не решился. На следующее утро, захватив крепкий мешок и холщовые рукавицы, чтобы не обжечь о камень руки, отправился Ивашка на болото.

V

Измазавшись грязью и глиной, с трудом вытянул Ивашка камень из болота и, высунув язык, лег у подножия горы на сухую траву.

«Вот! — думал он.— Теперь вкачу я камень на гору, придет хромой старик, разобьет камень, помолодеет и начнет жить сначала. Люди говорят, что хватил он немало горя. Он стар, одинок, избит, изранен и счастливой жизни, конечно, никогда не видел. А другие люди ее видели». На что он, Ивашка, молод, а и то уже три раза он такую жизнь видел. Это когда он опаздывал на урок и совсем незнакомый шофер подвез его на блестящей легковой машине от конюшни колхозной до самой школы. Это когда весной голыми руками он поймал в канаве большую щуку. И, наконец, когда дядя Митрофан взял его с собой в город на веселый праздник Первое мая.

«Так пусть же и несчастный старик хорошую жизнь увидит»,— великодушно решил Ивашка.

Он встал и терпеливо потянул камень в гору.

VI

И вот перед закатом к измученному и продрогшему Ивашке, который, съежившись, сушил грязную, промокшую одежду возле горячего камня, пришел на гору старик.

— Что же ты, дедушка, не принес ни молотка, ни

топора, ни лома? — вскричал удивленный Ивашка.— Или ты надеешься разбить камень рукою?

— Нет, Ивашка,— отвечал старик,— я не надеюсь разбить его рукой. Я совсем не буду разбивать камень, потому что я не хочу начинать жить сначала.

Тут старик подошел к изумленному Ивашке, погладил его по голове. Ивашка почувствовал, что тяжелая ладонь старика вздрагивает.

— Ты, конечно, думал, что я стар, хром, уродлив и несчастен,— говорил старик Ивашке.— А на самом деле я самый счастливый человек на свете.

Ударом бревна мне переломило ногу, но это тогда, когда мы — еще неумело — валили заборы и строили баррикады, поднимали восстание против царя, которого ты видел только на картинке.

Мне вышибли зубы, но это тогда, когда, брошенные в тюрьмы, мы дружно пели революционные песни. Шашкой в бою мне рассекли лицо, но это тогда, когда первые народные полки уже били и громили белую вражескую армию.

На соломе, в низком холодном бараке метался я в бреду, больной тифом. И грозней смерти звучали надо мной слова о том, что наша страна в кольце и вражья сила нас одолевает. Но, очнувшись вместе с первым лучом вновь сверкнувшего солнца, узнавал я, что враг опять разбит и что мы опять наступаем.

И, счастливые, с койки на койку протягивали мы друг другу костлявые руки и робко мечтали тогда о том, что пусть хоть не при нас, а после нас наша страна будет такой вот, какая она сейчас,— могучей и великой. Это ли еще, глупый Ивашка, не счастье?! И на что мне иная жизнь? Другая молодость? Когда и моя прошла трудно, но ясно и честно!

Тут старик замолчал, достал трубку и закурил.

— Да, дедушка! — тихо сказал тогда Ивашка.— Но раз так, то зачем же я старался и тащил этот камень в гору, когда он очень спокойно мог бы лежать на своем болоте?

— Пусть лежит на виду,— сказал старик,— и ты посмотришь, Ивашка, что из этого будет.

VII

С тех пор прошло много лет, но камень тот так и лежит на той горе неразбитым.

И много около него народу побывало. Подойдут, посмотрят, подумают, качнут головой и идут восвояси.

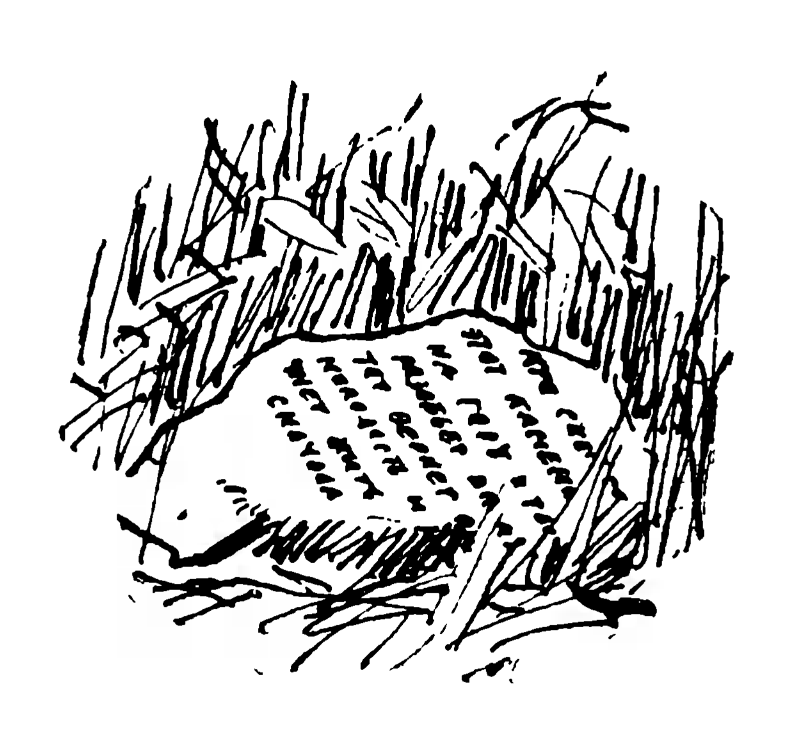
Был на той горе и я однажды. Что-то у меня была неспокойная совесть, плохое настроение. «А что,— думаю,— дай-ка я по камню стукну и начну жить сначала!»

Однако постоял-постоял и вовремя одумался.

«Э-э! — думаю, скажут, увидав меня помолодевшим, соседи.— Вот идет молодой дурак! Не сумел он, видно, одну жизнь прожить так, как надо, не разглядел своего счастья и теперь хочет то же начинать сначала».

Скрутил я тогда табачную цигарку. Прикурил, чтобы не тратить спичек, от горячего камня. И пошел прочь — своей дорогой.

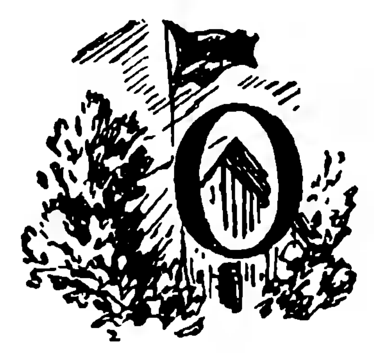
1941 г.

КЛЯТВА ТИМУРА

(Киносценарий)

СЛАВА

БЛОЖКА детиздатовской книги «Тимур и его команда». Книгу держит Коля Колокольчиков. Заикаясь и показывая на книгу, он говорит Квакину:

— Не люблю, когда врут! Здесь написано, что, когда ты был хулиганом, я стоял перед тобой бледный. Я никогда ни перед кем не стоял бледный. Это не в моем характере...

Квакин (добродушно):

— Ты стоял весь красный и языком лизал губы. Но вот нос у тебя, кажется, действительно был бледный...

Колокольчиков (обидчиво):

— Нос — это не я. Я... (Делает энергичный жест.) Это вот!.. Вся натура!.. (С досадой.) И художник также нарисовал непохоже: Тимур совсем не такой. (Показывает на обложку книги.) И уж никак не такой! (Тычет пальцем на прикрепленный к стене рекламный киноплакат.) Тимур вот. (Разворачивает номер районной газеты с портретом Тимура.) Стоит прямо! Нос кверху! Смотрит гордо! Уж если кто в кино и были похожи, так это ты да Женя...

Гейка снимает телефонную трубку и говорит:

— Да... слушаю!

Над его столиком на картоне надпись:

НАЧАЛЬНИК ШТАБА

Внутри чердака все прибрано, механизировано и модернизировано. От прежнего загадочного беспорядка нет и следа. Вместо чурбаков стоят ветхие стулья. На стенах надписи:

СОРИТЬ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

НЕ БОЛТАЙСЯ БЕЗ ДЕЛА

Штурвальное колесо с протянутыми от него проводами.

Над ним тоже надпись:

БЕЗ ПРИКАЗА НАЧАЛЬНИКА

ПОДАВАТЬ ОБЩИЙ СИГНАЛ ВОСПРЕЩЕНО

Гейка (недоумевая):

— Слушай, Симаков. Но ведь мы этой старухе только вечером наполнили двадцативедерную бочку. Что ей, в воде купаться, плавать? (Слушает.) Ах, это не ей... соседке... (Берет карандаш, бумагу.) Хорошо. Чей дом? (Готовится записать, но останавливается и

говорит.) Дом двоюродной сестры красноармейца Муштакова... (С досадой.) Ну, знаешь... то двоюродная сестра, то троюродная тетка! (Подумав.) Принесите ей ведра четыре. Мы, в конце концов, не водовозная команда...

Положив трубку, зевнул. Смотрит в окно. Заинтересовался.

Через окно: поляна, площадка, играют ребята в волейбол...

Раздается звонок.

Гейка сердито плюхается в рваное кресло, хватает трубку, слушает, потом нехотя отвечает:

— Ничего нового. Все старое. (Выглянув в окно.) Вот идет почтальон, несет почту. Прикажете вскрыть или оставить до вашего прихода?

По узкой тропке между кустов идет почтальон, подходит к сараю, опускает письмо в висячий фанерный ящик.

Дергает ручку. Раздается звонок.

И почти одновременно ящик с письмами по веревке ползет наверх.

По дачной улице с портфелем идет Тимур.

Он шагает прямо, пожалуй даже преувеличенно деловито. За ним с прохладцей, вразвалочку идут Артем и Юрка.

У поворота, в кустах за забором,— подозрительная четверка ребят вместе с их вожаком Фигурой. Вдруг четверка насторожилась: шагает Тимур.

Четверка слегка попятилась к забору, ребята принимают рассеянно-равнодушный вид. Один из них торопливо прячет за спину окурок.

Увидев ребят, Тимур останавливается.

Сопровождающие его Артем и Юрка мгновенно подтягиваются: не будет ли боя?

Но Фигура несколько иронически и в то же время опасливо стягивает с головы картузишко и, кланяясь, говорит:

— Знаменитому капитану почет и уважение...

Ничего не сказав, Тимур повернулся, шагнул, и опять вразвалочку двинулись за ним сопровождающие.

Выпятив грудь и скорчив гримасу, передразнивает Фигура тимуровскую походку и показывает ему вдогонку кулак.

Тимур оборачивается.

Фигура быстро делает вид, что эта гримаса относится к одному из его приятелей.

С полными ведрами наперерез Тимуру выскакивают Симаков и Левка.

Тимур (останавливая их):

— Почему днем? Почему не ночью — тайно?

Симаков (со вздохом):

— Тайно больше ничего не выходит. Вот вчера — темно, тихо. Мы с ведрами во двор, а нам из окошка (передразнивает): «Ребятишки, назад пойдете, калитку затворите... Вы что же, не могли поспеть пораньше?» (К Тимуру, нерешительно.) Тима, давай наплюем на воду.

Тимур (недоуменно):

— То есть как это — наплюем на воду?

Симаков (запинаясь):

— Ну конечно, не сюда... не в ведра, а вообще... (Уходит.)

Тимур:

— Вообще надо делать то, что тебе приказано! Кончишь работу, приходи к штабу. (Уходит.)

БУНТ

Чердак. Звуки далекой военной музыки. Квакин и Коля Колокольчиков высунулись из окна и слушают. Гейка стоит не шелохнувшись. Музыка обрывается. Гейка поворачивает голову к большой карте Европы. Лицо его сосредоточенно, губы что-то шепчут.

Тимур за столом читает письма. Что-то прочел. Горделивая улыбка на его лице. Он зовет:

— Гейка!

Гейка (не отрываясь от карты и не очень охотно):

— Есть Гейка.

Тимур:

— Иди сюда... Читай письма.

Гейка (не оборачиваясь):

— Знаю не читая: «Дорогой Тимур, нам очень понравилось все, что написано о вашей команде в книге. Ответь, пожалуйста, правда ли все так было или коечто присочинил писатель». Дальше хвалят тебя и ругают Квакина.

Квакин (оборачиваясь):

— Ой! Как будто нет хуже людей, чем этот Квакин... Тимур, Гейка угадал точно?

Тимур (несколько сконфуженно):

— Точно. (Прислушивается.) Кто свистит?

Женя (просовываясь в дверь чердака):

— Это я. Тимур, что за безобразие!..

Сует ему в руку маленькую районную газету с портретом Тимура.

Тимур (сконфуженно):

— Это действительно безобразие. Я вовсе никого не просил об этом.

Женя (тыча пальцем в портрет):

— Это не безобразие, хотя тоже безобразие. Но я не на это, а вот про это...

Внизу, под портретом, подпись:

«Пионеры обещают колхозу помочь прополоть огороды. Будут организованы две бригады — одна Гейки Рохманова, другая Жени Александровой».

Женя:

— Кто обещал? Я ничего не обещала. Я тебе сказала, что полоть не умею. Я повыдергаю с хвостами подряд все, что нужно и не нужно. (Запнулась.) Кроме того, если я буду копаться в земле, у меня засохнут пальцы, и Ольга не будет учить меня играть на аккордеоне...

Тимур:

— Это, конечно, самое главное! (Оборачивается и удивленно смотрит на подошедшего Гейку.) Ты что? Может быть, ты отказываешься тоже?

Гейка:

— Да! Щипать траву — это девчачье, а не наше, мужское, дело...

Тимур:

— А какое дело наше?

Гейка (вызывающе):

— Уже говорил. Наше дело — бой и строй... Пер-рвая рота, напрраво! (Иронически.) А ты скоро заставишь меня щипать кур и вязать кружева для подушек!

Женя (обозлившись на Гейку):

— Очень глупо... «Девчачье»! Подумаешь, какой воин! (К Тимуру.) Что ты на меня уставился? Все равно ты ничего не видишь! (Горько.) Ты не видишь, что над тобой смеются. (Показывает на надписи и обстановку чердака.) Начальник! Кабинет!.. Телефон!.. «Не курите... Не сорите...» Ты загонял всех ребят своими

приказами, а сам сидишь (швыряет газету) и любуешься своими портретами!

Тимур бледен.

Он дышит тяжело. Он старается сдержаться и отрывисто, но еще пытаясь улыбнуться, говорит:

— Женя, что ты говоришь? Уйди! И сначала подумай... (Берет ее за руку.)

Женя (запальчиво):

— Была команда. Было весело. А теперь тоска. Бухгалтерия. Обыкновенная контора.

Тимур (в бешенстве):

— Контора?! Иди! Уходи прочь! Играй на своей перламутровой гармошке, белоручка...

Женя (сощурив глаза):

— Я... я белоручка... а ты... ты зазнавшийся барин! И это скажет тебе вся команда.

Она вырывает свою руку и одним прыжком подскакивает к штурвальному колесу, над которым крупная надпись:

БЕЗ ПРИКАЗА НАЧАЛЬНИКА
ПОДАВАТЬ ОБЩИЙ СИГНАЛ ВОСПРЕЩЕНО

Тимур кричит:

— Оставь! Не тронь! Пустая девчонка!

Женя поспешно и резко поворачивает тяжелое штурвальное колесо.

Снаружи вздрогнули, натянулись веревочные провода.

Где-то под крышей чужого сарая грохнули жестянки... Звякнули бутылки.., Затрещал сломанный будильник...

Чердак... Тимур возле Жени. С силой хватает ее за руку.

Внезапно перед Тимуром появляется Квакин, Он

не дерется, а только отрывает Тимура от Жени и взволнованно говорит:

— Ты оставь... Ее ты не трогай.

Тимур рванул колесо. Что-то треснуло... Колесо упало. Звякнули еще раз под крышами бутылки, звякнули, упали и разбились. Бегут через пролазы заборов, через сады мальчишки.

Сад около сарая. Много ребят. Шум, свист, беспорядок. Заметно, что толпа делится на группы.

Квакин стоит, охраняя Женю.

Один из мальчишек пытается дернуть ее за косу и тотчас от тычка Квакина летит на траву.

Востроносая загорелая девочка Нюрка кричит Жене:

— Ты заграничная барышня, нарядная кукла... Ты все хочешь делать только по-своему!

Группа Гейки стоит против маленькой группы Симакова. Тимур идет к Гейке и на ходу говорит:

— Поднимай, собирай, бунтуй! Ты карьерист, а не пионер и начальник штаба.

Коля Колокольчиков подбегает сзади и в страхе кладет Тимуру руку на плечо.

Тимур, не оборачиваясь, отталкивает Колокольчикова. Коля отлетает прочь и горько, обиженно кричит:

— Так я же за тебя... Это ты своих?! Своих-то!

Он отходит за деревья. Останавливается. Отворачивается. И, кажется, плачет.

Тимур и Гейка.

Тимур:

— Ну?

Гейка:

— Ну?

Тимур:

— Не сошлись?

Гейка:

— Не сошлись!

Квакин (успокаивая взволнованную Женю):

— Мы соберем свою компанию... Подадимся в лес, на озера... собирать грибы, ловить рыбу... А какие места я знаю! Какие рощи!

Тимур и Гейка.

Тимур:

— Итак?

Гейка:

— Итак!

Тимур:

— Разошлись?

Гейка:

— Разошлись!

Тимур срывает надпись «Штаб команды» и бросает на землю:

— Так пусть же сюда никто... Пусть здесь ничего не будет!

Гейка командует своей группе:

— Перррвая рота, напрраво!

Ребята довольно дружно поворачиваются.

Гейка (оборачиваясь):

— Так помни, Тимур!

Тимур:

— Помни, Гейка!

Ему тяжело. Он поднимает голову и видит Женю, которую уводит за руку окруженный своей группой Квакин.

На мгновение Женя оборачивается, она делает какое-то движение, как бы пытаясь пойти навстречу Тимуру.

Но ее закрывают, торопят...

И, опустив голову, Тимур быстро уходит в чащу кустов. За ним Симаков и еще несколько ребят.

Пусто на поляне перед сараем.

Выходит из-за деревьев заплаканный Коля Колокольчиков. Он смотрит на провисшие веревочные провода, на сорванную фанерную надпись «Штаб команды» и говорит:

— Разошлись... Все в разные стороны.

Потом совсем тихо, удивленно заканчивает:

— А какая была команда! (Пауза.) Какие люди!

В РАЗНЫЕ СТОРОНЫ

Река. На берегу Тимур. В руках у него дешевенький клеенчатый портфель. Сидя на траве, он расстегивает портфель, просматривает какие-то бумаги, раскрывает газету. Там его портрет, а под ним: «Ребята-пионеры обещали помочь колхозу...»

В гневе комкает Тимур газету, собирает бумаги в охапку, запихивает их обратно в портфель, вскакивает и швыряет портфель с обрыва в речку.

Шлепнулся портфель в воду. Рассыпались и поплыли по реке бумаги.

Плывет по реке лодка. Сидят в лодке Женя, ее подруга Таня. На веслах Квакин. В руках у девочек большие букеты полевых цветов. На голове у Жени венок.

Квакин (обращаясь к Жене):

— Когда я был хулиганом...

Женя:

— Врешь! Никогда ты не был хулиганом...

Квакин (обиженно):

— Был. Спроси у кого хочешь. Мы не только по садам шныряли... Были дела и почище.

Женя (хладнокровно):

— Все равно врешь. Не такое у тебя лицо. Нос не такой. Хулиган должен быть — вот... вот... и вот... (Делает три энергичных движения и гримасы.) А у тебя — вот... вот... и вот... (Делает три глуповато-добродушные гримасы.)

Квакин (обиженно):

— Очень странно! Как это не был, когда был? Конечно, у некоторых выражение бывает вот! (Делает надменное лицо, по-видимому передразнивая Тимура.) Но о них, мне кажется, вспоминать совсем некстати.

Женя (просто):

— Я, Миша, никого не вспоминаю...

Она сняла венок с головы, опустила его в воду. Плывет венок. Плывут корабликами белые тимуровские бумажки.

Сарай. Над ним флаг.

На чердаке разгром. Все развалено и растащено.

Поклевывая крошки, воркуют голуби. Вдруг голуби взлетают.

Из темного угла чердака показывается Тимур. Он подходит к столбу, развязывает веревки, опускает флаг команды — звезду с четырьмя расходящимися лучами — и бережно прячет за пазуху. Еще раз оглянулся. Разор, разгром.

Спрыгнул Тимур с чердака и наткнулся на Колю Колокольчикова.

Тимур:

— Ты что?

Коля (заикаясь):

— Мы тебя ищем. Мы тебя ждем. Мы будем с тобой...

Тимур (обрадованно):

— Кто мы? Где ждете?

Коля (показывает на кусты):

— Ну, мы... народ... люди...

Быстро раздвигает Тимур кусты и видит: на поляне сидят Симаков, маленькая востроносая Нюрка (которой Тимур когда-то вернул козу), за руку она держит круглоголового братишку.

Тут же стоит белокурая шестилетняя девчурка (дочь убитого лейтенанта Павлова). Она держит в руках фанерного зайца.

Улыбка скользнула по губам Тимура. И он говорит:

— Гей, люди, люди! Чего вы от меня ждете? Теперь я больше никому не начальник.

Белокурая девчурка молча протягивает Тимуру фанерного зайца. Тимур берет девчурку на руки и, неловко улыбнувшись, говорит:

— Ну что же, люди! Будем начинать жить сначала.

Поле, огород.

Жарко палит солнце. Видны согнутые спины женщин, занятых прополкой.

Тимур босой, одет во все старенькое. На голове плохонькая кепка. Руки его черны. Локтем вытирает он лоб. Он берет с грядки кувшин с водой, пьет и затем через борозду передает его Коле Колокольчикову, который, стоя на коленях, выпалывает траву.

На Коле широкая дырявая шляпа из соломы. Глотнув воды, он передает кувшин дальше.

На этом участке работает всего человек десять мальчиков и девочек.

Возле загорелой растрепанной Нюрки сидит ее большеголовый братишка и тычет пальцем в какую-то букашку.

Поднялась, перепрыгнула Нюрка через грядку и, остановившись возле работающего Тимура, объясняет:

— Ты хватаешь лебеду одной рукой; бери двумя сразу. (Показывает.) А полынь не тяни за стебель, запускай пальцы в землю, дергай под корень.

Тимур:

— Хорошо, понятно!.. Я свою гряду окончу, приду к тебе на помощь.

Нюрка (удивленно):

— Да я в два раза скорее тебя окончу. Эту работу я знаю. Это тебе не колесо крутить. (Показывает.) Трын... брын... зазвенело!

Она перепрыгнула к Коле Колокольчикову, сразу что-то заметила и наклонилась:

— А ты, дорогой, рассаду выдернул да и пхнул назад без корня в землю! Бригадир придет — стыдить будет. А меня бабка раньше за такие дела по ногам крапивой.

Раздается удар о подвешенный железный рельс — это перерыв. Кончают работу взрослые женщины.

На ребячьем участке Коля встает, пробует выпрямиться, гладит свою поясницу.

Медленно, вытирая лбы, поправляя сбившиеся волосы и отряхиваясь от земли, выходят на межу и садятся рядышком на траву мальчишки и девчонки.

Высоко в небе летят самолеты.

И как сидят ребятишки по меже, так, не сходя с места, один за другим ложатся спиной на траву и смотрят в небо.

Летят самолеты.

Нюрка (лежа возле Тимура):

— Далеко полетели?

Тимур:

— Не знаю.

Нюрка:

— Это простые или военные?

Тимур:

— Военные...

Нюрка:

— А война будет?

Тимур:

— Говорят, будет...

Нюрка:

— Нам что!.. Нас не возьмут... Нас это дело не касается...

Откуда-то из-под лопуха возмущенный голос Колокольчикова:

— Как — не касается?! А еще пионерка... Это всех касается.

Нюрка (равнодушно):

— Сиди! Ты капусту зачем в грядку без корня втыкнул?.. А тоже — касается!..

Мужской голос:

— Здоро́во, ребята!

Все вскакивают и опять сидят на меже рядом.

Мужчина:

— Кто у вас тут старший?

Коля Колокольчиков (показывая на Тимура):

— Он старший... А она (на Нюрку) вроде как бы ученый специалист по капустной части.

Мужчина (Коле):

— А ты кто?

Коля (задорно):

— Я рядовой пионер, товарищ председатель. Чин небольшой, но весьма почетный...

Раздается удар молотка о рельс. Все поднимаются.

Мужчина (приглядываясь к измазанному, плохо одетому Тимуру):

— Ты Тимур?

Тимур (не очень охотно):

— Да... Тимур...

Мужчина (оглядывая небольшую кучку ребят):

— Почему же народу пришло так мало? Я слыхал, что у вас ребят много...

Тимур (горько):

— Все пришли... (Отворачиваясь.) Остальные... заняты, товарищ председатель.

Слышна громкая команда:

— Рота, кругом!

И видно, как на зеленой площадке у забора, возле которого сидит на лавочке старуха, человек двадцать ребят маршируют строем.

Гейка командует:

— Рота, стой!

Остановились ребята.

Гейка командует:

— Ложись!

Легли.

Гейка:

— Вставай!

Встали.

Гейка:

— Ложись!

Легли.

Гейка:

— Вставай!

Встали.

Гейка очутился рядом с сидящей на скамейке старухой.

Старуха поднимается. У ее головы на калитке вычерчена углем пятиконечная звезда — знак тимуровской команды.

Старуха спрашивает у Гейки:

— А что, сынок, разве воды в бочку вы мне и сегодня не принесете?

Гейка смутился, отвернулся и командует:

— Стоять смирно! Не шевелись! Вы кто? Военная рота! Ваше дело—строй, бой! (Меняя голос.) За мной, ша-агом марш!

Дружно топнули за Гейкой ребята.

Гейка, оборачиваясь к старухе, хмуро вполголоса говорит ей:

— Нет, мамаша, воды больше никому не будет.

Вдоль забора по аллейке идет усталый, измазанный Тимур. Он тащит два ведра с водою, за ним следом двумя руками тащит одно ведро Нюрка.

Слышен мерный, ровный топот и команда: «Ать... два... ать... два...»

Из-за поворота во всю ширину аллеи прямо навстречу Тимуру ведет свой отряд Гейка.

Увидал усталую, немного смешную фигурку обтрепанного, чумазого Тимура.

У всей первой шеренги отряда удивленные лица.

Гейка (сурово):

— Ать... два... ать... два!

Отряд идет прямо на Тимура.

Тимур оборачивается и видит, что Нюрке нести ведро трудно. Тогда он продолжает идти не сворачивая.

Большой отряд и Тимур с маленькой Нюркой сближаются почти вплотную.

Гейка не выдерживает и зло командует:

— Пол-оборота на-пра-во!

Отряд сворачивает и обходит Тимура и Нюрку.

Гейка (зло, но почти с восхищением):

— Упрямый... черт! (Кричит.) Пол-оборота на-ле-во!

Тимур, продолжая идти, говорит Нюрке насмешливо, но удовлетворенно:

— Кутузов! Барклай де Толли... Эк он команду рявкнул!

Музыка аккордеона.

На террасу поднимается полковник Александров. Аккордеон внезапно смолкает. Навстречу отцу выскакивает Женя. За ней — Ольга.

Женя бросается отцу на шею, виснет, болтает ногами и, счастливая, ревниво отталкивает Ольгу.

Ольга:

— Женька!.. Папа, что она меня к тебе не пускает!

Женя:

— Папа, ты как... ты к нам почему?

Отец:

— А что? Разве ты мне не рада?

Женя:

— Рада. Но ты говорил: нельзя... Тебе всегда некогда... (Смотрит на отца.) Папа, почему у тебя было три шпалы, а стало четыре? Ты теперь полковник? А ты генералом будешь?

Ольга (мягко обнимая отца и отталкивая Женю):

— Нет, не будет, потому что ты оторвешь ему голову или свернешь шею. Папа, ты к нам надолго?

Отец:

— Надолго!

Женя (обрадованно):

— О, как давно ты не приезжал к нам надолго!

Она не знает, как услужить отцу: хватает его фуражку, кладет ее на подоконник, берет из его рук плащ, полевую сумку. Ведет за руку в комнату, заглядывает ему в лицо и бормочет:

— Тебе будет с нами хорошо... (Оглядывается.) Ты будешь спать в моей постели... (Показывает.) Здесь мягче... А я лягу вот на этом диване. (Садится на диван.)

Широкоплечий полковник смотрит на ее тоненькую легкую кровать с кружевными оборками и, улыбнувшись, говорит:

— Нет, дорогая, уж лучше на диване я лягу.

И сел с ней рядом. К ним подсаживается Ольга.

Полковник, освобождая Ольге место, берет с дивана книгу и, заглядывая в нее, спрашивает:

— Как дела с твоей железобетонной специальностью?

Ольга (со вздохом):

— Папа, завтра я должна уехать в город, у меня консультация. Из города я вернусь только послезавтра к обеду. (Торжествующе.) Но зато в понедельник у меня последний экзамен!

Утро. Яркое солнце. На веранде за чайным столом сидит полковник. Он в простой белой рубашке. Ольга ставит на стол завтрак. Она готовит яичницу, подчитывает учебник и укладывает свои книги и вещи в чемоданчик.

Женя подхватывает с середины стола тарелки с едой, пододвигает их вплотную к стакану отца, и на столе перед ним не остается и сантиметра свободного места.

Ольга подает еще тарелку. Женя хватает ее и ставит вторым этажом (больше некуда) на молочник.

Отец, оглядевшись, отодвигает посуду:

— Постой... постой! Ты меня совсем посудой задавила. Я не голоден. Я приехал из богатого края.

Женя:

— А из какого?

Отец (хитро покосившись на дочь):

— Спрашиваешь? А что не скажу — знаешь.

Женя:

— Папа, там еще войска есть?

Отец:

— Есть.

Женя:

— Но лучше твоего танкового полка уже, наверное, нигде нету. Я так давно решила!

Отец (добродушно):

— Ну конечно, если ты так решила, тогда нету.

Женя:

— А если бы и сам нарком?..

Отец:

— Он? Он бы, вероятно, еще подумал.

Женя (со вздохом):

— Я не могу думать! Я уже сказала об этом всем своим друзьям и подругам.

Отец:

— У тебя друзей много? И, конечно, из них Тимур первый?

Ольга:

— Ну как же... Женя, почему его и вчера и сегодня не видно?

У Жени растерянное лицо.

Отец (поддразнивая):

— Что же ты так вспыхнула? А я его по пути с

другой девчонкой встретил... (После паузы, успокоительно.) Он был чумазый, и они несли в ведрах воду. Ты его позови сюда, Женя.

Женя встала. Она, по-видимому, хочет что-то сказать отцу, но Ольга не так поняла ее движение и остановила:

— Женя, погоди, не сейчас. Папа приехал надолго, и ты еще Тимура сто раз позвать успеешь...

Женя (вспыхнув):

— Я?.. Позвать... Ты ничего не понимаешь!

Полковник посмотрел на Женю.

На глазах у нее слезы.

Полковник:

— Женя, что с тобой?

Она быстро проводит пальцами по ресницам и говорит задумчиво:

— Ничего! Папа, на земле все говорят: «война и война...» Папа, посмотри, какое небо голубое! Мы будем ходить в лес... на речку... купаться... кататься на лодке... и ты будешь не полковник, не рабочий, не служащий, а просто папа. (Пытливо заглядывает ему в глаза.) Так не бывает? Ну хорошо, пусть ненадолго, только на один месяц. Мы будем жить весело. Если у тебя есть деньги, ты подари мне патефон... мы будем заводить марши, танцы. Папа, я что-то говорю... говорю... а сама знаю, что это глупости. Но мне хорошо, и я при тебе не могу говорить иначе.

Ольга (укоризненно, отодвигая стакан):

— Женя, когда ты так говоришь, я не могу пить чай. Вот видишь, и папа ничего не ест тоже. Ты говори что-нибудь поспокойнее и попроще.

Женя (зажмуриваясь):

— Ах, это просто! Это все очень просто!..

Отец (меняя тему разговора):

— Мы попьем чаю, проводим на вокзал Ольгу и пойдем гулять. Ты покажешь мне ваш сад, ваш штаб, ты позовешь Тимура.

Женя (опять растерявшись):

— Его, наверное, дома нет. Они в колхозе на работе.

Отец (добродушно):

— А ты почему не на работе?

Женя (совсем растерявшись):

— Я... не знаю... там, наверное, уже есть люди... и больше туда не нужно.

Полковник (заглядывая Жене в лицо):

— Ты что-то краснеешь, путаешься. Женя, сядь и скажи мне правду.

Тропкой по роще-парку возвращаются с работы Тимур, Нюрка и ее маленький братишка. В руках у них прополочные тяпки.

В лесу слышен далекий свист.

Тимур (передавая Нюрке свою тяпку):

— Ты иди, а я пойду напрямик (показывает) рощей...

Нюрка:

— Завтра на работу опять в то же время?

Тимур:

— И завтра и послезавтра. Людей у нас теперь мало, а что обещано, то будет сделано. (Заглядывая Нюрке в лицо.) Почему у тебя на носу ссадина?

Нюрка (беспечно):

— Эка беда, ссадина! Кабы на ноге или руке... А я не носом работать буду.

Тимур скрылся в кустах.

Нюркин братишка-малыш (показывая палец):

— А у меня, Нюрка, на пальце царапина.

Нюрка (добродушно):

— И тебе не беда. Ты все равно большой лодырь... (Насторожилась.)

В роще повторяется свист.

Тимур выходит на маленькую поляну. Окрик:

— Стой!

Тимур остановился.

Его окружает шайка под командой Фигуры.

Фигура:

— Ну, теперь мы тебе покажем!

Тимур смотрит на Фигуру и, пожав плечами, свысока спрашивает:

— А что ты, Фигура, со мной можешь сделать?

Фигура (озадаченно):

— Как что? Мы тебя изобьем по чем попало.

Тимур (после паузы):

— Бей! Но до смерти ты меня не заколотишь. А наши узнают, и тебе самому спуска не будет.

Фигура:

— Врешь! У тебя больше нет команды! Ваша команда кончилась, разлетелась... Теперь опять мы — сила!

Тимур:

— Кончилась? Разлетелась? Это наше, а не твое дело. Ну, бей! Видишь, я уже и глаза зажмурил.

Фигура (после колебания — ударить Тимура или нет, говорит грозно и удивленно):

— У тебя две жизни или одна? Ты со мной как разговариваешь? О чем думаешь?

Тимур трогает Фигуру за рукав и совсем неожиданно спрашивает:

— Фигура, ты стихи любишь?

Фигура (вылупил глаза, удивлен до крайности):

— Чего-о?

Тимур:

— Стихи. Ну вот, например:

> Отец, отец! Дай руку мне...
> Ты чувствуешь — моя в огне.
> Знай, этот пламень с юных дней,
> Таяся, жил в душе моей...

Скажи, Фигура, у тебя пламень в душе есть?

Фигура (опять вылупив глаза):

— Чего-о? Я тебя еще раз спрашиваю: ты, когда со мной говоришь, о чем думаешь?

Тимур (продолжает):

> Имел одной он думы власть,
> Одну, но пламенную страсть...

(Деловито.) Вы меня бить будете? Так бейте, не задерживайте! (С досадой.) А то вам зря шататься, а мне завтра чуть свет на работу!..

Фигура (после долгого колебания, зло):

— Иди к черту!

Тимур:

— Прощай, Фигура... Стихи я тебе потом дочитаю... (Уходит.)

Повернувшись к ребятам и кивнув головой в сторону ушедшего Тимура, Фигура говорит:

— Вот упрямая порода! Что это он там бормотал? (Надвигаясь на одного из мальчишек.) А у тебя есть в душе пламень?

Мальчишка (гордо):

— Нет... этого нету...

Фигура (горько и зло):

— Вот то-то и есть, что нету!

НОВЫЕ ВРЕМЕНА

Ровным строем катит по дороге к парку отряд мороженщиков.

Идет по дороге отряд бутербродно-конфетных лоточниц.

Широкая, врезавшаяся клином в лес поляна с островками густой зелени. На пятитонке играет, поблескивая медными трубами, оркестр духовой музыки. Кружатся танцующие пары. Сквозь просветы между громоздкими белыми облаками светит солнце.

По опушке под деревьями и кустарником расположились веселые отдыхающие группы.

От опушки к чаще кустов, в тень, осторожно подъезжает легковой «ЗИС».

Выскакивают из него с кульками, с провизией, с сумками взрослые и ребята.

Мимо «ЗИСа» идут полковник Александров и Женя.

Женя (неуверенно):

— Я... я думаю, что Тимура здесь нет... Они, наверное, опять на работе.

Полковник:

— А ты завтра пойдешь на работу?

Женя (отрицательно мотает головой):

— Нет. (Пауза.) Если они там, я к ним пойду сегодня.

На пне под кустом стоит патефон.

На траве, на скатерти, закуска. Тут же, прислонившись к дереву, сидит задремавший дедушка.

Молодой человек призывного возраста (наклонившись к молодой девушке):

— Идем! Мы только немножко потанцуем и вернемся обратно.

Девушка:

— Да, но тогда нужно разбудить дедушку.

Стоя напротив, они берутся за руки и, счастливо улыбаясь, смотрят в глаза друг другу.

Хруст шагов — и, испуганно разжав руки, они прячут их за спину.

Невдалеке показались полковник Александров и Женя.

Женя (прижимаясь к отцу):

— Папа, а ты мне патефон подаришь?

Полковник:

— Сказано.

Женя:

— Слово?

Полковник:

— Слово!

Женя (лукаво):

— А какое? Бывает слово пионерское, комсомольское, красноармейское...

Полковник (полушутя):

— Мое — бронетанковое.

Женя (удовлетворенно):

— О! Это, конечно, тяжелое и верное слово!

В тени дерева около машины стоят два бледных человека... Один из них, напряженно слушая радио, машет рукой в сторону духового оркестра.

Оркестр продолжает играть.

Около «ЗИСа» стоит уже человек двадцать... Подбегают еще люди... И уже многие отчаянно машут оркестру руками. Но дирижер стоит спиною, он не ви-

дит, и оркестр продолжает играть. Ближайшие танцующие пары, обрывая танец, бегут к «ЗИСу».

Кто-то дернул дирижера за ногу. Он останавливается, на его лице недоумение.

Он растерянно машет рукой, музыка стихает.

В лесу молодой человек призывного возраста и девушка. Он говорит ей решительно:

— Идем! Мы только немного потанцуем и придем обратно.

Девушка:

— Да, но тогда нужно подойти и разбудить дедушку...

Молодой человек озорно подкрадывается к патефону, поднимает мембрану и пускает пластинку.

Дедушка открыл глаза, улыбнулся и увидел, как счастливая пара выскочила на поляну и, чем-то пораженная, остановилась.

Перед ними безмолвно замершая поляна. Все, сколько ни есть людей, стоят не шелохнувшись лицом к «ЗИСу».

Голос наркома из репродуктора:

«...Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города...»

Тревожный лязг металла о железный рельс.

Голос наркома продолжает:

«...Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие...»

...Рука с молотком тревожно бьет по рельсу.

Огород позади села.

Быстро поднимают головы женщины-полольщицы. И на тревожный звон бегут к селу.

Тимур, Нюрка, Симаков и другие ребята вскакивают с земли.

Тимур:

— Это не на обед... (Недоуменно.) Я не знаю, что это значит!

Нюрка:

— Это, наверное, пожар... Бежим... бежим... ребята!

Перескакивая через грядки, они мчатся к взрослым, бегущим к селу.

Опять поляна. Безмолвная толпа.

Голос наркома:

«...Теперь, когда нападение на Советский Союз уже совершилось...»

Село.

Перед репродуктором в толпе колхозников стоят Тимур и Нюрка.

Голос наркома:

«...Советским правительством дан нашим войскам приказ — отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей Родины...»

Глаза Тимура становятся все шире и шире, и, не глядя, он прижимает к себе маленькую перепуганную Нюрку.

На столе календарь:

Воскресенье. 22 июня 1941 года.

Рядом с календарем лежат крепкие командирские пояс, ремни, полевая сумка и револьвер в кожаной кобуре.

Полковник Александров (одергивая надетые ремни) старается говорить ясно, спокойно, что ему не совсем удается:

— Жаль, что нет Оли. Но ты скажи ей, что я ее люблю, помню. Ты скажи ей, что мы вернемся...

Женя (подсказывает полушепотом и как будто безучастно):

— Не скоро...

Полковник сжал губы, чуть опустил голову, но, тотчас подняв ее, медленно, как бы подыскивая слова, продолжает:

— Ты скажи ей, что она—дочь командира... И что вы не должны обо мне плакать. Слышишь? (Он трогает окаменевшую Женю за плечо.) Женя! Ты меня слышишь?

Женя (ровно, чтобы не сорваться):

— Слышу... (Пауза.) Мы... не будем... (И шепотом доканчивает.) Мы привыкли...

Но это неправда, ей трудно, она отворачивается, плечи ее вздрагивают.

За окном резкий гудок машины.

У подъезда дачи стоит «ЗИС». В нем свободно только одно место, остальные заняты ожидающими полковника командирами.

Полковник берет Женю за руки и говорит ей совсем другим голосом, простым и взволнованным:

— Что мне тебе сказать еще, Женя? Вот я большой... уже седой. А я стою... смотрю.., и что говорить, не знаю...

Женя хочет ответить, она мотает головой, машет руками и бормочет:

— Ничего... ничего не говори, папа!.. Я все... все сама понимаю...

Она бросается к отцу...

...Возле стола у окна стоит Женя. Слышен стук...

Распахивается дверь. Входит взволнованная Ольга и, остановившись у порога, в страхе спрашивает:

— Женя! Где папа?

Не поворачиваясь, Женя молча, медленно поднимает руку и потом резко опускает ее вниз, в сторону окна.

Навстречу один другому несутся двое мальчишек... Расстояние между ними уменьшается. Но, еще не добежав друг к другу, как бы что-то вспомнив, они останавливаются, поворачиваются и в том же темпе мчатся назад в противоположные стороны.

Бежит один из этих мальчишек, столкнулся с другим мальчишкой.

Первый мальчишка (растерянно):

— Ну что?

Второй:

— Ну ничего!

Первый:

— Ты куда?

Второй:

— Я... не знаю.

Бегут рядом.

Выскакивают из-за поворота две девчонки.

Первая девчонка:

— Мальчики, погодите, и мы с вами!

Первый мальчишка (зло):

— С нами... с нами... Мы никуда сами...

Обгоняя их, по улице рысью промчались два кавалериста.

Густая полоска кустарника разделяет две тропки. По одной шагает Гейка, по другой — Квакин.

В просвете между кустами увидали они друг друга и сразу замедлили шаг.

Гейка (Квакину):

— Ты куда?

Квакин (обламывая веточку и небрежно обмахиваясь ею):

— Я? Гуляю... А ты?

Гейка хочет что-то сказать, но раздумал, потом махнул рукой и буркнул:

— Ну и гуляй своей... а я своей стороной!

Разошлись.

Сарай. Опущенные, повисшие провода. Возле сарая бестолково мечется несколько ребятишек.

Выглянули из-за забора сразу три головы. Увидав, что они не первые, нахохлились... И одна голова кричит сердито:

— Вы сюда зачем? Это не ваше место!

Кустами к сараю пробирается Квакин, с противоположной стороны — Гейка.

Столкнулись...

Гейка (Квакину):

— Гуляешь?

Квакин (сделав Гейке страшную гримасу):

— Гуляю.

Поворачивается и бежит к сараю...

За ним Гейка.

Поляна.

Увидав двух вожаков, мальчики бросились к ним навстречу.

Разом перепрыгнула через забор тройка. Подбегают еще мальчишки.

Квакин громко спрашивает:

— Где Тимур?

Чей-то голос:

— Нет Тимура!

Квакин смотрит на повисшие провода...

Он махнул одному из мальчишек рукою... Тот ловко взбирается ему на плечи, хватает руками и дергает за веревочные провода.

Звякнули где-то горлышки разбитых бутылок...

Машет впустую железная палка... Дружно звякнули жестянки.

На поляне уже много народу, но еще и еще подбегают ребята.

С заплаканным лицом, закрыв глаза, стоит у дерева Женя...

Шум, волнение, крики:

— Где Тимур, куда его черт носит?!

Вдруг шум смолкает.

Из-за кустов с тяпкой в руках выходит вернувшийся с работы Тимур. За ним Нюрка, Артем, Симаков, Коля Колокольчиков.

Раздается шум, свист, «ура». Крики:

— Да здравствует наша команда!

Гейка хватает растерявшегося Тимура за руку и хмуро говорит:

— Иди... иди... говори! Не ломайся!

У калитки дачи Александровых раздается команда:

— Взвод, стой!

С топорами, ломами, лопатами красноармейский взвод останавливается.

Лейтенант открывает калитку, поднимается по ступенькам террасы. Замялся. Опустив голову на руки, сидит у стола Ольга.

Лейтенант кашлянул. Ольга обернулась, вскочила и, торопливо вытирая слезы, спросила:

— Что я могу вам сказать? Я не капитан, не командир... а такой же, как вы, мальчишка.

— Вы к кому? Папа уже уехал...

Лейтенант (здороваясь):

— У меня к вам дело.

На поляне перед сараем много ребят; поодаль, наблюдая за ними, стоит несколько взрослых.

Придерживаясь рукой за круто приставленную к чердаку лестницу, взволнованный Тимур говорит:

— Что я могу вам сказать? Я не капитан, не командир... а такой же, как вы, мальчишка. Люди идут на фронт, и надо много работать... молотком, топором, лопатой, в лесу, в огороде, в поле. Была игра, но на нашей земле война, и игра окончена...

Среди собравшихся шум.

Тимур (звонко):

— Мальчишки и девчонки! Вот вы киваете головами, шумите: «Давай! Давай! Будем ворочать горы!» А пройдет три дня... (ропот) ну, три недели, три месяца — работа надоест, и выйдет, что мы не пионеры, а хвастуны и лодыри. (Ропот.) Мне говорить так горько, но лучше сказать сразу напрямик, чтобы потом никто не ныл и не хныкал. Давайте жить дружно! Нас много, а будет еще больше!

Резкий свист. Свистит Симаков. Люди оборачиваются.

В тени дерева стоит подошедший со всей своей компанией Фигура.

Тимур (командует):

— Отставить! Подходит подкрепление «Последний Могикан», гроза садов и морковных огородов.

Тимур вытаскивает из кармана и развертывает старый флаг команды: пятиконечную звезду с опущенными вниз четырьмя лучами.

— И вот у нас уже целый пионерский отряд — и не

одна, а три команды. Гейкин — весь поселок, у Квакина — лес и поле, а эти... (улыбнувшись и показывая на Фигуру) ночной патруль по охране покоя и общественного порядка!

Лицо Фигуры озадаченно.

Треск.

Как по волшебству, сдвигается с места целиком весь ветхий заборчик.

Теперь видно, что, как он стоял, так его целиком выдернула из земли и, развертывая, отнесла в сторону шеренга красноармейцев.

Стоят лейтенант и Ольга. Тимур, Женя, все ребята бросаются к ним.

Ольга (Тимуру):

— Свой штаб вы можете перенести к нам на террасу, а здесь (в сторону сарая) будет стоять (в сторону улицы) зенитная батарея.

На улице под деревьями, одетые в чехлы, стоят пушки.

Окно незнакомого дома.

На стекле две пары рук быстро ставят «знак войны» — узкие, скрещенные наискосок и еще раз перекрещенные через центр бумажные полосы для предохранения стекол от бомбежки.

Внутри комнаты ловко работают, оклеивая окна, Женя и Таня.

Одеты они по-рабочему просто, волосы туго завязаны косынками.

Еще две девочки режут на столе полосы бумаги.

Грудной ребенок, сидя на полу, ловит и дергает, играя, свесившиеся со стола полоски.

Женя погрозила ему пальцем.

Оклеив окно, девочки выбегают во двор.

...Во дворе возле грядок много мальчишек с лопатами, ломами, топорами. Они сидят на досках, положенных на бугры свежевыкопанной глины.

Глубокая, идущая траверсами бомбозащитная щель.

Тимур с куском мела в руках стоит у забора. Тут же стоит его лопата. К нему подходит Коля Колокольчиков.

Тимур приказывает:

— Дай сигналы: «Внимание!», «Вижу врага», «Подать патроны».

Коля Колокольчиков поднимает согнутую правую руку ладонью вперед — пальцы на уровне головы, затем опускает ее. Вытянутую левую руку относит в сторону и опускает. Потом высоко, во всю длину, поднимает правую и крутит ею над головой.

Тимур (передавая мел):

— Хорошо! Напиши: «Вижу взвод».

Коля рисует.

Тимур:

— «Вижу роту с пулеметом и две пушки».

Коля к кресту прибавляет еще продольную черточку, потом менее уверенно ставит еще два знака.

Тимур, забирая мел, зачеркивает последний знак и говорит с усмешкой:

— Обедать будешь после. Пулемет на плане обозначается так. (Рисует.) Или вот так. А это у тебя не пулемет, а кашевар с походной кухней.

Гейка (поднимаясь, командует):

— Становись на работу!

Ребята хватают топоры, грабли и лопаты.

Один из них прыгает в узкую земляную траншею. Другие тянут доски, пилят и рубят крепежные стойки.

Женя (подходя к взявшему лопату Тимуру):

— Мы побежали. Мы пойдем к комсомолкам шить мешки и брезентовые рукавицы. Там нас ждет Оля...

Тимур:

— Никуда вы не побежали. Собирай девочек, идите на огороды!

Женя (жалобно):

— Но, Тима! Мы только недавно оттуда... Нас прогнали... Квакин нагнал туда столько народу, что председатель нам велел уходить обратно. Если не веришь (показывает в сторону улицы), спроси у Фигуры.

Тимур (строго):

— Не зови его больше Фигурой, зови Васькой.

Женя (улыбаясь):

— Есть Фигуру звать Васькой!

Улица.

Фигура и с ним еще несколько мальчишек несут ведро, мочальную кисть и свертки бумаги.

Не держась за руль, лихо прокатил мимо них щеголеватый, в брюках гольф, паренек-велосипедист.

Ребята останавливаются у забора.

Приклеивают белый лист: «Приказ штаба противовоздушной обороны № 1». Второй лист — лозунг:

Тыл, помогай фронту защищать Родину!

Полюбовавшись на свою работу, Фигура сухой тряпкой разглаживает бумагу.

Щеголеватый паренек соскочил с велосипеда и, расталкивая ребят, читает приказ.

Фигура (давая тычка пареньку):

— Кати, кати!.. Не для таких лодырей про эти дела писано...

Паренек обиженно попятился.

Поле. Очень много голов склонилось над грядами.

Раздается русская песня, но слова ее не все знают, и поющие часто повторяют одни и те же строки:

Эх ты, степь моя...
Степь широкая,
Степь широкая
Да раздольная...

Квакин, поднимая голову, говорит Симакову:

— Когда я был хулиганом, я совсем не знал, что полоть капусту — это тоже трудно...

Степь широкая,
Степь раздольная..

Квакин выпрямился и говорит задумчиво:

— Когда я буду красноармейцем, тогда я буду...

Симаков:

— Ну, и что ты тогда будешь?

Квакин (гордо):

— А вот увидишь, что я тогда буду!

Ночь. Дачный поселок точно вымер. Тявкает собака.

Шаги.

Силуэт патруля. Это какой-то комсомолец и Ольга.

Они с противогазами.

Чужая комната. Яркий электрический свет.

Старуха подходит и поправляет одеяло, закрывающее окно.

Рядом с окном этажерка. На ней спит кошка.

Старуха подходит к дивану, где спит возле игрушек малыш, берет его на руки и уносит.

Ночь.

Идут Тимур, Фигура и еще четверо из ночного патруля.

Тимур прощается с Фигурой.

— Вася! Я на тебя надеюсь... Ты смотри, не того... чтобы все было как надо!

Фигура (хмуро):

— Капитан! У меня или уже как не надо, или уже все как надо. А на две стороны я никогда не работаю.

Разошлись.

Плывут светлячками затемненные фары.

Возле Фигуры бесшумно остановилась легковая машина. Открывается дверца, и виден силуэт головы человека. Человек спрашивает:

— Мальчики! Как проехать к штабу противовоздушной обороны?

Фигура (после паузы):

— Сначала скажи быстро, как зовут Ворошилова.

Человек, не запинаясь, отвечает:

— Климент Ефремович.

Фигура:

— Откуда он родом?

— Донецкий слесарь из Луганска.

Фигура:

— Первый поворот налево, второй переулок направо. Там вас остановят.

Машина отъезжает.

Голос из машины:

— Молодец! Ты хитер, парень!

Фигура (хмуро, своим ребятам):

— Пятнадцать лет все за хитрость ругали, а вот хоть один раз да похвалили!

Светлая комната.

Изогнувшись, прыгнула с этажерки кошка на закрывающее окно одеяло, вцепилась в него когтями и сорвала неплотно прибитый край.

Улица.

Узкий, но яркий луч света падает со второго этажа на патруль Фигуры.

Фигура бросается к дверям дома и стучит кулаками и ногами.

Другая комната.

Старуха заснула возле кровати ребенка.

Отчаянно колотят в дверь ребята.

Проворно по водосточной трубе, потом по карнизу лезет Фигура к освещенному окошку, добрался и громко стучит в переплет рамы.

Вдруг раздается зловещий вой сирены и паровозных гудков.

Воздушная тревога!

Ребята внизу шарахнулись от двери.

Фигура сверху кричит:

— Вы куда? Лезь через забор! Пробирайся в дом с черного хода!

Ударила зенитная батарея.

Фигура смотрит вниз, собираясь прыгнуть в темноту, но вот он выпрямляется и, придерживаясь раскинутыми руками за шероховатую стену, закрывает своей спиной узкую полоску света.

Удар!

Еще удар!!!
Прожектор...
Тени возле зенитки.

Женя проснулась. Вскочила. Надела на плечо противогаз.

Дрожащими руками схватила со стола и поцеловала фотографию отца, выбежала на улицу.

Удар!

Недалеко от входа в подвал-бомбоубежище, взявшись за руки, торопливо шагают цепочкой совсем маленькие ребятишки с няньками, очевидно из детского сада.

Один малыш тащит игрушечного слона и, задрав голову к небу, спотыкается.

Их встречают Ольга и дежурный — комсомолец.

Из-за его спины выглядывает лицо Жени.

Ольга (заметив Женю):

— Иди вниз. Здесь без тебя обойдутся.

Женя (хватает спотыкающегося малыша):

— Я сейчас, я только возьму вот этого!

(Берет малыша на руки.)

Гул приближающихся самолетов.

Удар.

Разрывы зениток.

Малыш (Жене, доверчиво):

— Это гром?

Женя:

— Да, это гром.

Опять удар и треск зенитного пулемета.

Малыш:

— Потом будет дождь?

Женя (пригнувшись и опасливо глянув на небо):

— Да, потом будет дождь.

Удар.

Длинная очередь из пулеметов.

Трассирующие пули в небе.

Малыш:

— А потом будет хорошая погода?

Женя, скрываясь за тяжелой дверью бомбоубежища, говорит торопливо:

— Да!.. Да!.. Потом будет очень хорошая погода.

Удар.

Стоит, заслоняя собой свет, Фигура.

Снизу, откуда-то из-под кустов, ему кричат:

— Васька! Скорее вниз прыгай! Что ты думаешь?

Фигура (злорадно):

Имел одной он думы власть,
Одну, но пламенную страсть!..

Трусы! А что скажет наш капитан? Я ему обещал, что все будет сделано как надо!

Бегут взрослые дружинники.

Влезают через окошко в дом, и с улицы видно, как гаснет свет. Выстрелы стихают.

Фигура прыгает вниз, в палисадник.

К нему подбегают товарищи.

На лице Фигуры полоска крови.

Один из мальчишек в страхе спрашивает:

— Ты что? Ты ранен?

Фигура (гордо):

— Да, когда прыгал, зацепился щекой за бельевую веревку!

Возле террасы стоят лопаты, грабли, топоры, доски. По лестнице сбегает несколько мальчишек. Разо-

брали инструменты и убежали. На террасе возле Тимура — Гейка, Квакин, Колокольчиков, Женя, Фигура и другие ребята.

Вошел почтальон и внес квадратный, запакованный в картон сверток.

Он говорит Жене:

— Распишись. Тебе из города посылка. А твоей сестре письмо.

Женя (расписываясь и волнуясь):

— Что это такое? (Берет письмо.) Почему письмо от папы не мне, а только Ольге?

На столе стоит патефон.

Женя (закусив губу, чуть не плача):

— Папа!.. Он вспомнил... Зачем? Мне этого теперь ничего не нужно...

Она отходит и, сдерживая слезы, смотрит в окошко.

Тимур рассматривает патефонные пластинки.

Вдруг лицо его насторожилось.

Он подносит к глазам небольшую прозрачную пластинку.

Потом, загадочно глянув на Женю, он осторожно заводит патефон и ставит пластинку.

Коля Колокольчиков (шепотом):

— Тима!.. Не надо... Она (на Женю) от музыки заплачет.

Тимур отмахнулся от Коли и пускает пластинку.

Недоуменно смотрят на Тимура притихшие ребята.

Крутится пластинка.

Женя стоит лицом к окну.

Вдруг раздается ровный, знакомый голос отца:

— Женя!

Мгновенно Женя оборачивается и, ухватившись за подоконник руками, замирает с широко открытыми глазами.

Крутится пластинка.

Голос отца:

— Когда ты услышишь эти мои слова, я буду уже на фронте. Дочурка, начался бой, равного которому еще на земле никогда не было... А может быть, больше никогда и не будет. Если тебе будет трудно, не плачь, не хнычь, не унывай. Помни, что тем, которые бьются сейчас за счастье и славу нашей Родины, за всех ее милых детей и за тебя, родную, еще труднее, что своей кровью и жизнью они вырывают у врага победу. И враг будет разбит, разгромлен и уничтожен. Женя! Я смотрю тебе сейчас в глаза прямо, прямо... Я клянусь тебе своей честью старого и седого командира, что еще тогда, когда ты была совсем крошкой, этого врага мы уже знали, к смертному бою с ним готовились. Победить его обещались. И теперь свое слово мы выполним. Женя! Поклянись же и ты, что ради всех нас там у себя... далеко... далеко... ты будешь жить честно, скромно, учиться хорошо, работать упорно, много. И тогда, вспоминая тебя, даже в самых тяжелых боях я буду счастлив, горд и спокоен.

Уже давно смолк голос отца, и с шипением впустую вертится пластинка...

Но, как зачарованные, стоят не двигаясь ребята.

Но вот Тимур подошел к Жене, смотрит ей прямо в лицо, а она тихо и взволнованно ему шепчет:

— Да! Но я не знаю как... Я не умею...

Тогда Тимур сжимает руки Жене и говорит горячо и звонко:

— Я клянусь, Женя. Я давно знаю. И я научу тебя этой клятве!

1941 г.

ФРОНТОВЫЕ ЗАПИСИ

БЕРИСЬ ЗА ОРУЖИЕ, КОМСОМОЛЬСКОЕ ПЛЕМЯ!

ОЙНА!

Ты говоришь: я ненавижу врага. Я презираю смерть. Дайте винтовку, и я пулей и штыком пойду защищать Родину.

Все тебе кажется простым и ясным.

Приклад к плечу, нажал спуск—загремел выстрел. Лицом к лицу, с глазу на глаз — сверкнул яростно выброшенный вперед клинок, и с пропоротой грудью враг рухнул.

Все это верно. Но если ты не сумеешь поставить правильно прицел, то твоя пуля бесцельно, совсем не пугая и даже ободряя врага, пролетит мимо.

Ты бестолково бросишь гранату, она не разорвется.

В гневе, стиснув зубы, ты ринешься на врага в атаку. Прорвешься через огонь, занесешь штык. Но, если ты не привык бегать, твой удар будет слаб и бессилен.

И тебе правильно говорят: учись, пока не поздно. Когда тебя призовут под боевые знамена, командиры будут учить тебя, но твой долг — знать военное дело, быть всегда готовым к боям.

Тебе дадут винтовку, автомат, ручной пулемет, разных образцов гранаты. В умелых руках, при горячем, преданном Родине сердце это сила грозная и страшная. Без умения, без сноровки твое горячее сердце вспыхнет на поле боя, как яркая сигнальная ракета, выпущенная без цели и смысла, и тотчас же погаснет, ничего не показав, истраченная зря.

Комсомолец, школьник, пионер, юный, патриот, война еще только начинается, и знай, что ты еще нужен будешь в бою.

Приходи к нам на помощь не только смелым, но и умелым. Приходи к нам таким, чтобы ты сразу, вот тут же рядом, быстро отрыл себе надежный окоп, хлопнул по рыхлой груде земли лопатой, обмял ладонью ямку для патронов, закрыл от песка лопухом гранату, метнул глазом — поставил прицел. Потом закурил и сказал: «Здравствуйте все, кто есть слева и справа».

Поняв, что ты начал не с того, чтобы сразу просить помощи, что тебе не нужно ни военных нянек, ни мамок, тебя полюбят и слева и справа.

И знай, что даже где-то на далеком фланге поднос-

чик патронов, связной или перевязывающий раны санитар кому-то непременно скажет:

— Прислали пополнение. Видел одного. Молодой и, наверное, комсомолец.

— Ну! Прыгает?

— Ничего не прыгает. Сел на место, окопался, молчит и работает.

Двадцать два года тому назад, в эти же августовские дни, я, тогда еще мальчишка, комсомолец, был с комсомольцами на фронтах Украины в этих же местах.

Какие были среди нас политики! Какие стратеги! Как свободно и просто разрешали мы проблемы европейского и мирового масштаба. Но, увы! Учились мы военному делу тогда мало. Дисциплина хромала. Стреляли неважно и искренне думали, что обрезать напильником стволы у винтовки нам не разрешают только из-за косности военспецов главного штаба.

Но нас в армии было тогда еще немного. За молодость бородатые дяди нас любили. Многое нам прощали и относились к нам покровительственно, благодушно.

Теперь время совсем не то. Сейчас комсомол — большая сила в армии.

В грозные для одного большого города дни встали недавно у сложных орудийных расчетов студенты-математики, комсомольцы.

За баррикадами из мешков песка, возле тяжелых противотанковых пулеметов стояли запасными номерами наводчики-комсомольцы.

На окраинах города уже шел бой, а они все еще спешно и жадно, как перед самым важным в жизни экзаменом, заглядывали в стрелковые таблицы.

Вот и ты приходишь с учебы, с работы. Ты знаешь,

что тебе ночью еще нужно дежурить на чердаке, на крыше, и все-таки, наверное, ты берешь боевой устав. Ты идешь в военный кружок. Ты становишься в строй.

Жжет ли солнце, льет ли дождь, покрыты ли суровой тьмой улицы твоего родного города, люди слышат твои твердые шаги, слова команды и стук винтовочного приклада, опущенного на гулкую мостовую.

А ночью за черной маскировочной шторой ты, наверное, сидишь, изучая тяжелую ручную гранату, огонь которой вместе с огнем твоих глаз и твоего сердца взорвет и испепелит тех, кого мы все так клятвенно и непримиримо ненавидим.

Берись за оружие, комсомольское племя!

1941 г.

У ПЕРЕПРАВЫ

Наш батальон вступал в село.

Пыль походных колонн, песок, разметанный взрывами снарядов, пепел сожженных немцами хат густым налетом покрывали шершавые листья кукурузы и спелые несобранные вишни.

Застигнутая врасплох немецкая батарея второпях ударила с пригорка по головной заставе зажигательными снарядами.

Огненные змеи с шипением пронеслись мимо. И тотчас же бледным, прозрачным на солнце пламенем вспыхнула соломенная кровля пустого колхозного сарая.

Прежде чем броситься на землю, секретарь полкового комсомола Цолак Купалян на одно-другое мгновение оглянулся: все ли перед боем идет своим установленным чередом и где сейчас находится комбат?

Командир батальона старший лейтенант Прудников был рядом, за углом хаты. Соскочив с коня и бросив поводья ординарцу, он уже приказывал четвертой роте броском занять боевой рубеж, пятой — поддержать огнем четвертую, а шестой — усилить свой фланг и держаться к локтю пятой.

Дальше следовали приказы разведчикам, пулеметчикам, минометчикам, взводам связи, связным от артиллерии...

И вот пошла четвертая, пошла пятая.

Все пошло — вернее, поползло по пшенице, по гречихе, головой в песок, лицом по траве, по земле, по сырому торфяному болоту.

Грохот усиливается.

Бьют вражеские минометы. Горят хаты. Людей не видно. И поэтому сначала кажется, что среди этого разноголосого визга и грома никакого осмысленного порядка нет и быть не может.

Но вскоре оказывается, что свой незримый железный порядок у этого боя есть.

Вот в лощине спешно складывают свой тяжелый груз и открывают огонь минометчики.

С холма по картофельному полю, кубарем перекатываясь с боку на бок, тянет телефонный провод комсомолец Сергиенко. Радист ставит под густым орешником маленькую, похожую на ежа станцию.

Вдруг — ба-бах!— не туда поставил. Обжегся, поежился, перетащил ящик в канаву, нацепил наушники и что-то там накручивает, настраивает,

Четвертая рота врывается на рубеж. Вот крайняя хата. Три минуты назад здесь был враг. Он убежал. В панике, в спешке. Еще и сейчас внизу, меж кустами, перебегают вражеские солдаты. Один, два, три... пятнадцать... сорок! Стоп! Уже не сорок...

Взмокший пулеметчик с ходу рванул пулемет, нажал на спуск «максима», и счет разом изменился.

Хата. Сброшены на пол подушки, перины. Здесь они спали.

Стол. На столе тарелки, ложки, опрокинутая крынка молока. Здесь они жрали.

Настежь открытый сундук, скомканное белье. Вышитое петушками полотенце. Детский валенок. Здесь они грабили.

Над сундуком в полстены жирным углем начерчен паучий фашистский знак.

Стены мирной хаты дрожат от взрывов, от горя и гнева. Бой продолжается. По пшенице быстро шагает чем-то взволнованный начальник штаба батальона Шульгин.

Вдруг он приседает. Потом поднимается, недоуменно смотрит на свою ногу. Нога цела, но голенище сапога срезано осколком. Он спрашивает:

— Где комбат? Прудникова не видали? Он сейчас был там.

«Там», за пригорком, где только что был командный пункт, миною взорван сарай, он раскидан и горит, поджигая вокруг колосья густой пшеницы.

На лице начальника штаба тревога за своего комбата. Это самый лучший и смелый комбат самого лучшего полка всей дивизии.

Это он, когда, надрывая душу, надсадно, угрожающе, запугивающе запели, заныли немецкие трубы, пугая атаками, на вопрос командира полка по телефо-

ну: «Что это такое?» — сжав чуть оттопыренные губы, с усмешкой ответил:

— Все в порядке, товарищ командир. Начинается музыка. Сейчас и я впишу пулеметами свою гамму.

С биноклем через шею, с простым пистолетом «ТТ» в кобуре, внезапно возникает из-за дыма целый и невредимый комбат.

Ему рады. На вопросы о себе он не отвечает и приказывает:

— Переходим на оборону. Здесь у врага большие силы. Дайте мне связь с артиллерией. Всем командирам рот прочно окопаться.

По торфяному полю опять тянет провод Сергиенко. Вот он упал, но не ранен. Он устал. Он уткнулся лицом в мокрый торф и тяжело дышит. Вот он поворачивает голову и видит, что совсем рядом перед ним, перед его губами — воронка от взрыва мины и, как на дне блюдечка, скопилось в ней немного воды. Он наклоняет голову, пьет жадно, потом поднимает покрытое бурым торфом лицо и ползет с катушкой дальше.

Через несколько минут связь с полком налажена. Поступает приказание:

«Немедленно переходите...»

И вдруг приказ обрывается. Комбат сурово смотрит на Купаляна: куда переходить?

На этом фронте, слева и впереди нас, ведется бой. Идет сражение большого масштаба, борьба за узловой город. Может быть, приказ означает: «Немедленно переходите в атаку на превосходящие силы противника»?

Тогда командиров бросить вперед. Коммунистов и комсомольцев тоже вперед. Собрать всю волю в кулак и наступать.

Комбат отдает последние распоряжения...

Вдруг связь опять заработала. Оказывается, что приказ гласит:

«Немедленно выходите из боя. Перейти вброд реку и занять высоту 165».

Красноармеец-связист опять хочет пить. Он забегает в крайнюю хату.

Он видит развал, погром.

Он видит паучий крест на стене.

Он плюет на него.

Зачеркивает углем. И быстро чертит свою красноармейскую звезду.

Батальон собирается у брода.

На берегу, на полотнищах палаток, лежат ожидающие переправы раненые. Вот один из них открывает глаза. Он смотрит, прислушивается к нарастающему гулу и спрашивает:

— Товарищи, а вы меня перенесете?

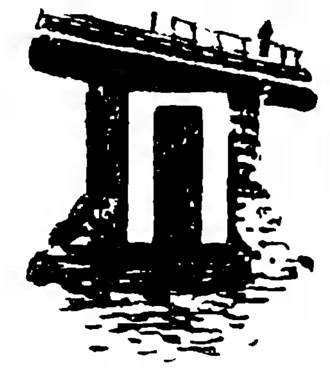
— Милый друг, это, спасая тебя, бьют до последней минуты, прижимая врага к земле, полуоглохшие минометчики.

— Слышишь? Это, обеспечивая тебе переправу, за девять километров открыли свой могучий заградительный огонь батареи из полка резервов главного командования. Мы перейдем реку спокойно. Хочешь закурить? Нет! Тогда закрой глаза и пока молчи. Ты будешь здоров, и ты еще увидишь гибель врага, славу своего народа и свою славу.

Действующая армия
1941 г.

МОСТ

РЯМОЙ и узкий, как лезвие штыка, лег через реку железный мост. И на нем высоко, между водой и небом, через каждые двадцать — тридцать метров стоят наши часовые.

Вправо по берегу за камышами — а где точно, знают только болотные кулики да длинноногие цапли — спрятан прикрывающий мост батальон пехоты. На другом берегу на горе, в кустарнике,— артиллеристы-зенитчики.

По мосту к линиям боя беспрерывно движутся ма-

шины с войсками, оружием и боеприпасами. По мосту проходят и проезжают в город на рынок окрестные колхозники.

Внизу по реке снуют в челнах рыбаки, вылавливая оглушенную бомбами немецких «хейнкелей» рыбу.

По песчаной косе маленький колесный трактор, зацепив веревкой за ногу, тянет, оставляя глубокий след, случайно убитого осколком вола.

Перед изъеденной, как оспой, осколками избой-караулкой со сдвинутой набекрень крышей возникает связной от батальонной пехоты красноармеец Федор Ефимкин. Он пробрался напрямик, осокой и топью. Поэтому нижняя половина его почти до пояса мокро-черная, гимнастерка же и пилотка на солнце выгорели и покрылись сухой светло-серой пылью. Рыжий ремень до того густо увешан ручными гранатами, что при быстрых поворотах Ефимкина они отходят и топорщатся во все стороны.

Он останавливается возле старшины Дворникова, который пугливо исследует рваные дыры смятого, пробитого котелка, и, козырнув, спрашивает:

— Разрешите, товарищ старшина, обратиться по вопросу неофициальному? Котелок, который имеет все попадания от полутонной фугасной бомбы, вследствие сжатия образует трещины, а также различные дыры, и его можно выбросить через перила в реку. Но если вы, товарищ старшина, на час-два одолжите мне вон ту плетеную корзинку, то, вот мое слово, пойду назад, принесу вам котелок новый, трофейный, крашенный во все голубое.

Старшина Дворников оборачивается:

— На что тебе корзина?

— Не могу сказать, товарищ старшина: военная тайна.

— Не дам корзины,— заявляет старшина.— Вы у нас мешок взяли и не вернули.

— Мешок, товарищ старшина, готов был к возврату. Но тут случился факт, что наши захватили в плен трех немцев, а в сумках у них был обнаружен грабленый материал: четыре колоды игральных карт, трусы для обоего пола, полотенца, кофты, какао и кружевные пододеяльники. Все означенное, кроме какао, было сложено в ваш мешок и отправлено как доказательство в штаб дивизии, откуда вполне можно мешок истребовать по закону.

— Ты мне зубы не заговаривай,— невольно улыбнувшись, сказал старшина.— Ты мне лучше скажи, зачем столько гранат на пояс навесил. Что у тебя тут — арсенал, цейхгауз?

— Ходил вчера в разведку, товарищ старшина, шесть бросил, двух даже не хватило. У меня еще пара круглых лимонов лежит в кармане. Хо-орошая это штука для ночной разведки: огонь яркий, звук резкий; который немец не помрет, так все равно от страха обалдеет. Дайте, товарищ старшина, корзину. Вот нужно! Иначе срывается вся моя операция.

— Какая операция?— недоумевает старшина.— Ты, друг, что-то заболтался.

Старшина смотрит на Ефимкина.

Ох, и хитер, задорен! Но молодец этот парень. Всегда он мокрый или пыльный, промасленный, но глянешь на его прямые, угловатые плечи, на его добродушную, лукавую улыбку, на то, как он стоит, как ловко скручивает тугую махорочную цигарку,— сразу скажешь: «Это боевой парень».

— Возьми,— говорит старшина,— да скажи вашему лейтенанту: что же, мол, нас бомбят, а вы на самом деле внизу себе рыбу промышляете, и попроси

у него — пусть пришлет на уху щурят или ершей и на нашу долю.

— Вот еще! Из-за каких-то там ершей буду я лейтенанта беспокоить,— поспешно забирая корзинку, говорит Ефимкин.— Вас, наверное, сегодня опять бомбить будут, так я к вечеру за пропуском приду — целую корзину свежих лещей принесу. Высокий у вас пост, товарищ старшина,— со вздохом добавляет Ефимкин.— Мы что — у нас трава, канавы, земля, кустарники. А вы... стоите на глазах у всего света.

Ефимкин берет корзинку и, грязно-сизый, пыльный сверху, побрякивая своими нацепленными гранатами, идет через мост мимо ряда часовых, которые молча провожают его любопытными взглядами. Многих из них он знает уже по фамилиям. Вот Нестеренко, Курбатов. Молча, сощурив узкие глаза, стоит туркмен Бекетов. Этого человека вначале назначили было в разведку. Ночью в лесу он отстал, растерялся, запутался. На следующий раз то же самое. Уже решили было, что он трус. Командование хотело наложить дисциплинарное взыскание. Но комиссар быстро понял, в чем дело. Бекетов вырос и жил в бескрайных песках Туркмении. Леса он никогда не видел и ориентировался в нем плохо. А сейчас он гордо стоит на самом опасном посту. Тридцать метров над водой! На самой середине моста. На той самой точке, куда с воем и ревом вот уже три недели ожесточенно, но неудачно бьют бомбами фашистские самолеты.

Ефимкину нравится спокойное, невозмутимое лицо этого часового. Он хотел было сказать ему что-нибудь приятное по-туркменски, но, кроме русского языка и нужных в разведке немецких слов: «хальт» (стой), «хенде хох» (руки вверх), «вафэн хинлэгэн» (бросай оружие), Ефимкин ничего не знает, и поэтому он, при-

щелкнув языком, подмигнув, хлопает одобрительно рука об руку и, оставив туркмена в полном недоумении, хватает на руки маленькую девчурку, сажает ее в корзину и мимо улыбающихся часовых, покачивая, несет ее до самого конца моста.

Там он отдает ребенка на руки матери, а сам, осторожно оглядываясь, лезет под крутой откос, к болоту.

Старшине Дворникову, который наблюдает за Ефимкиным в бинокль, теперь ясна и военная тайна, и вся операция Ефимкина. Утром снарядом разбило фургон со сливами. По дороге шли бойцы и подобрали, но часть слив осталась, и Ефимкин набирает в корзину, чтобы отнести их своим товарищам и командирам. Старшина оглядывается. Кругом ширь и покой. Правда, за холмами где-то идет война, гудят взрывы, но это далекая и не опасная для моста музыка.

Старшина еще раз смотрит на помятый, продырявленный котелок и решительно швыряет его через перила.

Но, прежде чем котелок успевает пролететь и бухнуться в теплую сонную воду, раздается отрывистый, хватающий за сердце вой ручной сирены, и от конца к концу моста летит тревожный окрик: «Воздух!»

Стремительно мчатся прочь застигнутые на мосту машины, повозки, люди. Они прячутся под насыпь, в канавы, сворачивают на луга, к стогам сена, ползут в ямы, скрываются в кустарнике.

Еще одна, две... три минуты! И вот он, как сверкающий клинок, острый, прямой, безмолвно зажат над водой, у земли в ладонях, грозный железный мост.

Честь и слава смелым, мужественным часовым всех военных дорог нашего великого Советского края — и тем, что стоят в дремучих лесах, и тем, что

на высоких горах, и тем, что в селениях, в селах, в больших городах, у ворот, на углах, на перекрестках,— но ярче всех горит суровая слава часового, стоящего на том мосту, через который идут груженные патронами и снарядами поезда и шагают запыленные мужественные войска, направляясь к решительному бою.

Он стоит на узкой и длинной полоске железа, и над его головой открытое, ревущее гулом моторов и грозящее смертью небо. Под его ногами тридцать метров пустоты, под которыми блещут темные волны. В волнах ревут сброшенные с самолетов бомбы, по небу грохочут взрывы зениток, и с визгом, скрежетом и лязгом, ударяясь о туго натянутые металлические фермы, вкривь и вкось летят раскаленные осколки.

Два шага направо, два шага налево.

Вот и весь ход у часового.

Луга — пехота — молчат и напряженно наблюдают за боем.

Но гора — зенитчики — в гневе. Гора защищает мост всей мощью и силой своего огромного шквала.

Протяжно воют «мессершмитты». Тяжело ревут бомбардировщики. Они бросаются на мост стаями. Их много — тридцать, сорок. Вот они один за другим ложатся на боевой курс. И кажется, что уже нет силы, которая помешает им броситься вниз и швырять бомбы на самый центр моста, туда, где, прислонившись спиной к железу и сдвинув на лоб тяжелую каску, молча стоит часовой Бекетов, но гора яростно вздымает к небу грозную завесу из огня и стали.

Один вражеский самолет покачнулся, подпрыгнул, зашатался и как-то тяжело пошел вниз, на луг, а там обрадованно его подхватила на свой станковый пулемет пехота.

И тотчас же соседний самолет, который стремительно ринулся на цель книзу, поспешно бросив бомбы, раньше, чем надо, выравнивается, ложится на крыло и уходит.

Бомбы летят, как каменный дождь, но они падают в воду, в песок, в болото, потому что строй самолетов разбит и разорван.

Несколько десятков ярко светящих «зажигалок» падает на настил моста, но, не дожидаясь пожарников, ударом тяжелого, окованного железом носка, прикладом винтовки часовые сшибают их с моста в воду.

Преследуемые подоспевшим «ястребком», самолеты противника беспорядочно отходят.

И вот, прежде чем связисты успеют наладить порванный воздушной волной полевой провод, прежде чем начальник охраны поста лейтенант Меркулов донесет по телефону в штаб о результатах бомбежки, много-много людей, заслонив ладонью глаза от солнца, напряженно смотрят сейчас в сторону моста.

Семьсот «самолетоналетов» сделал уже противник и больше пяти тысяч бомб бросил за неделю в районе моста.

Проходят долгие, томительные минуты... пять, десять, и вдруг...

Сверху вниз, с крыш, из окон, с деревьев, с заборов, несутся радостные крики:

— Пошли, пошли!

— Наши тронулись!

Это обрадованные люди увидели, что тронулись и двинулись через мост наши машины.

— Значит, все в порядке!

К старшине Дворникову, который стоит возле группы красноармейцев, подходит связной Ефимкин.

Он протягивает старшине новый железный котелок. Ставит на землю корзину со свежей, глушенной немецкими бомбами рыбой и говорит:

— Добрый вечер! Все целы?

Ему наперебой сообщают:

— Акимов ранен. Емельянов толкал бомбу, прожег сапог, обжег ногу.

Старшина берет корзину, ведет Ефимкина в помещение и получает у лейтенанта ночной пропуск.

Перед тем как спуститься под насыпь, оба они оборачиваются. Через железный, кажущийся сейчас ажурным переплет моста светит луна.

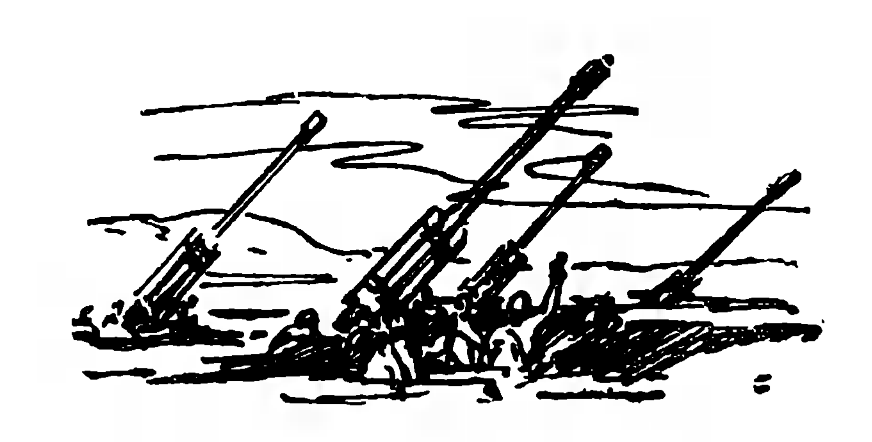
Далеко на горизонте вспыхивает и медленно плывет по небу голубая ракета.

Налево из деревушки доносится хоровая песня. Да, песня. Да, здесь, вскоре после огня и гула, громко поют девчата.

Ефимкин удерживает старшину за рукав.

— Высокий у вас пост, товарищ старшина!— опять повторяет он.— Днем на двадцать километров вокруг видно, ночью — на десять все слышно...

Действующая армия
1941 г.

В ДОБРЫЙ ПУТЬ!

РЕБЯТА!

БЕСПРЕСТАННО гудят паровозы. Уходят длинные эшелоны. Это ваши отцы, братья, родные, знакомые идут на фронт — туда, где отважная Красная Армия ведет с врагами бой, равного которому еще никогда на свете не было.

По ночам, отражая нападения вражьих самолетов на наши города и села, ослепительно вспыхивают огни прожекторов, грозно грохочут орудия наших зенитчиков.

Утром вы слышите слова военной команды, мерный топот. Это мимо окон вашей школы проходят батальоны народного ополчения.

Но так же, как всегда, ни днем, ни часом позже, первого сентября вы начинаете свою школьную учебу.

В добрый путь!

Этот суровый, грозный год покажет, кто из вас действительно трудолюбив, стоек и мужественен.

В этом году вы должны будете не только хорошо учиться, не только крепить дисциплину — эту основу победы в тылу и на фронте,— вы должны будете много работать, помогая старшим дома, во дворе, на заводе, в поле — повсюду и всем чем можете.

Грош цена тому пылкому стратегу, который, стоя и тыкая пальцем в карту, азартно и складно предрекает врагу погибель, взмахом руки окружает и уничтожает его полки и дивизии, а сам боится натереть мозоль на своей ладони, принести ведро воды, вымыть пол или выкопать из грядок мешок картошки.

Позор тому «герою», который мечтает, вскочив на коня, ринуться в гущу боя и изрубить шашкой десяток-другой танков, а сам боком-боком, трусливо норовит отлынить, свалить на плечи товарищей всю черную и непарадную работу.

В славе у нас всюду те честные, скромные ребята-труженики, пионеры-тимуровцы, которые по примеру своих отцов и старших братьев упорно учатся, работают, терпеливо постигают сложное военное дело, помогают семьям бойцов и заботятся о наших героях-раненых.

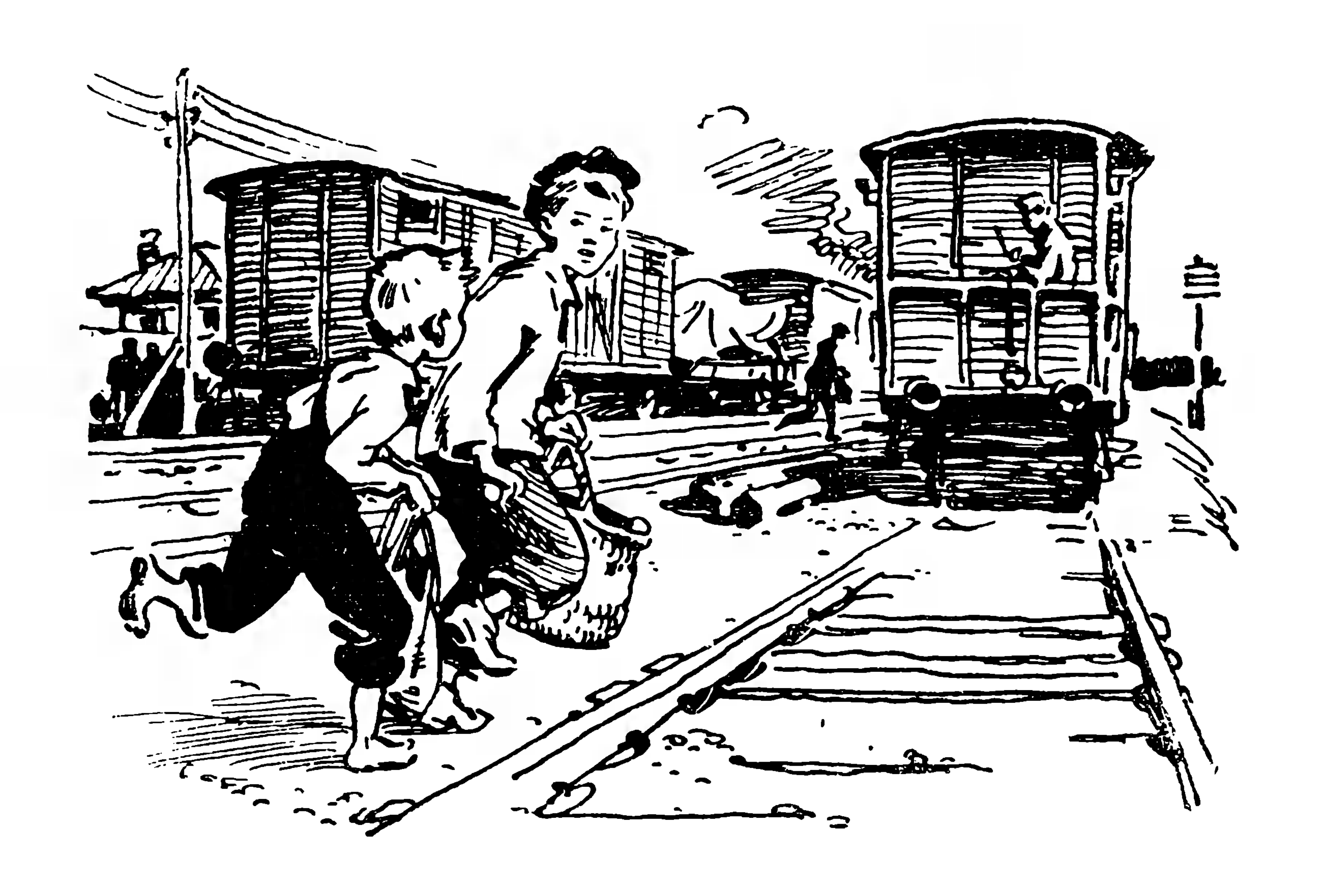
Это много? Да! Это немало. Но для победы нужны немалые усилия.

Страна о вас всегда заботилась, она вас воспитывала, учила, ласкала и частенько даже баловала.

Пришло время и вам — не словами, а делом — показать, как вы ее цените, бережете и любите.

Действующая армия
1941 г.

ВОЙНА И ДЕТИ

Тыловая железнодорожная станция на пути к фронту. Водонапорная башня. Два прямых старых тополя. Низкий кирпичный вокзал, опоясанный густыми акациями.

Воинский эшелон останавливается. К вагону с кошелками в руках подбегают двое поселковых ребятишек.

Лейтенант Мартынов спрашивает:

— Почем смородина?

Старший отвечает:

— С вас денег не берем, товарищ командир.

Мальчишка добросовестно наполняет стакан верхом, так что смородина сыплется на горячую пыль между шпал. Он опрокидывает стакан в подставленный котелок, задирает голову и, прислушиваясь к далекому гулу, объявляет:

— «Хенкель» гудит... Ух!.. Ух! Задохнулся. Вы не бойтесь, товарищ лейтенант, вон они наши пошли истребители. Здесь немцам по небу прохода нет.

Он подхватывает кошелку и мчится дальше. У вагона остается его белобрысый, босоногий братишка лет семи от роду. Он сосредоточенно прислушивается к далекому гуду зениток и серьезно объясняет:

— Ось! Там вона бухает...

Лейтенанта Мартынова это сообщение заинтересовывает. Он садится на пол у дверей и, свесив ноги наружу, поедая смородину, спрашивает:

— Гм! А что же, хлопец, на той войне люди делают?

— Стрыляют,— объясняет мальчишка,— берут ружье или пушку, наводют... и бах! И готово.

— Что готово?

— Вот чего!— с досадой восклицает мальчишка.— Наведут курок, нажмут, вот и смерть будет.

— Кому смерть — мне?— И Мартынов невозмутимо тычет пальцем себе в грудь.

— Да ни!— огорченно вскрикивает удивленный непонятливостью командира мальчишка.— Пришел якийсь-то злыдень, бомбы на хаты швыряет, на сараи. Вот там бабку убили, двух коров разорвало. О то чего,— насмешливо пристыдил он лейтенанта,— наган нацепил, а как воевать, не знает.

Лейтенант Мартынов сконфужен. Окружающие его командиры хохочут.

Паровоз дает гудок.

— С вас денег не берем, товарищ командир.

Мальчишка, тот, что разносил смородину, берет рассерженного братишку за руку и, шагая к тронувшимся вагонам, протяжно и снисходительно ему объясняет:

— Они знают! Они шутят! Это такой народ едет... веселый, отчаянный! Мне один командир за стакан смородины бумажку трехрублевую на ходу подал. Ну, я за вагоном бежал, бежал. Но все-таки бумажку в вагон сунул.

— Вот...— одобрительно кивает головой мальчишка.— Тебе что! А он там на войне пусть квасу или ситра купит.

— Вот дурной!— ускоряя шаг и держась вровень с вагоном, снисходительно говорит старший.— Разве на войне это пьют? Да не жмись ты мне к боку! Не крути головой! Это наш «И-16»— истребитель, а немецкий гудит тяжко, с передыхом. Война идет на второй месяц, а ты своих самолетов не знаешь.

Фронтовая полоса. Пропуская гурты колхозного скота, который уходит к спокойным пастбищам на восток, к перекрестку села, машина останавливается.

На ступеньку вскакивает хлопчик лет пятнадцати. Он чего-то просит. Скотина мычит, в клубах пыли щелкает длинный бич. Тарахтит мотор, шофер отчаянно сигналит, отгоняя бестолковую скотину, которая не свернет до тех пор, пока не стукнется лбом о радиатор. Что мальчишке надо? Нам непонятно. Денег? Хлеба?

Потом вдруг оказывается:

— Дяденька, дайте два патрона.

— На что тебе патроны?

— А так... на память.

— На память патронов не дают.

— Дяденька, дайте два патрона.

Сую ему решетчатую оболочку от ручной гранаты и стреляную блестящую гильзу.

Губы мальчишки презрительно кривятся:

— Ну вот! Что с них толку?

— Ах, дорогой! Так тебе нужна такая память, с которой можно взять толку? Может быть, тебе дать вот эту зеленую бутылку и эту черную, яйцом, гранату? Может быть, тебе отцепить от тягача вот ту небольшую противотанковую пушку? Лезь в машину, не ври и говори все прямо.

И вот начинается рассказ, полный тайных недомолвок, уверток, хотя в общем нам уже все давно ясно.

Сурово сомкнулся вокруг густой лес, легли поперек дороги глубокие овраги, распластались по берегам реки топкие камышовые болота. Уходят отцы, дяди и старшие братья в партизаны. А он еще молод, но ловок, смел. Он знает все лощинки, последние тропинки на сорок километров в округе.

Боясь, что ему не поверят, он вытягивает из-за пазухи завернутый в клеенку комсомольский билет. И не будучи вправе рассказать что-либо больше, облизывая потрескавшиеся, запыленные губы, он ждет жадно и нетерпеливо.

Я смотрю ему в глаза. Я кладу ему в горячую руку обойму. Это — обойма от моей винтовки. Она записана на мне. Я беру на себя ответ за то, что каждая выпущенная из этих пяти патронов пуля полетит точно в ту, куда надо, сторону.

— Как тебя зовут?

— Яков.

— Послушай, Яков, ну зачем тебе патроны, если у тебя нет винтовки? Что же ты, из пустой крынки стрелять будешь?

Грузовик трогается. Яков спрыгивает с подножки, он подскакивает и весело кричит что-то несуразное, бестолковое. Он смеется и загадочно грозит мне вдогонку пальцем. Потом, двинув кулаком по морде вертевшуюся около корову, он исчезает в клубах пыли.

Ой, нет! Этот паренек заложит обойму не в пустую крынку.

...Дети! На десятки тысяч из них война обрушилась точно так же, как и на взрослых, уже хотя бы потому, что сброшенные над мирными городами фашистские бомбы имеют для всех одинаковую силу.

Остро, чаще острее, чем взрослые, подростки — мальчуганы, девочки — переживают события Великой Отечественной войны.

Они жадно, до последней точки, слушают сообщения Информбюро, запоминают все детали героических поступков, выписывают имена героев, их звания, их фамилии.

Они с беспредельным уважением провожают уходящие на фронт эшелоны, с безграничной любовью встречают прибывающих с фронта раненых.

Я видел наших детей в глубоком тылу, в тревожной прифронтовой полосе и даже на линии самого фронта. И повсюду я видел у них огромную жажду дела, работы и даже подвига.

Перед боем на берегу одной речки встретил я недавно парнишку.

Разыскивая пропавшую корову, чтобы сократить путь, он переплыл реку и неожиданно очутился в расположении немцев. Спрятавшись в кустах, он сидел в трех шагах от фашистских командиров, которые долго разговаривали о чем-то, держа перед собой карту.

Он вернулся к нам и рассказал о том, что видел.

Я у него спросил:

— Погоди! Но ведь ты слышал, что говорили их начальники, это же для нас очень важно.

Паренек удивился:

— Так они же, товарищ командир, говорили по-немецки!

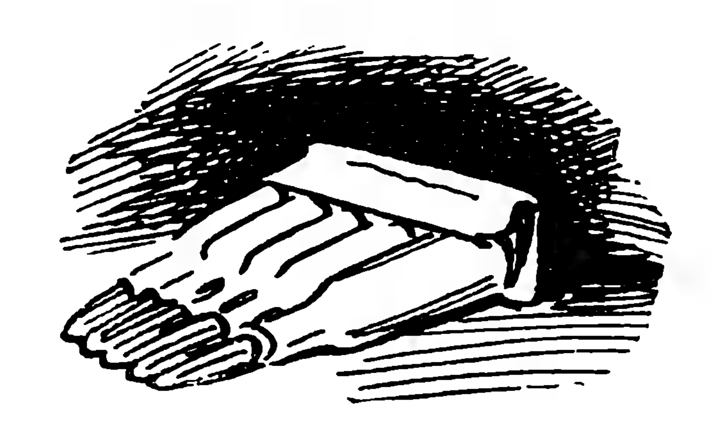
— Знаю, что не по-турецки. Ты сколько окончил классов? Девять? Так ты же должен был хоть что-нибудь понять из их разговора!

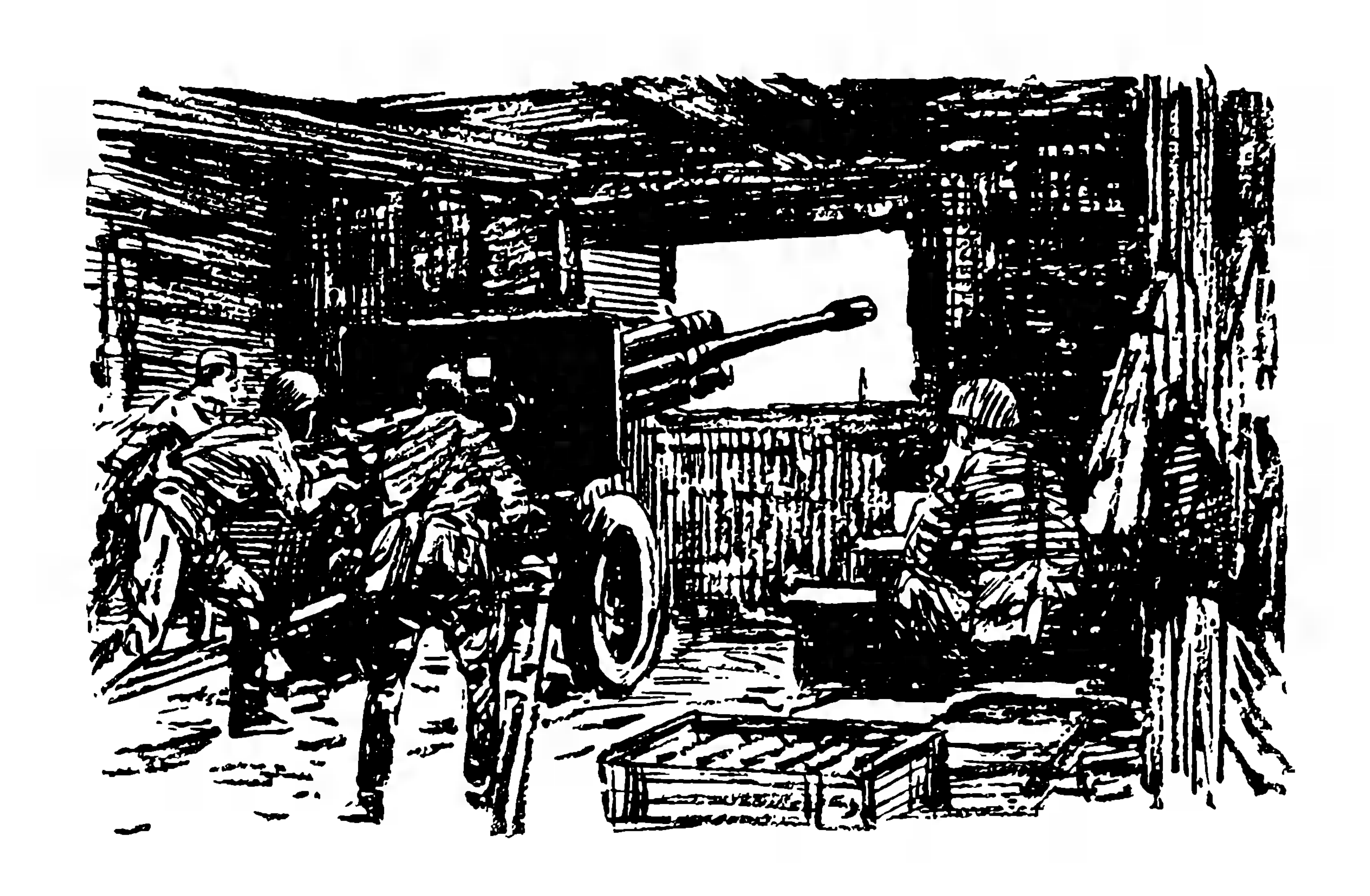
Он уныло и огорченно развел руками:

— Эх, товарищ командир! Кабы я про эту встречу знал раньше...

Пройдут годы. Вы станете взрослыми. И тогда в хороший час отдыха после большой и мирной работы вы будете с радостью вспоминать о том, что когда-то, в грозные дни для Родины, вы не болтались под ногами, не сидели сложа руки, а чем могли помогали своей стране в ее тяжелой и очень важной борьбе с человеконенавистным фашизмом.

Действующая армия
1941 г.

У ПЕРЕДНЕГО КРАЯ

У ПРОХОДА через тяжелую, обшитую грубым тесом баррикаду милиционер проверил мой пропуск на выход из осажденного города.

Он посоветовал мне подъехать к передовой линии на попутной машине или повозке, но я отказался. День был хороший, и путь недалекий. А кроме того, на пригорках по машинам иногда открывалась стрельба минами. На одиноко же идущего человека мину тратить — не расчет. Да и в случае чего пешему всегда легче вовремя бухнуться в придорожную канаву.

...Я шел мимо опустевших, покинутых домиков с заколоченными окнами и закрытыми воротами. Было тихо. Тарахтела трещотка, и охотились за воробьями голодные кошки.

Через сады, среди которых желтели размытые дождем бомбозащитные траншеи, я вышел на скат оврага и зацепил ногой за полевой провод. Прикинув направление, я взял путь по проводу напрямик, потому что мне нужны были люди.

Вдруг раздался удар. Казалось, что грохнул он над самым гребнем моей стальной каски. Быстро перелетел я в старую воронку, осторожно огляделся и увидел неподалеку замаскированный бугор дзота, из темной щели которого торчал ствол коренастой пушки.

Я спустился к дзоту и, поздоровавшись, спросил у старшего сержанта, чем его люди сейчас заняты.

Ясно, что, прежде чем ответить, сержант проверил мой пропуск, документы. Спросил, как живет Москва. Только после этого он готов был отвечать на мои вопросы.

Но тут вдалеке, вправо, послышались очень частые взрывы.

Телефонист громко спрашивал соседний дзот через телефонную трубку:

— Что у тебя? Говори громче. Почему ты говоришь так тихо? Ах, около тебя рвутся мины! А ты думаешь, что если будешь говорить громко, то они испугаются?

От таких простых слов вспыхнули улыбки в притихшем, насторожившемся дзоте. Потом раздалась суровая команда, и взревела наша пушка.

Ее поддержали соседи. Враги отвечали. Они били снарядами «205» и дальнобойными минами.

Мины... О них уже много писали. Писали, что они ревут, воют, гудят, похрапывают. Нет! Звук на полете у мины тонок и мелодично-печален. Взрыв сух и резок. А визг разлетающихся осколков похож на мяуканье кошки, которой внезапно тяжелым сапогом наступили на хвост.

Грубые, скрепленные железными скобами бревна потолочного наката вздрагивают. Через щели на плечи, за воротник сыплется сухая земля. Телефонист поспешно накрывает каской миску с гречневой кашей, не переставая громко кричать:

— Правей, ноль двадцать пятью снарядами! Теперь точно! Беглый огонь!

Через пять минут огневой шквал с обеих сторон, как обрубленный, смолкает.

Глаза у всех горят, лбы влажные, люди пьют из горлышка фляжек. Телефонист запрашивает соседей, что и где случилось.

Выясняется: у одного воздухом опрокинуло бак с водою; у второго оборвали полковой телефонный провод; у третьего дело хуже: пробили через амбразуру осколком щит орудия и ранили в плечо лучшего батарейного наводчика; у нас накопало вокруг ям, воронок, разорвало в клочья и унесло, должно быть за тучу, один промокший сапог, подвешенный красноармейцем Коноплевым у дерева под солнышком на просушку.

— Ты не шахтер, а ворона,— укоризненно ворчит сержант на красноармейца Коноплева, который задумчиво и недоуменно уставился на уцелевший сапог.— Теперь время военное. Ты должен был взять бечевку и провести отсюда к сапогу связь. Тогда, чуть что, потянул и вытащил сапог из сектора обстрела в укрытие. А теперь у тебя нет вида. Во-вторых, красно-

армеец в одном левом сапоге никакой боевой ценности не представляет. Ты бери свой сапог в руки, неси его как факт к старшине и объясни ему свое грустное положение.

Пока все, обернувшись, с любопытством слушали эти поучения, через дверь дзота кто-то вошел. На вошедшего сначала внимания не обратили: думали — кто-то свой из орудийного расчета. Потом спохватились. Сержант подошел отдавать начальнику рапорт.

По какому-то единому, едва уловимому движению мне стало ясно, что этого человека здесь и уважают и глубоко любят.

Лица заулыбались. Люди торопливо оправили пояса, одернули гимнастерки. А красноармеец Коноплев быстро спрятал свою босую ногу за пустые ящики из-под снарядов.

Это был старший лейтенант Мясников, командир батальона.

Мы пошли с ним вдоль запасной линии обороны, где красноармейцы — в большинстве донецкие шахтеры — дружно и умело рыли ходы сообщения и окопы полного профиля.

Каждый из этих бойцов — это инженер, вооруженный топором, киркой и лопатой. Путаные лабиринты, укрытия, гнезда, блиндажи, амбразуры они строят под огнем быстро, умело и прочно. Это народ бывалый, мужественный и находчивый. Вот навстречу нам из-за кустов по лощине вышел красноармеец. Присутствие командира его на мгновение озадачивает.

Вижу, командир нахмурился: вероятно, усмотрел какой-то непорядок и сейчас сделает красноармейцу замечание. Но тот, не растерявшись, идет прямо навстречу. Он веселый, крепкий, широкоплечий.

Приблизившись на пять—семь метров, он перехо-

дит на уставный, «печатный» шаг, прикладывает руку к пилотке и, подняв голову, торжественно и молодцевато проходит мимо.

Командир останавливается и хохочет.

— Ну боец! Ну молодец!— восхищенно заливается он, глядя в сторону скрывшегося в окопе бойца.

И на мой недоуменный вопрос отвечает:

— Он (боец) шел в пилотке, а не в каске, как положено. Заметил командира, деваться некуда. Он знает, что я люблю выправку, дисциплину. Чтобы замять дело, он и рванул мимо меня, как на параде. Шахтеры!— с любовью воскликнул командир.— Бывалые и умные люди. Пошли меня в другую часть, и я пойду в штаб и буду о своих шахтерах плакать.

Мы пробираемся к переднему краю. На одном из поворотов командир зацепил плащом о рукоятку лопаты. Что-то под отворотом его плаща очень ярко блеснуло. На первом же уступе я осторожно, скосив глаза, заглянул сверху на грудь командирской гимнастерки.

А, вот что: там под плащом горит «Золотая Звезда». Он, лейтенант,— Герой Советского Союза.

Но вот мы уже и у самого переднего края. Боя нет. Враг здесь наткнулся на твердую стену. Но берегись! Здесь, наверху, все простреливается и врагом и нами. Здесь властвуют хорошо укрытые снайперы. Здесь узкий, как жало, пулемет «ДС» может выпустить через амбразуру от семисот до тысячи пуль в одну точку из одного ствола в одну минуту.

Здесь, на подступах к городу, бесславно положил свои пьяные головы не один фашистский полк. Здесь была разгромлена начисто вся девяносто пятая немецкая дивизия.

Идет одиночная стрельба. Через узкую щель уже

хорошо различается замаскированный вал вражьих окопов. Вот что-то за бугром шевельнулось, шарахнулось и под выстрелом исчезло.

Темная сила! Ты здесь! Ты рядом! За нашей спиной стоит светлый, большой город. И ты из своих черных нор смотришь на меня своими жадными бесцветными глазами.

Иди! Наступай! И прими смерть вот от этих тяжелых шахтерских рук. Вот от этого высокого спокойного человека с его храбрым сердцем, горящим золотой звездой.

Действующая армия
1941 г.

РАКЕТЫ И ГРАНАТЫ

ЕСЯТЬ разведчиков под командой молодого сержанта Ляпунова крутой тропкой спускаются к речному броду. Бойцы торопятся. Темнеет, и надо успеть в последний раз на ночь перекурить в покинутом пастушьем шалаше, близ которого расположился и окопался полевой караул сторожевой заставы.

Дальше — где-то на том берегу — враг. Его надо разыскать.

Пока десять человек в лежку — голова к голове — жадно затягиваются крепким махорочным дымом, на-

чальник разведки молодой сержант Ляпунов такого же молодого начальника караула сержанта Бурыкина предупреждает:

— Пойдем назад, так я тебе, дорогой, с того берега пропуск орать не буду. И ты по этому поводу огонь по мне открывать не вздумай. Я вышлю бойца вперед. Ты его окрикни с берега на воду тихо. Он подойдет, тогда скажет.

— Знаю,— важно отвечает Бурыкин.— Наука нехитрая.

— То-то, нехитрая! А вчера часовой так громко крикнул, что противник мог бы услышать. Что на том берегу? Тихо?

— Две ракеты вот так в направлении. Потом два выстрела,— объясняет Бурыкин.— Иногда ветер дунет — тарахтит что-то. Да! Потом самолет прилетал, разведчик. Покрутился, покружился да вон туда, сволочь, скрылся.

— Самолет — хищник неба,— солидно говорит сержант Ляпунов,— а наше дело — шарь по земле, по траве и по лесу. Ну! — сурово поворачивается он.— Как, перекурили? И какая у меня мечта — это некурящая разведка, а они без табачной соски жить не могут.

Подвесив на шею патронташи, держа над водой винтовки и гранаты, темная цепочка переходит реку.

Голубоватым огоньком мерцает над волнами яркий циферблат компаса на руке сержанта.

Выбравшись на лесную опушку, сержант отстегивает светящийся компас, прячет его в карман, и безмолвная разведка исчезает в лесной чаще. Ядро разведки движется по лесной дорожке. Два человека впереди, по два слева и справа. Через каждые десять минут без часов, без команды, по чутью разведка останавливается. Упершись прикладами в землю, опус-

тившись на колени, затаив дыхание люди напряженно вслушиваются в ночные звуки и шорохи.

Чу! Прокричал где-то еще не сожранный немцами петух.

Потом что-то вдалеке загудело, звякнуло, как будто бы стукнулись буферами два пустых вагона.

А вот что-то затарахтело... Это мотор. Здесь где-то бродят мотоциклисты. Их надо разыскать во что бы то ни стало. Из темноты возникает красноармеец Мельчаков и, запыхавшись, докладывает:

— Товарищ сержант, на пригорке, через дорогу, под ногами — провод.

Сержант идет вперед. Он ощупывает провод рукою и раздумывает: идти по проводу влево или вправо? Но оказывается, что слева провод уходит в топкое болото. Нога вязнет, и сапог с трудом выдирается из липкой грязи. Вправо то же самое.

К сержанту подходит Мельчаков, вынимает нож и предлагает:

— Разрешите, товарищ сержант, я провод перережу.

Сержант Мельчакова останавливает. Он хмурится, потом хватает провод, наматывает его на ножны штыка и с силой тянет. Провод подается. В болоте что-то чавкает. И вот на дорогу выползает тяжелый камень.

Сержант торжествует. Ага, значит, провод фальшивый. Так и есть, на другом конце провода привязан и заброшен в осоку кусок железной рессоры.

— «Перережу, перережу»!— передразнивает сержант Мельчакова.—«Товарищ сержант, доношу, что телефонную связь между двумя батальонами болотных лягушек уничтожил». Очень ты, Мельчаков, на все тороплив. Иди вперед. Ищи. Где-нибудь неподалеку тут есть настоящий провод.

Опять слышится впереди фырчанье мотора. Разведка движется ползком по песчаной опушке. Отсюда виден за кустарником силуэт хаты. У хаты — плетень. За плетнем — неясный шум.

Сержант шепотом приказывает:

— Приготовить гранаты. Подползти к плетню. Я с тремя иду вперед справа. Гранаты бросать точно по тому направлению, куда я дам пологий удар красной ракетой.

Приготовить гранаты — это значит: щелк — взвод, щелк — предохранитель, щелк — и капсюль на место. И вот он, скрытый, готовый взорваться огонь, лежит возле груди, у самого сердца.

Проходит минута, другая, пять, десять. Ракеты нет. Наконец появляется сержант Ляпунов и приказывает:

— Разрядить гранаты. Дом брошен. Это бьется во дворе, у сарая, раненая лошадь. Быстро поднимайся. Берем влево. Слышите? Немцы где-то здесь, за горкой.

К сержанту подходит Мельчаков. Он мнется и правую руку, сжатую кулаком, держит как-то странно наотлет.

— Товарищ сержант,—сконфуженно говорит он,— у меня граната — не «бутылка», а «Ф-1», «лимонка». И вот — результат печальный.

— Какой результат? Что ты бормочешь?

— Она, товарищ сержант, стоит на боевом взводе.

Мгновенно, инстинктивно от Мельчакова все шарахаются.

— Химик!— отчаянным шепотом восклицает озадаченный сержант.— Та́к ты что... уже чеку выдернул?

— Да, товарищ командир. Я думал: сейчас будет ракета, и я ее тут же брошу.

— «Брошу, брошу»!— огрызается сержант.— Ну,

теперь держи ее в кулаке и не разжимай руки хоть до рассвета.

Положение у Мельчакова незавидное. Он поторопился, и боек гранаты теперь держится только зажатой в ладони скобой. Вставить предохранитель, не зажигая огня, нельзя. Бросить гранату в лес, в болото нельзя тоже — будет сорвана вся разведка. Бойцы на ходу шепотом Мельчакова ругают:

— Ты куда, парень, к людям жмешься? Ты иди стороной или боком.

— Куда ему боком? Пусть идет дорогой, где глаже, а то о корень зацепится да как брякнет.

— Не махай рукой, не на параде. Ты ее держи, гранату, двумя руками.

В конце концов у обиженного Мельчакова забирают винтовку и его с гранатой посылают вперед, головным дозорным. Через несколько минут ядро разведки застает его сидящим на краю дороги.

— Ты что?

— У меня тут под ногой провод,— хмуро сообщает Мельчаков.

Разведка идет по проводу. Вдруг треск моторов раздается совсем рядом. Блеснул и потух огонь. Впереди, у колхозных сараев, шум, движение. Сержант, за ним вся разведка плашмя падают на землю и ползут прочь от дороги, на которой вот-вот, вероятно неподалеку, стоит сторожевое охранение. Двести метров разведка ползет минут сорок. Потом долго лежит недвижно, прислушиваясь к шуму, треску и звукам незнакомого языка. Сержант дергает Мельчакова за пятку и показывает ему на заряженную ракетницу. Мельчаков молча и понимающе кивает головой. Сержант отползает.

Опять одна, другая, долгие минуты. Вдруг красной

змейкой, показывая направление, вспыхивает брошенная сержантом ракета.

Мельчаков вскакивает и что есть силы бросает свою гранату через крышу сарая.

Раздается гром, потом вой, затем оглушительный треск моторов сливается с треском немецких автоматов. Разведчики открывают огонь.

Загорается соломенная крыша сарая. Светло. Видны враги. Так и есть — это мотоциклетная рота.

Но вот в бестолковый треск автоматов ввязываются тяжелые пулеметы.

Перерезав в нескольких местах провод, разведка отходит.

Пальба сзади не прекращается. Теперь она будет продолжаться до рассвета.

Темно. Далеко на том берегу проснулся, конечно, командир роты. Он слышит этот огонь и думает сейчас о своей разведке.

А его разведчики шагают по лесу дружно и быстро. Не сердито ругают они теперь длинноногого Мельчакова. Нетерпеливо ощупывают карманы с махоркой.

И, чтобы хоть за рекой, в шалаше, он дал им вдоволь накуриться, дружно и громко хвалят они своего молодого сержанта.

Действующая армия
1941 г.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

СЕРЕЖКА ЧУБАТОВ

У костра на отдыхе после большого перехода заспорили красноармейцы.

— Помирать никому неохота,— сказал Сережка Чубатов.— Об этом еще в древности философы открытие сделали. Да и так, сам по себе на опыте знаю. Но, конечно, тоже — смерть смерти рознь бывает. Ежели, например, подойдешь ты ко мне и скажешь: «Дай я тебя прикладом по голове дерну»,— то, ясное дело, не согласишься, и даже очень. Потому с какой стати? Неужели она, голова, у меня для того и создана, чтобы по ней прикладом либо еще каким посторонним предметом ни за что ни про что стукали?

Другое дело, когда война. Там с этим считаться не приходится. Я, может быть, в гражданскую от одного вида белого офицера в ярость приходил, думаю, что и он тоже,— потому что враги мы и нет между нами никакой средней линии. Вот почему на фронте, хотя и не считал я себя окончательным храбрецом — не скрою, и от пули гнулся, и от снаряда иногда дрожь брала, а все-таки подавлял я в себе все инстинкты и шел сознательно: когда приказывали вперед — то вперед, когда назад — то назад. А заметьте еще одну вещь: трус чаще гибнет, чем рисковый человек. Трус, он дей-

ствует в момент опасности глупо, даже в смысле спасения собственной своей шкуры. Например, кавалерия налет сделала, а он пускается наутек по ровному полю. И нет того соображения, что от коня все равно не убежишь, а сзади по бегущему человеку куда как легче шашкой полоснуть.

Припоминается мне такой случай. Оторвались мы вчетвером однажды от своих, затерялись, запутались и вышли в широкое поле. Стоят на том поле три дуба на бугорочке, а впереди болотце маленькое — пройти по нему можно, но хлюпко. Только сели мы под теми тремя дубами, воды напились и стали совет держать: куда идти, где своих разыскивать, как вдруг видим — скачет в нашу сторону конный разъезд всадников в двадцать. И не то важно, что разъезд, а то, что явно петлюровский.

«Ну,— думаем мы,— пришло время в бессрочный уходить». Кругом — как на ладони, укрыться негде, бежать некуда. Говорит мне Васька Сундуков: «Давайте, ребята, утекать что есть мочи. Может, успеем до лесу добежать». А куда уж тут добежать, когда до лесу добрых две версты! И ответил я ему с горечью: «Беги не беги, Вася, а помирать, видно, все равно придется. Тебя не держу, а сам не побегу». И как есть я коренной пехотинец, то не люблю шашек, особенно ежели, когда они сзади по черепу. Да к тому же от пули и смерть легче.

А день был такой цветистый, греча медом пахла, пичужки какие-то, будь им неладно, душу растравляют. И окончательно было помирать неохота — но судьба.

Встали мы за тремя дубами в ряд. Гляжу, Васька партбилет из кармана вынимает с целью. И сказал я ему тогда строго: «Оставь, Василий, билет в целости!

Все равно плену нам никому не будет». И мотнул он тогда головой с таким выражением, что: «эх, мама, где наша не пропадала». И, вскинув винтовку к плечу, грохнул в сторону приближающегося разъезда. Так-то... Спрашиваете, что дальше было? А было дальше вот что. Пробовали они нас наскоком взять — нет, не идет дело: по болотцу конь шагом двигается, вязнет, а всадники под пулю попадают. Рассыпались в цепь, окружили нас, стали кольцо сжимать. А нам что — сжимай, нам все равно пропадать. И такая их, видно, досада взяла, неохота им, видно, из-за четырех человек на рожон лезть, так решили измором взять. Ручной пулемет притащили, и пошла такая пальба, что подумаешь — между собой два батальона бой ведут. Ну, через несколько часов патроны у нас стали на исходе, и Васька из строя выбыл, пуля ему плечо прохватила. В общем, дела — конец. Только вдруг слышим мы, что из-за леса затакал пулемет. Повскакали петлюровцы: глядим мы — от опушки люди бегут... Мать честная, богородица лесная, да ведь это же наши! Оказывается, прибежали к им в деревню пастухи и докладывают, что идет у нас настоящий бой. Наши было даже не поверили сначала. Какой бой, с кем бой, когда рядом ни одной красной части нет...

Ну, вот и всё. А говорю я это вот к чему,— закончил Сережка Чубатов.— За это самое дело нам ордена дали. Значит, как бы за храбрость. А верно ли, что за храбрость,— об этом я сам себя часто спрашиваю и так думаю: какая же тут храбрость, если просто помирать неохота и старались мы оттянуть это дело, покуда патрон не хватит! Просто, по-моему, за здравый смысл дали. То есть раз и так и эдак конец выходит, то помри ты лучше за что-нибудь, чем ни за что,— помри толком, чтобы от этого красным польза была,

а белым вред. Я только так и понимаю, и, когда мне напоминают теперь: «Сережка, да ты ведь герой»,— мне даже как-то неловко становится. Холера тебя возьми, да какой же я герой, когда просто так надо было, а никак иначе нельзя!

Но ребята, дослушав рассказ, даже головами замотали, а комсомолец Мишка Заплатин сказал нерешительно:

— Так вот, по-моему, Сережа, это героизм и есть... когда человеку плохо приходится, а он еще думает, как бы помереть не задаром. Вот если бы все...

И начались тогда жаркие споры между ребятами. Глаза заблестели, волнуются, горячатся, и каждый хочет доказать свое, и видно, что каждый надеется доказать это не столько словами, сколько делом в огневых решительных схватках славного будущего.

1927 г.

ЛЕВКА ДЕМЧЕНКО

СЛУЧАЙ ПЕРВЫЙ

Был этот Демченко, в сущности, неплохим красноармейцем. И в разведку часто хаживал, и в секреты становиться вызывался. Только был этот Демченко вроде как с фокусом. Со всеми ничего, а с ним обязательно уж что-нибудь да случится: то от своих отстанет, то заплутается, то вдруг исчезнет на день, на два, и, когда ребята по нем и поминки-то справлять кончат, вывернется вдруг опять и, хохоча отчаянно, бросит наземь замок от петлюровского пулемета или еще что-либо, рассказывая при этом невероятные истории о своих похождениях. И поверить было ему трудно, и не поверить никак нельзя. Другого бы на его месте давно

орденом наградили, а Левку нет. Да и невозможно наградить, потому что все поступки его были какие-то шальные — вроде как для озорства. Однажды, будучи в дозоре, наткнулся он на два ящика патронов, брошенных белыми, пробовал их поднять — тяжело. Тогда перетянул их ремнями, навьючил на пасшуюся рядом корову, так и доставил патроны в заставу.

Однако, нечего скрывать, любили его, негодяя, и красноармейцы и командиры, потому что парень он был веселый, бодрый. В дождь ли, в холод ли идет себе насвистывает. А когда на привале танцевать начнет—так из соседних батальонов прибегают смотреть.

Было это дело в Волынской губернии. В 1919, беспокойном году. Бродили тогда банды по Украине неисчислимыми табунами. И столько было банд, что если перечислить все, то и целой тетради не хватит. Был погружен наш отряд в вагоны и отправился через Коростень к Новгород-Волынску. Едем мы потихоньку: впереди путь разобран. Починим — продвигаемся дальше, а в это время позади разберут. Вернемся, починим — и опять вперед, а там уже опять разобрано. Так и мотались взад и вперед. Поехали мы как-то до станции Яблоновка. Маленькая станция в лесу — ни живой души. Ну, остановились. Ребята разбрелись, костры разложили, утренний чай кипятят, картошку варят. И никто внимания не обратил, что закинул Левка карабин через плечо и исчез куда-то.

Идет Левка по лесной тропинке и думает: «В прошлый раз, как мы сюда приезжали, неподалеку на мельнице мельника захватили. Был тот мельник наипервейший бандит. Сын же его — здоровенный мужик — убежал тогда. Надо подобраться, не дома ли он сейчас?»

Прошел Левка с полверсты, видит — выглядывает из-за листвы крыша хутора. Ну, ясное дело, спрятался Левка за ветки и наблюдает, нет ли чего подозрительного: не ржут ли бандитские кони? Не звякают ли петлюровские обрезы?.. Нет, ничего, только жирные гуси, греясь на солнце, плавают в болотце да кричит пересвистами болотная птица — кулик. Подошел Левка и винтовку наготове держит. Заглянул в окошко — никого. Только вдруг выходит из избы старуха мельничиха. Нос крючком, брови конской гривою. Ажно остолбенел Левка от ее наружности. И говорит ему эта хищная старуха ласковым голосом:

— Заходи в горницу, солдатик, может, закусишь чего.

Идет Левка сенцами, а старуха за ним. И видит Левка слева дверцу — в чулан, должно быть. Распахнул он и взглянул на всякий случай — не спрятался ли там кто. Не успел Левка присмотреться как следует, как толкнула его со всей силы в спину старуха и захлопнула за ним с торжествующим смехом дверь.

Поднявшись, прыгнул назад Левка, рванул скобку — поздно. «Ну,— думает он,— пропал!» Кругом никого, один в бандитском гнезде, а старуха уже неприятным голосом какого-то не то Гаврилу, не то Вавилу зовет. Набегут бандиты — конец.

И только было начал настраиваться Левка на панихидный лад, как вдруг рассмеялся весело и подумал про себя: «Ничего у тебя, мамаша, с этим делом не выйдет».

Задвинул он засов со своей стороны. Глядит — кругом мешки навалены, стены толстые, в бревнах вместо окон щели вырублены. Скоро сюда не доберешься. Скрутил он тогда цигарку, закурил. Потом выставил винтовку в щель и начал спокойно садить

выстрел за выстрелом, в солнце, в луну, в звезды и прочие небесные планеты.

Слышит он, что бегут уже откуда-то бандиты, и думает, затягиваясь махоркой: «Бегите, пес вас заешь! А наши-то стрельбу сейчас услышат — вмиг заинтересуются».

Так оно и вышло. Сунулся кто-то дверь ломать, Левка через дверь два раза ахнул. Стали через стены в Левку стрелять, а он за мешки с мукой забрался и лежит лучше, чем в окопе. Так не прошло и двадцати минут, как вылетает вихрем из-за кустов взводный Чубатов со своими ребятами. И пошла между ними схватка.

Уже когда окончилась перестрелка и заняли красные хутор, орет из чулана Левка:

— Эй, отоприте!

Подивились ребята:

— Чей это знакомый голос из чулана гукает?

Отперли и глаза вытаращили:

— Ты как здесь очутился?

Рассказал Левка, как его баба одурила,— ребята в хохот.

Но три наряда вне очереди ротный дал — не ходи, куда не надо, без спроса. Засвистел Левка, улыбнулся и полез на крышу наблюдателем.

СЛУЧАЙ ВТОРОЙ

Однажды, перед тем как выступить в поход к деревне Огнище, сказал Левке станционный милиционер:

— Рядом с Огнищами деревушка есть, Капищами прозывается. Стоит она совсем близко, сажен двести— так что огороды сходятся. Ну, так вот, сам я оттуда, домишка самый крайний. Сейчас в нем никого нет.

В подполье, в углу, за барахлом разным, шашку я спрятал, как из дому уходил. Хорошая шашка, казачья, и темляк на ней с серебряной бахромой.

И запала Левке в голову эта шашка, так что впутался из-за нее дурак в такое дело, что и сейчас вспоминать жуть берет.

Дошли мы с отрядом до Огнища. А место такое гиблое, за каждой рощицей враг хоронится, в каждой меже бандит прячется. На улицах пусто, как после холеры, а гибелью каждый куст, каждый стог сена дышит.

Пока отряд то да сё, подводы набирал, халупы осматривал, Левка, будь ему неладно, смылся. Прошел мимо огнищенских огородов, попал на горку в Капище. Кругом тишь смертная. Трубы у печей дымят, горшки на загнетках горячие, а в халупах ни души. Кто победней — давно в Красную ушел, кто побогаче — обрез за спину да в лога попрятался.

Идет Левка. Карабин наготове, озирается. Нашел крайнюю избушку, отворотил доски от двери и очутился в горнице. А там пыль, прохлада, видно, что давно хозяевами брошена хатенка. Нашел он кольцо от подпола и дернул его. Внизу темно, гнилко, сырость, смертью попахивает. Поморщился Левка, но полез.

Около часа, должно быть, копался, пока нашел шашку. Глядит и ругается. Наврал безбожно милиционер — ничего в шашке замечательного: ножны с боков пообтерты, а темляк тусклый и бахрома наполовину повыдернута. Выругался Левка, но все же забрал находку и вылез на улицу.

Прошел Левка шагов с десяток — остановился. И холодно что-то стало Левке, несмотря на то что пекло солнце беспощадной жарою июльского неба. Глядит Левка и видит как на ладони внизу деревушку Огнище, поля несжатые, болотца в осоке, рощи, ручей-

ки. Все это прекрасно видит Левка — своего отряда не видит. Как провалился отряд.

Вздрогнул Левка и оглянулся. А оттого ему жутко стало, что если ушел отряд, то оживут сейчас кусты, зашелестит листва, заколышется несжатая рожь, и корявые обрезы, высунувшись отовсюду, принесут смерть одинокому, отставшему от отряда красноармейцу. Перебежал улицу, выбрался к соломенным клуням. Нет никого. Никто еще не успел заметить Левку. Смотрит он и видит, что от горизонта ровно как бы блохи скачут. И понял тогда Левка — конница петлюровская прямо сюда идет. Либо батьки Соколовского, либо атамана Струка — и так и этак плохо!

Забежал он в одну клуню, а та чуть не до крыши соломой да сеном набита. Забрался он на самый верх, дополз до угла и стал сено раскапывать. Раскапывает, а сам все ниже опускается. Так докопался до самого низа. Сверху его сеном запорошило, через стены плетеной стенки воздух проходит, и даже видно немного, но только на зады. И что бы вы подумали? Другого на его месте удар бы хватил: один-одинешенек, в деревне топот — банда понаехала. А Левка сел, кусок сала из сумки вытащил и жрет, а сам думает: «Здесь меня не найдут, а ночью, если умно действовать, выберусь». Приладил под голову вещевой мешок и заснул — благо перед этим три ночи покоя не было.

Просыпается — ночь. В щелку звезды видны и луна. Звезды еще так-сяк, а луна уже вовсе некстати. Выбрался он наверх и пополз на четвереньках. Вдруг слышит рядом разговор. Насторожился — пост в десяти шагах. Лег тогда Левка плашмя — в одной руке карабинка, в другой шашка — и пополз, как ящер. Сожмет левую ногу, выдвинет правую руку с карабином, потом бесшумно выпрямится. Так почти рядом

прополз мимо поста. Все бы хорошо, только вдруг чувствует, что под животом хлябь пошла. И так заполз он в болото. Кругом тина — грязь, вода под горло подходит, лягушки глотку раздирают. И вперед ползти никак лежа невозможно, и стоя идти нельзя — сразу с поста заметят и срежут. Луна светит, как для праздника, петлюровцы всего в пятнадцати шагах, и никуда никак не сунешься. Что делать? Подумал тогда Левка, высунулся осторожно из воды, снял с пояса бомбу, нацелился и что было силы метнул ее вверх, через головы петлюровского караула. Упала бомба далеко с другой стороны, так ахнуло по кустам, что только клочья в небо полетели. Петлюровцы повскакали, бросились на взрыв, стрельбу открыли в другую сторону, а Левка поднялся и по болоту—ходу. Добрался до суха, пополз по ржи и завихлял, закружился—только его и видели.

К рассвету до станции добрел. Ребята ажно рты поразинули — опять жив, черт! Ротный выслушал его рассказ, опять наряды дал: не шатайся, куда не надо, без толку; но все же потом, когда ушел Левка, сказал ротный ребятам:

— Дури у него в башке много, а находчивость есть. Если его на курсы отдать да вышколить хорошенько, хороший из него боец получиться может, с инициативой.

А шашку Левка кашевару отдал, нехай в обозе таскается. И то правда. Ну, на что пехотинцу шашка? Своей ноши мало, что ли?

СЛУЧАЙ ТРЕТИЙ

Было это уже под Киевом. Шли тогда горячие бои, и отбивались отчаянно наши части зараз и от петлюровцев и от деникинцев. Стояла наша рота в прикры-

тии артиллерии, в неглубоком тылу. А рядом к грузовику на веревке наблюдательный воздушный шар был подвешен. То ли газ через оболочку стал проходить, то ли щель какая в шаре образовалась, а только стал он потихоньку спускаться, и как раз в самую нужную минуту.

Говорит тогда командир:

— А ну-ка, ребята, кто ростом поменьше? Хотя бы ты, Демченко, залезай в корзину. Да винтовку-то брось, может, он тебя подымет. Еще бы хоть пять минут продержаться — понаблюдать, что там за холмами делается.

Левка раз-раз — и уже в корзине. Поднялся опять шар. Но едва успел Левка сверху по телефону несколько фраз сказать, как вдруг загудел, захрипел воздух, и разорвался близко снаряд. Потом другой, еще ближе. Видят снизу, что дело плохо. Стали на вал веревку наматывать и шар снижать, как бабахнет вдруг совсем рядом! Грузовик ажно в сторону отодвинуло, двух коней осколками убило, а Левка как сидел наверху, так и почувствовал, что рвануло шар кверху и понесло по воздуху—перебило веревку взрывом. Летит Левка, качается, ухватился руками за края корзинки и смотрит вниз. А внизу бой отчаянный начинается. С непривычки у Левки голова кружится, а когда увидел он, что несет его ветром прямо в сторону неприятельского тыла, то совсем ему печально как-то на душе стало и даже домой, в деревню, захотелось. Слышит он, что прожужжала рядом пчелой пуля. Потом сразу точно осиный рой загудел. Шар обстреливают, понял он.

«Прямо белым на штыки сяду»,— подумал Левка.

Но ветер, к счастью, рванул сильней и потащил Левку дальше, за лес, за речку, черт его знает куда.

Потом окончательно начал издыхать шар и опустился с Левкой прямо на деревья. Заскакал он, как белка, по веткам, выбрался вниз и почесал голову. Чеши не чеши, а делать что-нибудь надо. Стал он пробираться лесом, выбрался на какую-то дорогу, к маленькому лесному хутору. Подполз к плетню, видит — в хате петлюровцы сидят, не меньше десятка, должно быть. Только собрался он утекать подальше, как заметил, что на плетне мокрая солдатская рубаха сушится, а на ней погоны. Подкрался Левка, стащил потихоньку и рубаху и штаны, а сам ходу в лес. Напялил обмундировку и думает: «Ну, теперь и за белого бы сойти можно, да пропуска их не знаю». Пополз обратно, слышит — неподалеку у дороги пост стоит. Левка — рядом и слушает. Пролежал, должно быть, с час, вдруг топот — кавалерист скачет.

— Стой! — кричат ему с поста.— Кто едет? Пропуск?

— Бомба,— отвечает тот.— А отзыв?

— Белгород.

«Хорошо,— подумал Левка,— погоны-то у меня есть, пропуск знаю, а винтовки нет. Какой же я солдат без винтовки?» Выбрался он подальше и пошел краем леса, близ дороги. Так прошел версты четыре, видит— навстречу двое солдат идут. Заметили они Левку и окликнули, спросили пропуск — ответил он.

— А почему,— спрашивает один,— винтовки у тебя нет?

И рассказал им Левка, что впереди красные партизаны на ихний отряд налет сделали, чуть не всех перебили, а он как через речку спасался, так и винтовку утопил. Посмотрели на него солдаты, видят — правда: гимнастерка форменная и вся мокрая, штаны тоже, поверили.

А Левка и спрашивает их:

— А вы куда идете?

— На Семеновский хутор с донесением.

— На Семеновский? Так вот что, братцы, недавно тут зарево было видно. Я думаю, уже не сожгли ли партизаны этот Семеновский хутор? Смотрите не нарвитесь.

Задумались белые, стали меж собой совещаться, а Левка добавляет им:

— А может, это не Семеновский горел, а какой другой. Разве отсюда поймешь! Залезай кто-нибудь на дерево, оттуда все как на ладони видно. Я бы сам полез, да нога зашиблена, еле иду.

Полез один и винтовку Левке подержать дал. А покуда тот лез, Левка и говорит другому:

— Жужжит что-то. Не иначе, как ероплан по небу летит.

Задрал тот затылок, стал глазами по тучам шарить, а Левка прикладом по башке как ахнет, так тот и свалился. Сшиб Левка выстрелом с дерева другого, забрал донесение, забросил лишнюю винтовку в болото и пошел дальше.

Попадается ему навстречу какая-то рота. Подошел Левка к ротному и отрапортовал, что впереди красные засаду сделали и белых поразогнали, а двое убитых и сейчас там у самой дороги валяются. Остановился ротный и послал двух конных Левкино донесение проверить. Вернулись конные и сообщают, что действительно убитые возле самой дороги лежат.

Написал тогда ротный об этом донесение батальонному и отправил с кавалеристом. А Левка идет дальше и радуется — пускай все ваши планы перепутаются!

Так прошло еще часа два. По дороге заодно штыком провод полевого телефона перерубил. Затем ве-

дерко с дегтем нашел и в придорожный колодец его опрокинул — хай лопают, песьи дети!

Так выбрался он на передовую линию, а там идет отчаянный бой, схватка, и никому нет до Левки дела. Видит Левка, что не выдержат белые. Залег он тогда в овражек, заметал себя сеном из соседнего стога и ожидает. Только-только мимо ураганом пролетела красная конница, как выполз Левка, содрал погоны и пошел своих разыскивать. На этот раз, когда увидели его ребята, даже не удивились.

— Разве,— говорят,— тебя, черта, возьмет что-нибудь? Разве на тебя погибель придет?

И ротный на этот раз нарядов не дал, потому что не за что было. Наоборот, даже пожал руку, крепко-крепко.

А Левка ушел к лекпому Поддубному, попросил у него гармонь, сидит и наигрывает песни, да песни-то все какие-то протяжные, грустные. Дядя Нефедыч, земляк, покачал головой и сказал в шутку:

— Смотри, Левка, смерть накличешь.

Улыбнулся Левка и того не знал, что смерть ходит уже близко-близко бесшумным дозором.

1927 г.

КОНЕЦ ЛЕВКИ ДЕМЧЕНКО

Наш взвод занимал небольшое кладбище у самого края деревни. Петлюровцы крепко засели на опушке противоположной рощи. За каменной стеной решетчатой ограды мы были мало уязвимы для пулеметов противника. До полудня мы перестреливались довольно жарко, но после обеда стрельба утихла.

Тогда-то Левка и заявил:

— Ребята! Кто со мной на бахчу за кавунами?

Взводный выругался:

— Я тебе такую задам бахчу, что и своих не узнаешь!

Но Левка хитрый был и своевольный.

«Я,— думает он,— только на десять минут, а заодно разведаю, отчего петлюровцы замолчали,— не иначе, как готовят что-нибудь, а оттуда как на ладони видно». Подождал Левка немного, скинул скатку, а сам незаметно мешок под рубаху запрятал и пополз на четвереньках промеж бугорков. Добрался до небольшого овражка и сел. Кругом трава — сочная, душистая, мятой пахнет, шмели от цветка к цветку летают, и такая кругом тишина, что слышно, как понизу маленький светлый ручеек журчит. Напился Левка и пополз дальше. Вот впереди и садочек, несколько густых вишен, две-три яблони, а рядом бахча, кавуны лежат спелые, сочные — чуть не трескаются от налива.

Стал Левка подрезать кавуны, потом набрал с полмешка, хотел еще наложить, да чувствует, что тяжело будет. Решил было уже назад ворочаться, да вспомнил, что хотел про петлюровцев разведать. Положил мешок наземь, а сам пополз вбок оттуда в излучину оврага. Потом выбрался наверх и стал присматриваться; видит — в лощинке слева кони стоят.

«Э,— подумал он,— вот оно что! Значит, у них и кавалерия в запасе есть...»

Вдруг обернулся Левка в сторону и видит такую картину. Идет, пригнувшись, со стороны бахчи петлюровец и что-то тащит.

Пригляделся Левка и ахнул: «Ах, ешь тебя пес! Да ведь это же мой мешок с кавунами! Для тебя я гнал, старался — все коленки пообтер ползавши? А тут нако... да и мешок-то еще не мой, мешок под честное слово насилу у пулеметчика выпросил».

И такая обида Левку взяла, что просто сил нету...

Петлюровец прямо в его сторону пробирается.

Спрятался Левка за бугор и ждет. Едва только тот поравнялся с ним — выскочил Левка, навел винтовку и кричит: «Стой!»

Но петлюровец тоже не из трусливых оказался. Бросил он мешок и схватился за свою винтовку...

Никак не ожидал от того такой прыти Левка. Теперь оставалось только одно—стрелять, а стрелять не собирался он потому, что конные были в овраге и совсем рядом.

Грохнул он в упор и свалил петлюровца.

И сейчас же заметили Левку. Понесся на него целый десяток всадников.

«Эх... ввязался — за кавуны!» — качнул головою Левка.

Прыгнул он кошкою на крутой скат, чтобы не сразу кони достичь его могли. Рванул затвор...

Сколько времени отстреливался Левка, сказать трудно: может быть, минуту, может быть, пять. Почти бессознательно вскидывал он приклад винтовки к плечу, как автомат, лязгал затвором и в упор стрелял в скачущих всадников...

Двое подлетели почти вплотную. Смыл Левка пулей одного, вскинул винтовку на другого—но впустую щелкнул не встретивший капсюля боек.

«Эх, перезарядить бы!» — мелькнула последняя мысль. Но перезаряжать не пришлось, потому что уже в следующую секунду падал с надрубленной головой Левка и, падая, точно лучшего друга, крепко сжимал свой неизменный карабин.

Так ни за что ни про что погиб наш Левка. Немножко шальной, чудаковатый, но в то же время славный боец и горячо любимый всеми товарищ.

Тело его достали мы к вечеру и похоронили с честью. И прощальным салютом над его могилою всю ночь гудели на фланге глухие взрывы тяжелого боя. Всю ночь вспыхивали и угасали в небе сигнальные ракеты, такие же причудливые и яркие, как Левкина жизнь.

1927 г.

НОЧЬ В КАРАУЛЕ

В караульном помещении тихо. Красноармейцы очередной смены, рассевшись вокруг стола, разговаривают так, чтобы не мешать отдыху только что сменившихся товарищей. Но разговор не клеится, ибо мерное тиканье маятника нагоняет сон и глаза против воли слипаются.

Хлопнула дверь, вошел окутанный ветром разводящий и сказал, отряхиваясь от капель дождя:

— Ну и погодка! Темень, буря, тут к тебе на три шага подходи, и то не учуешь. Сейчас часовому собачий слух да кошачьи глаза нужны. Сейчас только берегись.

— А чего беречься-то! — лениво спросил Петька Сумин, протирая кулаком посоловелые глаза.— Чай, теперь не война. Возьмем, к примеру, наш склад. Отряд на него никакой не нападет, потому что неоткуда, а одному либо двоим за сутки замки не сломать. Помоему, так и часовой там не нужен. Наняли бы сторожа, и нехай дует для устрашения в колотушку.

— Ну, этого ты не скажи,— ответил, усаживаясь на лавку, разводящий.

— А знаешь ты случай про часового Мекешина?.. Нет, не слыхал про этого часового? Ну, тогда и помалкивай. Рассказать, говоришь? Ладно, расскажу. Да гляди веселей, ребята, небось на селе ночь прокрутиться вам нипочем, а в карауле слабо́, что ли? Чего носами-то засопели? Ну, слушай, да не мешай...

Было это в прошлом году. Назначили наш взвод в караул при химическом заводе, а завод на самом краю города, возле Шаболовских оврагов. Ну ладно. Сменили мы старый караул в семь часов. Мекешину заступать было в третью смену с одиннадцати. Пошел. А посты далеко находились, как раз у края оврага. Принял он посты честь по чести: печать целая, подозрительного ничего замечено не было. Ушел разводящий, ушел прежний часовой, и остался Мекешин один. А ночь тогда хуже сегодняшней была — темная, беспокойная. В этакую ночь человек — как слепой котенок. Стоит Мекешин час. Промок, потому дождь косой, так под гриб и захлестывает. Замерз... Курить охота — ну, конечно, не такой Мекешин человек был, чтобы на посту закурить, терпит. Мало того, что терпит, то руку к уху приложит, то голову наклонит — слушает. А казалось, чего тут услышишь? Кусты ветками хрустят, капли по лужам булькают. Только вдруг почудилось Мекешину, будто кашлянул кто-то неподалеку.

Насторожился он, вышел из-под гриба и прошелся вдоль стены — ничего. Постоял, опять послушал. Что за черт! Скребет кто-то, как крот, а где — не видно. Хотел окликнуть, да, думает, чего кричать без толку, когда никого не видно! Только спугнешь, если и есть кто. Пойти самому посмотреть к оврагу — опять же, пост нельзя оставить. Вернулся он обратно под гриб и дернул рукоятку звонка, чтобы вызвать на всякий случай разводящего. Ожидает минуту, другую — не идет

никто. Встревожился Мекешин не на шутку, дергает звонок что есть силы и того не знает, что перерезала чья-то черная рука проволоку и не слыхать в карауле его вызова. Выскочил он, только хотел тревогу поднять, как из темноты кто-то кирпичом ему в голову сзади хватил. Упал Мекешин и думает: «Успеть бы только тревогу поднять!» Рванул предохранитель и бахнул из винтовки. Но тотчас же откуда-то сбоку огонь сверкнул, и почувствовал Мекешин, что обожгло ему плечо. Уронил он голову наземь и, собравшись с последними силами, грохнул еще раз. Слышит—топот сзади, крики. «Ну,— думает,— ничего, свои подоспели». Приник он тогда головой к луже, в которой крови было больше, чем воды, и только успел прохрипеть подбежавшему карначу: «Смену давайте... смену...» И замолчал.

На другой день умер. Хоронили его, как героя, погибшего на посту. Дознались, что под склад завода из оврага подкоп делали, и прогляди Мекешин — взорвали бы все на воздух. А когда гроб его опускали в могилу, то все знамена опустились низко, до самой травы, и в небо ударил такой огневой залп, что от этакого залпа холодно кому-то, должно быть, стало. Над могилой его теперь камень... Будет воскресный день — сходите по увольнительной. Там, в самом углу ограды, камень большой, серый, и на нем красный орден высечен. Только орден и его имя, а больше ничего. Да и зачем? Кто ни подойдет, кто ни посмотрит, каждый и так поймет...

Да, ребята, так-то... Ну, слыхали теперь? Намотайте себе на ухо, а теперь, ну-ка, быстрей подымайся. Эй, очередные, вставай! Время ребят сменять.

1927 г.

РАСПУЩЕННОСТЬ

Кажется, у Немировича-Данченко есть такая картинка: приводят пленного японца. Пока то да сё, попросил он у солдата умыться. Ополоснул голову из котелка и стал ее намыливать. Долго намыливал, фырчал, растирая лицо, смыл мыло, зачерпнул еще котелок воды, начал зубы полоскать и грудь холодной водой окатывать.

А все это проделывал с таким азартом, что стоявший рядом чумазый дядя Иван, солдат, долго глядел, раскрыв рот от удивления, потом схватил свой котелок и вскричал задорно:

— Братцы, да что же это такое, да давайте я хоть раз попробую этак умыться!

Привел я этот случай вот к чему. Почти в каждой роте есть этакие типы, для которых в обыденной жизни мыло хуже касторки, а умывание — вроде операции. Смотришь, кругом все опрятно, чистые ребята: ногти подстрижены, зубы блестят, а один какой-нибудь растютюй ходит, носом сопит, руки как у землекопа, на шее пыли больше, чем на асфальтовом тротуаре в жаркий день.

Спросишь его:

«Ванька, а ты умывался?»

«Умывался».

«Когда?»

«Вчера».

«А ты бы, Ваня, сегодня умылся. А то похоже, ровно как тебя из мусорного ящика вытащили».

«Ну и что же? Чай, сегодня у нас не воскресенье».

Наши ребята одного этакого все собирались на стенку вместо календаря повесить. Проснешься утром — увидишь, что рожа умыта,— значит, праздник.

Мало того, аккуратный красноармеец идет по улице — прохожему смотреть приятно. Гимнастерка заправлена, сапоги вычищены, идет прямо, не толкается, не хлябается. А вот недавно гуляли мы по Александровскому саду, смотрим — идет к нам навстречу некий тип: пояс на брюхе, как у мясника, пряжка на боку, фуражка на затылок съехала. Жрет ломоть арбуза, а семечки на чистую дорожку выплевывает и огрызки наземь бросает. А на дорожках всевозможные пролетарские дети бегают.

Одна женщина прямо так вслух и сказала своему ребятенку:

— Уйди, деточка! Погоди, дай мимо солдатик пройдет.

Обидно нам от этакого суждения стало и чувствуем, что крыть нечем. Права тетка. Подошли мы к нему и говорим:

— Какой части, товарищ? Чего идешь расплевываешься?

А он обозлился на наше замечание, посмотрел, что у нас на петлицах кубиков нет, и отвечает нахально:

— Вам какое дело? Вы что, командиры, что ли? Вы надо мной не начальники, а теперь не прежнее время — где хочу, там и гуляю.

Я ему отвечаю:

— При чем тут прежнее время? Свинью и в прежнее время в сад не пускали и в теперешнее метлой гнать должны. Мы хоть и не командиры, а замечание тебе будем делать, потому что наводишь ты тень на всю Красную Армию, а кроме того, шкура ты после этого, когда только из страха перед командирами ведешь себя как надо, а на нас огрызаешься. Мы хоть и не командиры, а ежели будешь еще расплевываться,

то сбегаем до комендантского, благо оно рядом. Тогда тебя враз выметут отсюда.

Изругался он. Но все же огрызки стал бросать в урну, ремень поправил и пошел прочь.

А мы идем и промеж себя рассуждаем:

— Ну вот, кажется, все в одной казарме живем, на одинаковой койке спим, одному и тому же обучаемся, а почему же нет-нет, да один-другой такой попадется, что как козел среди коней? Поневоле подумаешь, отослать бы этакого козла на скотный двор, и нехай среди грязи копается, а на других своим видом смущения не наводит.

1927 г.

ПРОВОДЫ

Собрался Борька Назаровский в военную школу поступать. Провожали его домашние честь по чести. И каждому была охота напоследок свое слово вставить. Говорил Борьке отец:

— Ну, парень, трогай! Желаю тебе в учении удачи. Твое дело молодое: не будешь лодырничать—от других не отстанешь. Я как отпуск получу, в городе буду, нарочно к вашему начальнику зайду спросить, как учишься. Там в школе у вас должен быть ротный, как его... Федор Чукеев. Ну так вот, передашь ему от меня поклон и скажешь ему, что ты сын мой. Так и скажи: слесаря Назаровского старший сын... Откуда я знаю его?.. Сказал тоже!

И отец Борьки улыбнулся, точно спросил его сын совсем что-то несуразное.

— Встречались... Скажи, что батька до сих пор его помнит. И тайгу помнит, и землянки, и наших ребят-партизан. Да передай, ежели не забудешь, что Петька

Семов помер только еще недавно. Он знает Петьку Семова. Да еще бы, кто у нас не знал в отряде Петьку Семова! Ну так вот, передай Чукееву, что сам, мол, я на заводе работаю, все, мол, такой же. Постарел только. Трудновато мне теперь уже на коня сесть, так в смену сына, мол, посылаю. Что же, Бориска, думаю, что смена будет неплохая. А? Ну, да что там говорить, голова у тебя на плечах есть — сам понимаешь.

Говорила Борьке на прощанье старуха мать:

— Эх, Боренька... а давно ли... давно ли, говорю, совсем мальчонком был, а теперь, гляди-ка, вот и на службу пошел и пойдешь теперь жить без материнского глаза. Говорят, вот скоро война будет. А неужели, Боренька, нельзя никак, чтобы без войны? Неужели же против нее никакого средства не придумают? Ведь сидят же люди у власти — что, у них ума, что ли, не хватает придумать, или еще почему... Ну ладно, ладно, не хмурься. Я ведь только так... К слову пришлось. Господи ты, боже мой! Да разве я думала, когда родился ты, что сын у меня офицером будет? Ну, думала, слесарем, как отец, или токарем, в деда, ну, от силы мастером, а чтобы офицером, да еще не каким-нибудь, а красным, этого уж никак не думала. Ты, Боренька, все же не больно напрягайся, смотри, еще надорвешься. Да... чтобы не забыть, в сумку я тебе пышки завернула и кусок пирога с кашей. А затем еще полотенце новое положила, только, ох, Боренька, подрубить не успела! Ты зайди в городе к крестной, она тебе сделает.

А напоследок вмешался в разговор и братишка Васька — смелый пионер девяти лет и двух месяцев от роду.

— Борька! А со скольких лет в эту военную школу

принимают? А меня туда примут?.. Ну что же, что маленький! Я сильный. Мы вчера в партизаны играли, я как налетел на Семку Рогожина да деревянной саблей рубанул так, что он завыл даже и домой жаловаться побёг. А тебе винтовку либо револьвер дадут? Ты пришли мне гильзы. Как стрелять будете, так собирай гильзы и мне присылай. Ребятам завидно будет. А то у Семки есть две гильзы, у Пашки одна гильза, да обойма пустая, да две пули, а у меня ничего. А если война будет, я к тебе приеду... Ну, вот заладил, маленький да маленький! Маленькому еще лучше, вон большие парни к Сычихе в сад за яблоками полезли, а сторож их враз заметил да по шеям наклал, а нам никогда даже, потому что мы незаметно в щель лазаем. Возьмешь, Борька?

И отвечал всем троим по порядку Борис Назаровский:

— Ты, папаша, дельное слово сказал насчет смены. Вам, старикам, на отдых пора. Ротному я поклон передам, ежели он там только. Голова у меня на плечах есть, а учиться мне никогда лени не было. А ты, мать, не охай да не ахай насчет войны. Хорошее средство против нее давно изобретено; крепить нашу Армию, чтобы враг побоялся сунуться на нее. Недаром говорит пословица, что «Красная поднимется — белая отодвинется». Войну мы начинать не собираемся, но если нападут на нас, то отбиваться будем отчаянно. Да и нельзя не отбиваться. Пришли бы белые, нашего же отца первым бы за прежнее на первом столбе повесили бы. И многих так... А ты, Васька, не горячись, бегай себе в школу, учись, играй, авось и без тебя как-нибудь обойдемся. Твое время еще не пришло, а когда придет... то, кто его знает, может, тогда и вообще-то воевать не с кем будет.

Приладил мешок Борька за спину, попрощался с домашними и ушел — бодрый, веселый и гордый от сознания долга, честно выполняемого перед Армией и революцией.

1927 г.

УДАРНИК

Сыну моему сейчас двадцать один год. На днях ушел в армию. Мать пошла провожать его до казарм. Мне же было некогда: завод, работа — своя горячка.

Вернувшись домой, матери я не застал. Через час пришла и она.

— Ну что, проводила?

— Проводила, до самого поезда. Музыки-то было, народу!..

— Ну, а он как?

— Он-то?.. Да как и все. Глаза блестят, смеется. Да... записку он мне какую-то сунул: «Передай,— говорит,— батьке. В бумагах у себя нашел. Так чтобы не затерялась, пусть останется на память».

Я развернул аккуратно сложенную пожелтевшую бумажку, прочел ее и улыбнулся.

Я узнал свой почерк. Карандаш местами выцвел, поистерся, но слова разобрать было можно:

«Ванюша, дай этому человеку инструментальный ящик, что под кроватью. Там где-то завалялся пулеметный ударник — нужно до зарезу». Я прочел, закурил и, скинув со счета десяток годов, подумал: «Сейчас ему двадцать один — значит, тогда было одиннадцать».

...Юнкера были пока еще хозяевами нашего города. Рабочие дружины, разбросанные по окраинам, были слабо вооружены. Патронов нахватали много, целыми ящиками, достали даже один пулемет; зато винтовок было вовсе мало. И все-таки восстание решено было начать незамедлительно, не дожидаясь, пока придет на помощь со станции Комлино взбольшевиченный батальон сибирского полка.

В эту черную октябрьскую ночь мокрый, хляблый снег без перерыва стучал в окна. Я вытащил с чердака винтовку, протер ее маслом и вдавил под затвор четыре блестящих, желтых, как ненависть, патрона. Пятый очередной послал ожидать момента — в канал ствола — и поставил винтовку на предохранитель.

Сын Ванюшка стоял рядом и надоедал:

— Батька, я с тобой пойду!

— Отстань!

— А я пойду!

— Не дури!

— Ты хоть что хочешь мне говори, а я за тобой увяжусь!

— Я вот тебе увяжусь!

Оставалось до назначенного срока выступления еще около двух часов. С минуты на минуту я ожидал нескольких товарищей, которые должны были зайти за мной.

Вдруг совершенно неожиданно электрическая лампочка поблекла и медленно, как раскаленный уголек, покрывающийся пеплом, угасла. Потом вспыхнула опять и опять угасла.

«Сигнал»,— подумал я.

— Ванюшка,— крикнул я сыну,— сиди на месте и, если кто придет из наших, скажи, что я побежал к сборному пункту! Постой... Да, если придет

кто-нибудь, кого ты не знаешь в лицо, ничего не говори.

Я выскочил на улицу. Возле угла Керосинной и Полицмейстерской, наткнувшись на заставу юнкеров, впрыгнул в первый попавшийся двор, оттуда через забор на пустырь и дальше прямиком к Стрешеневке.

Минут через пять я встретил Ваську Глыбова с его боевым десятком, Петьку Баталина с пулеметчиками и еще нескольких.

Подбежал выбранный нами в начальники дружины мадьяр Карши и ломаным прерывающимся голосом рявкнул:

— Стреляют по Стрешеневке! Юнкера предупредили восстание. Сигнал фальшивый. Все неситесь туда и задерживайте белых насколько можно... Твой десяток,— он ткнул пальцем на Ваську,— вместе с пулеметом — в монастырь. Обеспечьте место для отступления. Пулемет на колокольню... В случае чего, будем за стенами отсиживаться.

И исчез мадьяр, ринувшись в темноту навстречу выстрелам и навстречу тревоге и измене осенней ночи.

Уже светало, когда остатки разбитых дружинников торопливо вливались в распахнутые ворота Преображенского монастыря. Юнкера были уже неподалеку. Первою строчкой резанул по ним с колокольни пулемет. Юнкера рассыпались и вросли в землю. Место было ровное, и переть на рожон было нельзя.

— Мы отобьемся! — крикнул мокрый и потный мадьяр.

Я послал надежных ребят верхами в Комлино с просьбой о помощи. Позади монастыря был пруд, а прямо перед воротами—широкая площадь со сквером. Ворваться сюда было не так легко. Сдерживая пыл на-

ступающих, пулемет прострочил еще ленту и вдруг смолк.

— Боек сломан, боек ударника! — крикнул, подбегая, Петька Баталин.— А запасного нет.

И, как бы почувствовав, что у нас что-то неладно, юнкера открыли бешеную стрельбу по нашему убежищу.

Тут я вспомнил, что дома у меня среди инструментов валяется случайно подобранный где-то ударник.

— Пиши записку,— сказал мне мадьяр.— Кто хорошо плавает?

Вызвался двадцатилетний паренек Микошин. Он взобрался на стену, оттуда бухнулся в воду, вынырнул уже посредине пруда и быстро, сажёнками достиг противоположного берега. Потом скрылся из наших глаз за поворотом улицы.

...Прошел час — час напряженной, горячей перестрелки, час ожиданий и надежд. Микошин не возвращался. Очевидно, он был схвачен одним из белогвардейских патрулей. Винтовок у нас было мало. Мы отстреливались непрерывно, по очереди, до тех пор пока стволы не разогревались до того, что обжигали руки. Пулеметчики на колокольне злились, нервничали. Юнкера обнаглели окончательно и перебежками подвигались всё ближе и ближе.

— Скверно дело! — сказал мадьяр.— Совсем плохо. Батальон будет не раньше как через три часа, а до тех пор не продержимся.

И вот в тот момент, когда уже отчаяние начало овладевать многими, когда казалось, что победа юнкеров почти неизбежна, с колокольни что-то закричало. И мы увидели у края пруда небольшую фигурку, разувающую сапоги. Но это был, очевидно, не Микошин, потому что ниже ростом и в черной рубахе.

Человек с того берега бросился в воду и поплыл. Теперь окончательно можно уже было определить, что это не Микошин, потому что человек барахтался в воде слабо и беспомощно.

— Потонет,— раздались вокруг голоса.— И кто это взялся?

Однако человек не тонул. Очевидно напрягая последние остатки сил, он медленно приближался к берегу, поминутно захлебываясь и отплевываясь.

— Пес вас возьми, да ведь это же Ванька! — крикнул я.

Сбросили со стены веревку. Ванька обмотал себя вокруг пояса, и его втащили наверх.

— Ты чего? — крикнул я рассерженно, думая, что, очевидно, Микошин потому и не возвращался, что не застал Ваньку.— Ты зачем сюда приперся? Я ж тебе говорил, чтобы ты сидел дома!

— Я ударник принес,— сказал он, пошатываясь и засовывая руку в карман штанов.— А Микошин раненый лежит.

Я кончил курить, так же тщательно свернул пожелтевшую бумажку и прибавил к семнадцатому году десяток скинутых лет. Это и получилось — сегодняшнее число: ноябрь — пятое — двадцать седьмого года.

1927 г.

ОРУДИЙНЫЙ КЛЮЧ

Возле деревеньки Новоселовки, что в одной версте от тракта, по которому раньше гнали каторжников в Сибирь, есть ключ. Называется он теперь Орудийным, а раньше просто без всякого названия был.

Вода в этом ключе холодная, и даже кони наши и те воду эту с передышкой пили.

Пока возница возился с ведром возле лошадей, я соскочил с повозки размять ноги. Сделав несколько шагов по сухой, покрытой утренним инеем траве, я остановился перед большим серым камнем, на котором лежал тяжелый стальной осколок, в котором нетрудно было отгадать остаток разорванного ствола трехдюймовки.

На мой вопрос, что это означает, возница ответил мне:

— А это и есть кусок пушки, от ней и пошло название этому ключу... Село наше,— сказал он мне,— как ты сам увидишь, богатое село. Хлеба у нас раньше вовсе мало сеяли, а скупали у татар кожи и конский хвост, отвозили в город партиями и на том хвосте зарабатывали здорово. И вот, когда пришел 1918 год и поприжали у нас скупщиков, стали кулаки замышлять, чтобы советскую власть по шапке, а вернуть все как было, то есть по-прежнему, без всяких изменений. Прослышав про это, прислали нам из уезда команду в сорок человек и одно орудие, как бы для наблюдения. Но кулаки у нас хитрые были: день проходит, неделя — все ничего. Ни шуму, ни гаму. И вот, когда стали красноармейцы понемногу от настороженности поостывать, раздался вдруг ночью набатный звон.

Пехотинцы все порознь по хатам стояли, ребята всё больше молодые, неопытные... Прежде чем успели они порты поодевать, переловили их, как галчат неокрепших. Ну, а артиллеристы, которые при пушке, те хитрее были — кучей ночевали. И, как началась стрельба, у них сразу орудие в боевой готовности. Вынесли лошади орудие за ворота, глядь, а кругом-то своих нико-

го, и целые толпы кулачья с обрезами от всех сторон сбегаются. Что ты с ними будешь делать?

Стеганули они тогда коней и пустились напролом вскачь. Вот возле этой-то самой горки, у ключа, были срезаны пулями трое красноармейцев да две лошади. Осталось при пушке еще три солдата, выкатили они ее, матушку, и давай по наступающим картечью садить.

Не ожидали те такого отпора и шарахнулись, залегли цепью. Так, поверите, весь следующий день грохотало орудие от ключа то картечью, то на удар, и всего только возле него три человека.

И вот уже под вечер реже выстрелы пошли — снаряды вышли. Потом совсем смолкла пушка. Как поднялось наше кулачье, поперло вперед... Подбегают и видят: стоят три красноармейца, плотно прижавшись к пушке, а один за пусковой ремень держится.

— А-а...— заорали бандиты,— вот они где! Даешь орудие!

А сами от ствола разомкнулись и с боков кучами подбегают. Только подбежали передние, ка-ак дернет красноармеец за ремень!

И, право, не знаю уже, чем пушку под конец набили они — динамитом ли или еще чем, а только как грохнет взрыв, ажно земля дрогнула. Много тогда осколками кулачья погубило. Ну, а сами... О самих, конечно, и речи нет, даже и признаков не осталось.

С той поры и зовется этот ключ у нас Орудийным ключом. А камень этот? Камень уже потом наша беднота навалила и осколок от пушки на него пристроила. Пусть останется ребятишкам на память, все-таки как-никак, а эдак не всякий погибнуть сможет. Все-таки наши были ребята и герои.

1927 г.

БАНДИТСКОЕ ГНЕЗДО

Переходили мы в то время речку Гайчура. Сама по себе речка эта — не особенная, так себе, только-только двум лодкам разъехаться. А знаменита эта речка была потому, что протекала она через махновскую республику, то есть, поверите, куда возле нее ни сунься — либо костры горят, а под кострами котлы со всякой гусятиной-поросятиной, либо атаман какой заседает, либо просто висит на дубу человек, а что за человек, за что его порешили—за провинность какую-либо, просто ли для чужого устрашения,— это неизвестно.

Переходил наш отряд эту негодную речку вброд, то есть вода кому до пупа, а мне, как стоял я завсегда на левом фланге сорок шестым неполным, прямо чуть не под горло подкатила. Поднял я над башкою винтовку и патронташ, иду осторожно, ногой дно выщупываю. А дно у той Гайчуры поганое, склизкое. Зацепилась у меня нога за какую-то корягу — как бухнул я в воду, так и с головой.

Поднялся, отфыркиваюсь, гляжу — винтовки в руке нет: упустил.

Взяла меня досада, а тут еще товарищи на смех подняли:

— Эх ты, растютюй!

— Рак у него клешней винтовку вырвал.

«Ах,— думаю,— дорогие товарищи, рады над чужой бедой пособачиться!» Добрался я до берега, сымаю с себя обмундировку и говорю:

— Я свою винтовку не то что раку, а самому черту не оставлю. Идите своей дорогой, а я вас догоню.

Пока обмотки размотал, пока ботинки разул, а тут

еще ремешки от воды заело — от ребят и стука не слышно.

Полез я в воду, нырнул раз — не вижу винтовки, нырнул второй — опять ничего. И долго это я возился, пока наконец ногой на самый затвор наступил. «Ну,— думаю,— сейчас достану тебя, проклятую».

Только ста́л воздуху в грудь набирать — поднял глаза на берег, да так и обомлел. Гляжу — сидит на лугу здоровенный дядя, грива из-под папахи чубом, за спиной обрез, в зубах трубка, а сам, снявши порты, мои новые суконные на себя примеряет.

Возмутился я эдаким нахальным поступком до отказа и кричу ему, чтобы оставил он свое подлое занятие. А человек в ответ на это обматюгал меня басом. Вскинул обрез и давай меня на мушку не торопясь брать.

Вижу я, дело — табак, нырнул в воду. Ну, ясное дело, через минуту опять наверх. Он опять целится, я опять в воду, только наверх — а он снова за обрез. Рассердился я и кричу ему, что человек не рыба и под водою вечно сидеть не может и пусть он или оставит свою игру, или стреляет, когда на то пошло.

Тогда он загыгыкал, как жеребец, забрал всю мою одежду и, сделав в мою сторону оскорбительный выверт, повернулся и исчез за деревами.

Достал я винтовку, выбрался на берег и думаю, что же теперь дальше будет. Все, как есть, забрал проклятый махновец.

А надо вам сказать, что с махновцами у нас хоть открытой войны еще не было, но терпели их, бандитов, красные только по случаю неимения свободных частей, чтобы изничтожить.

Ну, думаю, своих надо догонять. Подхватил винтовку и пошел краем дороги. Иду вроде как бы

Адам —кругом птички насвистывают, на лугах цветы, ну форменно как рай, только на душе тошно.

Смотрю вдруг— дорога надвое пошла. Стал я раздумывать, по которой наши прошли. Дай, думаю, поищу на земле какого-нибудь признака.

Нашел на одной дороге коробок из-под спичек, на другой — пустую обойму. И не могу никак решить, какой же признак правильный. Плюнул и пошел по той, на которой обойма.

Шел этак часа полтора — смеркаться стало. Гляжу, хутор, на завалинке бабка сидит старая.

Неловко мне в моем виде стало с вопросом подходить, к тому же и испугаться может, крик поднимет — а кто его знает, что за люди на этом хуторе.

Спрятался я за кусты, винтовку в листья сунул, сижу и ожидаю, пока затемнится. Только вдруг выбегает из ворот собачонка, прямо ко мне — как загавкает, такая сука ехидная, так и норовит за голую ногу хапнуть. Я двинул ее суком, она еще пуще. Выходит из-за ворот дядя и прямо в мою сторону — раздвинул кусты, увидел меня и аж рот разинул.

Потом спрашивает:

— А что ты есть за человек, от кого ховаешься и який у тэбе документ...

А какой у голого человека может быть документ! Отвечаю ему печальным голосом, что документа у меня нет, потому что есть я мирный житель, ограбленный неизвестными людьми.

Тогда он спрашивает:

— А какими людьми, красными или махновцами?

Я же понял всю хитрость этого вопроса, то есть что хочет человек узнать мое политическое направление. Смотрю, хата богатая, амбары крепкие — «ну, думаю, кулак, значит», и отвечаю ему:

— Красными, вот что тут недавно проходили, чтобы они сказились.

— Ну,— говорит он,— заходи вон в ту клуню, я тебе какие-нибудь шмоты вынесу. Надо же помочь своему человеку...

Сижу я в клуне, дожидаюсь. Входит опять старик и сует мне какую-то одежду. Одел я порты из дерюжины, глянул на рубаху и обмер: «Мать честная, богородица лесная, да это же моя гимнастерка!» Тот же рукав разорван, на подоле дыра — махоркой прожег, и чернильным карандашом на вороте метка обозначена. «И как,— думаю,— она сюда попала?» Хорошего ожидать от всего этого не приходится.

Хозяин в избу зовет. Иду за ним. Поставила бабка крынку молока, шматок сала отрезала и хлеба ковригу:

— Ешь!

Я ем, а сам вижу, что на окошке три винтовочных патрона валяются. В том, что валяются, конечно, ничего удивительного — в те годы земля этим добром густо пересыпана была, и ребятишки ими вместо бабок играли, и бабы из них подвески делали, и мужики по хозяйству приспособляли, а оттого у меня сердце забилось, что винтовка у меня рядом в кустах запрятана, а патронов к ней нет.

Взял я да и незаметно сунул все три штуки в карман.

— Ложись спать,— говорит хозяин.— Утром дальше пойдешь. Сын Опанас придет, он тебя утром на дорогу выведет.

Положили меня в сени, на солому, и обращаю я внимание на тот факт, что дверь изнутри на висячий замок заперли, так что не пойму я, то ли я в гостях, то ли в ловушке.

Лежу... Час проходит, а не спится мне. Потом слышу в окошке стук. Вышел тихонько хозяин, отпер дверь, и прошли мимо меня в избу теперь уже двое.

Не стерпел я — подошел к двери и слушаю...

Старик говорит:

— Слушай, сынку! Объявился у нас в кустах человек, сидит и чего-то выглядывает. Говорит, что красные его раздели,— я заманил его в хату. Хай, думаю, поспит у нас до твоего прихода.

И отвечает ему вдруг знакомым басом этот отъявленный махновец Опанас:

— А врет же он, гадюка! Это не иначе, как тот, чью одежду я сегодня забрал. И напрасно я его сразу не кончил, чтобы он не высиживал... Где он у тебя? В сенях?.. Оружия у него нету?

Как услыхал я эти слова да шаги в мою сторону — так сразу по лестнице на чердак...

Те шум учуяли; один, значит, отпирать бросился и другой с ним. А сам старик лестницу с дубиной караулит.

Я прямо с чердака махнул на землю. Как грохнет возле меня выстрел — мимо. Бросился я к кустам—за винтовкой... Никак не могу впопыхах найти сразу, а за мною бегут, с трех сторон окружают. Нащупал приклад, заложил патроны.

— Сюда! — кричит возле меня махновец.— Да не бойтесь, у него ничего нет.

Только он ко мне просунулся — так на землю и рухнулся.

А второй, думая, что это махновец стрелял, подбегает тоже и спрашивает:

— Ну что, кончил?

— Кончаю,— говорю ему, и так же в упор.

Подобрал патроны — и в хату. А папаша стоит и

результатов дожидает. Однако увидел меня при луне, закричал да ходу... Зашел я тогда в горницу. Вижу, моя шинелька висит и ботинки.

«Вашего,— думаю я,— мне не надо, а свое я дочиста заберу».

Вышел; вдруг блеснул огонь из-за кустов, и несколько дробин мне под кожу въехали.

«А,— думаю,— вот как?» Схватил с подоконника серняка, чиркнул — и в крышу... Взметнулось пламя, как птица, на волю выпущенная.

А я бросился бежать. Долго бежал. А потом остановился дух перевести.

Смотрю, а зарево все ярче и ярче. Потом грохот начался, точно перестрелка в бою... Это рвались от огня запрятанные в доме патроны...

Махнул я рукой и подумал:

«Пропади ты пропадом, бандитское гнездо!» Повернулся и пошел дальше в опасный путь, на дорогу выбиваться, своих разыскивать.

1927 г.

ПЕРЕБЕЖЧИКИ

Я только что сел за поданный доброй хозяйкой ломоть горячего хлеба с молоком, как в дверь с шумом ворвался подчасок и крикнул:

— Товарищ командир! Подбираются белые, прямо так по дороге и прут человек двадцать.

Я выскочил. Пост был шагах в сорока, у стены кладбища. Первый взвод уже рассыпался вдоль каменной ограды, и пулеметчик, вдернув ленту, сказал:

— Эк прут! От луны светло, всех дураков тремя очередями снять можно. Разреши, товарищ командир, пропустить пол-ленты...

— Погоди,— ответил я,— тут что-то дело не то. Уж не перебежчики ли это? Смотри, вон все остановились, а двое вперед вышли.

Два человека, отделившись, шли прямо на нас; на полпути они поснимали шапки и подняли их на штыки винтовок.

«Парламентеры от перебежчиков»,— решил я окончательно и крикнул:

— Ребята, осторожней с винтовками, не то отпугнете выстрелом!

Парламентеры были рядом, их окликнули.

— Товарищи,— раздался в ответ крик,— товарищи, не стреляйте! Мы свои, мы перебежчики, мы к вам.

Их окружили, расспрашивали быстро, коротко.

— Сколько?

— Восемнадцать! Один раненый.

— Откуда?

— Из четырнадцатого крестьянского.

— Пускай остальные подходят. Винтовки возле той березы побросайте — живо...

Оба во весь дух понеслись обратно. Красноармейцы, столпившись кучею, топтались по снегу и с любопытством смотрели, что будет дальше.

— Смотри-ка, тащат что-то!

— Говорили, что раненый.

— Как бы не «максимку», а то как полыснут, вот тебе и будет раненый.

— Не полыснут. Видите, винтовки бросать начинают.

Теперь видно было, как перебежчики, поравнявшись с березой, остановились, разом — подчеркнуто, четко — подняли винтовки и пошвыряли далеко в стороны.

— Эх, вот дурачье-то! Сложили бы на дороге, а то кто за ними подбирать будет?

Подошли. Началась суета.

— Где раненый?

— Давай сюда...

— Стой, занеси в избу, да осторожней, не бревно, чай.

— Давай под голову шинель... или нет, тащи от хозяйки полушубок.

Пришел лекпом и гаркнул басом:

— А ну, выметайтесь лишние... Что-о?! Посмотреть?! Когда сам пулю получишь, тогда и посмотришь.

Раненый был без сознания.

— Как? — спросил я лекпома.

— Плох,— покачал головой тот.— Пробито легкое...

Я вышел на улицу. По дороге встретил комиссара полка.

— Зайдем, — сказал он мне, — сейчас с перебежчиками разговаривать буду.

Зашли. Все разом поднялись.

— Сидите,— сказал комиссар добродушно и удивленно.— Что я вам, генерал, что ли?

Разговор сначала не завязывался, перебежчики отвечали коротко и односложно, как будто бы боялись лишним необдуманным словом навлечь на себя гнев.

— Так зачем же вы, братцы, перебегали? — хитро сощурившись, спросил комиссар.— Служба, что ли, там хуже или хлеба меньше дают? Так и у нас ведь не больно разъешься.

По-видимому, последнее замечание задело кое-кого за живое, потому что несколько голосов ответили горячо, оправдываясь:

— Тут дело не в пайку.

— Нам с ними нет интереса.

— Они за свое, а мы за свое.

— У их офицеры лютые, хуже, чем при режиме.

Завязалась оживленная беседа. Перебежчики расспрашивали и рассказывали сами.

— У них Буденного дюже боятся, говорят, что будто беглый каторжник посадил на коней арестантов и носится.

— Так что же они от каторжника утекают?

— Они говорят, что это только для видимости, как бы заманивают его на Кубань, а там казаки им покажут...

— А кто это раненый у вас? — спросил я.— Где его?..

Отвечало сразу несколько голосов:

— Так это же отделенный наш!

— Самый главный во всем этом. Из-за него, можно сказать, перебегли мы. Сам он казак, однако всегда сговаривал нас, чтобы перебежать. Мы всё не решались, наконец сегодня говорит прямо: «Если вы не хотите, перебегу один». Ну, мы согласились, когда уж такое дело,— собрались и пошли под видом разведки. Только-только заставу перешли, откуда ни возьмись, ротный на коне, посты проверял. Взяло его подозрение, какая такая разведка. «А ну, марш по домам!» Мы было заколебались, а отделенный наш возьми вскинь винтовку да как грохнет по офицеру, тот так и тюкнулся.

Ну, мы видим — ворочаться поздно. Давай ходу. Застава по нам огонь открыла, мы по ней. Совсем было за бугор забежали, да вздумалось ему еще раз по белым стрельнуть. Только остановился, как его пулей и прихватило. Подхватили мы его и понесли. Дорогой

память ему отшибать стало, и все просился: «Братцы, донесите до товарищей! Не могу на белой земле помирать, хочу к своим».

Крови много вышло, помрет, должно быть... Так хотел с красными заодно, а не пришлось, видно.

И глухо поддакнула с горечью вся изба:

— Так хотел, а не пришлось...

Я вышел на улицу. Было морозно и тихо. Зашел в избу к раненому.

— Плох,— сказал мне стоявший возле него полковой доктор,— совсем плох...

Лампа бросала тусклый, помертвевший свет. Раненый лежал раскинувшись и полузакрыв глаза.

— Товарищи,— прошептал вдруг он запекшимися губами.— Товарищи!

— Да, да, товарищи,— успокаивая, ответил я.

Нечто вроде слабой, больной улыбки разлилось по его лицу, и он прошептал опять:

— Я тоже ваш...

Потом замолчал, откинулся назад, гневно забормотал что-то несвязное, непонятное, какую-то невысказанную угрозу невидимому врагу, и розоватой, окрашенной кровью пеною окрасились уголки его запекшихся губ.

Я вышел и пошел потихоньку к окраине деревушки.

«Да, ты тоже красный, ты тоже наш,— подумал я.— Кровью и жизнью заплативший за право быть в рядах лучших из нас. А это дорогая, очень дорогая цена, которую сможет дать далеко не всякий».

Возле крайнего домика я остановился и оглянулся.

Бледный круг, спутник сильного мороза, широко охватывал небо возле яркой зимней луны. Молчали скованные снежным покоем поля, застывшие в безвет-

рии. И дорога, по которой лежал наш завтрашний путь, убегала вдаль, изгибаясь, и терялась у смутного горизонта, там, где черный лес окаменел тайною и красные звезды спускались над сугробами низко.

1927 г.

ГИБЕЛЬ 4-й РОТЫ

На днях я прочитал в газете извещение о смерти Якова Берсенева. Я давно уже потерял его из вида, и, просмотрев газету, я был удивлен не столько тем, что он умер, сколько тем, как еще он смог прожить до сих пор, имея не менее шести ран — сломанные ребра и совершенно отбитые прикладами легкие.

Теперь, когда он умер, можно написать всю правду о гибели 4-й роты. И не потому, чтобы не хотелось раньше это сделать из-за боязни или других каких соображений, а только потому, что не хотелось лишний раз причинять никчемную боль главному виновнику разгрома, но в то же время хорошему парню, в числе многих других жестоко поплатившемуся за свое самоволие и недисциплинированность.

Было это дело у Черной долины, в Таврии, на маленьком полустанке, имя которого затерялось у меня в памяти. Нашей 4-й роте поручено было охранять участок железной дороги возле бандитского гнезда Бакалеевки, из центра которого постоянно выделялись отряды, разрушившие возле полустанка железнодорожное полотно.

За неделю у нас было несколько мелких стычек и перестрелок. Рота наша была крепкая, дружная, но немного своевольная и недисциплинированная.

И одним из самых отчаянных и в то же время неорганизованных бойцов был Яков Берсенев — преж-

ний махновец, однако окончательно перешедший на сторону красных.

Он никак не мог освоиться с мыслью, что рота — это не сборище отчаянных бойцов-одиночек, а боевая единица, врученная в командование нашему начальнику.

Он всегда говорил:

— Что мне начальник? У меня своя винтовка, свои глаза, я и сам вижу, что можно, что нельзя, что важно и что неважно.

Или говорил:

— В бою командир мне не нужен — в наступление я иду без погонялки, а отступать мне хоть двадцать командиров приказывай, я все равно не буду, пока сам не увижу, что больше нет никакой возможности держаться...

И так вышло.

Прибежал после обеда парень из Бакалеи — растрепанный, руки плетью висят, тело пулей прохвачено, и говорит:

— Беда, товарищи,— в ночь сегодня окружат вас. Прибыл в Бакалею отряд под командой самого Корша — человек триста... Окружат они сегодня полустанок и перебьют вас всех.

— Ну, это мы еще посмотрим,— сказал начальник и подошел к телефону, повернул рукоятку, а звонка и нет — перерезан провод.

Дал он тогда пакет ординарцу и велел ему скакать в штаб за шесть верст.

И приказывает он одному отделению остаться на полустанке — окопаться с пулеметом и открыть бешеную стрельбу, едва только начнет наступать банда, а сам собрал остальных людей и вывел за полверсты в рощу, что стояла на бугорке, с тем, что, когда

сомкнется банда возле полустанка, ударить ей неожиданно всеми силами в тыл.

Прискакал ординарец и передал, что выделить в помощь пехоты нисколько нельзя, но зато в трех верстах — в Раменском — выставляется батарея, которая откроет ураганный огонь, едва только Корш ворвется на полустанок, а потому отделению, завязав перестрелку, тотчас же отойти в рощу, а оттуда уже после артиллерийской подготовки вместе со всеми ударить в раскрытого обстрелом врага.

Ночь наступила тревожная... Лежали мы, не смыкая глаз и руки от затвора не отпуская.

И вдруг совершенно неожиданно прибегают с северного секрета ребята и сообщают, что банды не берут в полукольцо с юга полустанок, а густыми цепями движутся с севера — очевидно, с тем, чтобы отрезать нам путь к отступлению, разъединить с полком и отогнать в сторону бандитских Бакалей.

Обстановка совершенно изменилась. Начальник, чтобы не поднимать паники, не объяснял всем причины — срочно выдвинул всех людей опять на полустанок, густо рассыпал по полотну цепь и сказал:

— Берсенев, ты надежный парень, лети стрелой с этим пакетом и передай его на батарею в Раменское.

— Я с товарищами в бой хочу,— сказал Берсенев.— Отдай пакет кому-нибудь из обозников, а я когда все в бою, то не хочу от других отставать....

— Берсенев! — крикнул командир.— Не рассуждать, живо, чтобы пакет был доставлен.

Берсенев взял, молча сунул пакет за пазуху и исчез.

Я был при этом разговоре и знал содержание пакета со слов начальника — в нем командир батареи предупреждался, что мы на станции, а банда наступает со стороны рощи.

Полчаса спустя командир второго взвода донес, что трех человек в его взводе не хватает.

Еще десять минут спустя явился сам Берсенев с ребятами. Он вел с собою двух связанных бандитов.

— По дороге захватили,— горделиво сказал Берсенев.

— По дороге? Туда или обратно? — крикнул взволнованно командир роты.

— Конечно, туда... Мы целые полчаса за ними крались, чтобы втихую захватить.

— Берсенев! — крикнул командир роты, побледнев.— Значит, пакет еще у тебя?

— В целости. Не упускать же было бандитов, их для допроса может...— И он горделиво посмотрел, ожидая всеобщего одобрения.

Начальник выхватил тогда наган и крикнул:

— Негодяй! Ты понимаешь, что ты наделал своим своевольством?

И, вероятно, застрелил бы остолбеневшего Берсенева, как в это мгновение загрохотали выстрелы.

Наша цепь ответила дружным огнем из винтовок и трех пулеметов. Бандиты залегли. Началась перестрелка.

Мы были крепко защищены валом насыпи, до нас было нелегко добраться, и вдруг случилось то, что должно было случиться. Наша батарея, не получив уведомления об изменившейся обстановке, убийственными залпами шести орудий забила по полустанку.

Расстреливаемая с фронта бандитами, с фланга — своею же артиллерией, наша цепь не имела никаких сил держаться. В течение двадцати минут половина была уже выведена из строя. Остальные начали беспорядочно отступать на Бакалею. Как раз рассвело. Командир батареи, наблюдая в бинокль, был

твердо уверен, что это бандиты отступают к своему гнезду, и открыл заградительный огонь.

Последнее, что я помню, это то, что Берсенев, оказавшийся у меня под боком, вдруг упал.

— Нога прохвачена,— сказал он, стиснув зубы, и потом добавил: — Что я наделал, за что я ребят погубил? — и упал на землю, закрыв лицо руками.

Дальше я и сам ничего не помню.

1927 г.

БОМБА

Сережа Чумаков рассказывал:

— Ведь вот, ежели так спросишь: «Что у тебя в бою самое главное, то есть чем ты врага побеждаешь и наносишь ему урон?» — подумает человек и ответит: «Винтовкою... Ну, или пулеметом, орудием... Вообще смотря по роду оружия».

А я так с этим не совсем согласен. Конечно, от оружия никто его качеств не отнимает, но все-таки всякое оружие есть мертвая вещь. Само оно действия не имеет, и вся главная сила в человеке заключается, как человек себя поставит и насколько он владеть собой может.

А иному дурню дай хоть танк, он и танк бросит по трусости, и машину погубит, и сам ни за что пропадет, хотя мог бы еще отбиться чем попало.

Я это к тому говорю, что ежели ты, например, отбился от своих, или патроны расстрелял, или даже без винтовки остался — это еще не есть тебе причина повесить голову, пасть духом и решить на милость врага отдаться. Нет! Смотри кругом, изобрети что-нибудь, вывернись, только не теряй головы.

Винтовку потерял — плохо. Голову — еще хуже.

Помню, я очнулся после взрыва. Снарядом в каменный дом угодило. Повернулся осторожно — ну, думаю, наверняка либо ноги, либо еще какой части тела не хватает,— нет, все на своем месте. Все на своем месте — значит, дело еще мое не пропащее. Смотрю, винтовка моя рядом лежит, вся искорежена, то есть в полной негодности: приклад расщеплен, коробка сорвана, а затвор хоть кирпичом колоти — не откроешь. «Ну,— думаю я,— плохо мне без оружия!» Стал осматриваться, вижу, на полу бомба лежит — русская, бутылочная. Поднял я ее, покачал головой и хотел было уже выбросить, но сунул на всякий случай в карман.

Только я хотел выходить из дома, как слышу — внизу по лестнице шум. Высунул я сверху голову и вижу, что подымаются ко мне наверх трое белых.

А пропадать страсть как была неохота, и скакать из окошка третьего этажа вниз тоже неохота. И решил я: а, была не была! Вынул бомбу из кармана и гаркнул сверху:

— Бросай винтовки, а то всю лестницу бомбами забросаю!

А они внизу, проход узкий, деваться некуда. Однако стали как столбы и винтовки не бросают и пошевелиться боятся, потому что рука моя с бомбой прямо над ихними головами болтается.

— Бросай,— кричу я им,— или же я кидаю бомбу!

Ну, побросали. Тогда велел я им отойти в сторону, взял одну винтовку, а у двух остальных затворы повынул, да и вниз. Внизу еще с одним столкнулся, ну, да того просто прикладом по башке с разлету оглушил, а сам в кусты, только меня и видели.

Вот видите, выходит, что ежели без оружия даже, а и то, когда не растеряешься, вывернуться можно.

— Так как же, Сережа, без оружия? — спросил у Чумакова кто-то.—А бомба—разве же это не оружие?

— Бомба-то? — И Чумаков насмешливо присвистнул.— Так у бомбы, брат, вовсе капсуля не было, и я ее заместо кирпича в руке держал. Этакой бомбой кошку с одного раза не убьешь, а не то что враз троих человек... Нет уж, брат, ты мне не говори, бомба тут ни при чем была, а все дело было в решительности и находчивости.

1927 г.

НИКЧЕМНАЯ СМЕРТЬ

Здравствуй, дорогая, пишу тебе из действующей армии, все из того же из славного 113-го полка. А местность, откуда пишу, не указываю, потому что опасаюсь, как бы не перехватила это письмо вражья сила и не использовала мое указание во вред пролетариату.

Чем тебя порадовать, не знаю. Двигаемся мы вперед, как плуг по целине. То есть с таким напряжением пласты белогвардейщины переворачиваем — сказать трудно. Но зато когда уже перевернем, то баста — лягут и не встают. Этак, знаешь, одну десятину обработать — вспотеешь, а мы на такой манер уже третью сотню верст перемахиваем.

Есть у меня новость, но такая, что лучше бы ей и не быть вовсе. Погиб навеки Алешка Пастухов, и передай ты об этом его матери, а самому мне написать ей — рука не подымается. Погиб он, надо сказать, без толку, из-за собственной глупости.

Много у нас храбрых и неустрашимых бойцов в полку, которые в тяжелый час в лицо могиле смотрят не сощуриваясь да еще с издевкой. Но одно дело храб-

рость, когда есть ее на чем с пользой проявить, другое — когда без толку рискует человек и хвалится, например, перед товарищами, что нарочно встанет во весь рост в цепи и будет стоять под пулями, когда и стоять-то вовсе не к чему — только врагу лишний прицел да своему бахвальству раздолье.

Нечего греха таить, есть еще у нас много таких бестолковых ребят на фронте. Один начнет из боевого патрона мундштук вытачивать, другой из алюминиевой головки шрапнельного снаряда ложку в песке отливает, третий хвалится на пироксилиновой шашке котелок с водой вскипятить, а четвертый еще какую-нибудь блажь выдумывает.

И сколько раз было по полку и по роте строгое приказание: оставить эти фокусы, особенно не совать нос внутрь неизвестных веществ и незнакомых снарядов. Только не все слушались. Вот тебе и пример...

Сидели мы в хате вчетвером. Пришел Алешка и притащил с собой этакий маленький снарядик, вроде как бы игрушечный, как нам потом сказали, от бронебойной пушки «Маклена». А таких снарядиков мы никогда еще до сих пор не видели. Поставил его на стол Алешка, взял отвертку и начал что-то орудовать. Я ему говорю: «Что ты орудуешь? Брось это занятие... Зачем берешься разбирать вещь, систему которой не знаешь?»

А он смеется:

— Тут,— говорит,— и знать нечего. А вы что, испугались, что ли?

Увидали ребята, что человека словом не проймешь. Один тихонько поднялся — якобы из избы в штаб ему сходить надо, двое — будто бы оправиться. А я так прямо и сказал:

— Может, оно ничего от снарядика не будет, а все-

таки не хочу я даже на один процент из-за глупости рисковать.

Взял плюнул и предупредил, что пойду к взводному доложу.

А он в ответ на это обругал меня трусом и шкурой.

Не успел я дойти до взводного, как грохнет вдруг позади. Гляжу—у избы все стекла повылетели и дым из окон валит. Тут со всех сторон ребята повыскочили: думали, белые обстрел начали. Разобрали, в чем дело, и поперли в избу.

Смотрим мы—был Алешка, и нет Алешки. Так ничего даже в избе на месте не осталось—все переворотило.

Вот и все о его смерти. Парень, нечего говорить, смелый был, боец хороший. Но какой же смысл от его смелости получился? Никакого. Так вроде как бы прыгнул нарочно в воду с моста человек и потонул. Ни товарищей этим не выручил, ни врагу урона не нанес, а так — доказал только свою удаль никчемную.

1928 г.

ИЗ ПОЭМЫ „ПУЛЕМЕТНАЯ ПУРГА“

Еще и еще раз в эти метельные дни
Надо вспомнить о том, что прошло.
Как в пурге пулеметной трехдюймовок огни
Зажигались светло.
Опоясанные лентой ружейных патрон,
Через пепел, огни и преграды,
От Урала до Киева,
Со всех сторон,
Торопясь, собирались бригады.
В те дни паровозов хриплые гудки
Гудели у Донбасса, Каспия, Волги.
Были версты тогда коротки,
Но зато
Были схватки долги.
И в патронах вместо свинца
Был заряд огневого задора,
А глаза солдат в обоймах лица
Зажигались огнями, как порох.
И тогда, в метельные дни,
Когда солнце бронь снега било,
По снегу куда ни взгляни —
Эшелоны да цепи... Дым, шинельная Русь,
Казачье седло...

И усадьбы ничьи, и поместья ничьи,
А по талому снегу — кровяные ручьи.
По ночам — от пожаров светло.
И вот, разделенный баррикадами лет,
Веков,
Помню я февральский дым,
Батальоны с винтовками без штыков,
Которые тянулись, не гнулись, а шли.
Шли и жгли...
Путали левую ногу с правой,
Катились ручьями, потоками, лавой.
Пели «Варшавянку», «Березоньку», «Соловья»,
Пулеметным гиканьем пугали пургу.
Хохотали в зеленые глаза офицерскому сброду:
— Идешь ты, иду и я!
— Куда?
— В огонь, в воду... на черта, на дьявола,
Если он будет ставить революции преграды.—
И вот
Полк за полком — бригада,
Наконец, дивизии, рожденные в зареве дымных зорь.
— Белый, сдавайся, офицер, не спорь...
С плеч прочь погоны, палач! —
Офицер на коня... Офицер вскачь —
В черных черкесках, в зеленых бешметах,
В сердце ненависть, в душе страх.
И мчались офицеры ото всех сторон
Туда, где орлы о двух головах,
Туда,
Где казаки, где Дон.
Так, в пулеметной пурге,
На две половины хряснул край,
И гаркнул кто-то с Дона властно:
— Это мое! —

Но гневно в ответ
Крикнула кровью Красная:
— Это наше... Отдай!
Не хочешь?
Точишь нож в спину из офицерских отрядов?
Все равно — нас миллионы —
Отдашь!
Эй, справа, поротно, побатальонно...
Без штыков в штыковую атаку
Марш, ма-а-р-ш!

1926 г.

КАВАЛЕРИЙСКАЯ ПОХОДНАЯ

Травы наземь клонятся,
Ветер тучи рвет,
А по степи конница
Красная идет.
  Пылью придорожною
  Затуманен взор,
  С вестью к нам тревожною
  Прискакал дозор.
— Эй вы, кони-птицы!
Ну-ка, с шага в рысь...
К западным границам
Тучи собрались.
  Странный шум нам слышен
  С вражьей стороны,
  Что-то ветер дышит
  Запахом войны.—
Отвечал ребятам
Командир седой:

— Красные солдаты
Все готовы в бой.
    Скатки приторочены,
    Пики на весу,
    Сабли поотточены,
    Кони — понесут.
Смелости немало
Позапасено,
Красного сигнала
Ждем мы день и ночь. —
    Травы наземь клонятся,
    Сталь звенит о сталь,
    Это рысью конница
    Унеслася вдаль...

1927 г.

ПИСЬМО

Шелестел над речкой
Осенью тростник.
Говорил товарищам
Парень-отпускник:
— Службу отслужил я,
И домой пора.
Получил от милой
Я письмо вчера.
Пишет, что в деревне
Крепок урожай.
«Новые лепешки
Кушать приезжай».
Будто бы родилось
Крупное зерно.
Пишет, что заждалась,

Глядючи в окно...
Ей письмо последнее
Отослал свое,
Что на той неделе
Буду у нее.
Что с тех пор как с призывом
В город уезжал,
Многим изменился я,
Многое узнал.
«Будешь мне женою,
Но не забывай,
Что в селе работы
Непочатый край.
И, когда вернуся
Я к тебе домой,
Верю, что в работе
Будешь ты со мной».

1927 г.

НАБЛЮДАТЕЛЬ

— Товарищ Сергеев,— сказал комбат,—
Снарядов полет не виден,
Попробуй взберися на этот дуб,
Быть может, и что-нибудь выйдет.

И вот к верхушке в густую листву
Ползет наблюдатель скорее...
— Готово... вижу.— А в ответ ему
Команда:
— Огонь... бат-тар-рея! —

Рвануло... Завыла железная смерть.
А по дубу в ответ пулемет...
И крикнул Сергеев, наморщив лоб:
— Двести шагов недолет!

Опять внизу рванулась сталь,
А пуля за пулей у виска поет.
— Слезай! — наблюдателю снизу кричат.
А он:
— Сто шагов перелет!

Пуля железной пчелой ужалила,
Когда рявкнул третий залп.
Судорожно вздрогнул наблюдатель, падая,
Крепко навек закрывая глаза.

Но, прежде чем упасть к земле,
Крикнул он, торжествуя, четко:
— Батарея кроет прямо в цель,
Давай по белым без счета!

1927 г.

НАШ ОТРЯД

Наша деревенька
В поле затерялась,
В нашей деревеньке
Только три двора.
Как-то ранним утром
Кучкою собралась,

Игры затевая,
Наша детвора.
Мой братишка Миша,
Лет шести от роду,
Выстроил девчонок,
Выстроил ребят.
Говорил мальчишкам:
— Будете вы взводом.—
А девчатам:
— «Первой помощи» отряд.—
В барабан не били,
В трубы не гудели,
Вместо музыкантов
Васька дул в дуду.
Из окошек деды
Старые глядели,
Как по деревеньке
«Красные» идут.
Ой ты, поле, поле,
Сиро и убого,
Слева косогоры,
Справа камыши.
Только было солнце
Да задору много,
Как маршировали
В поле малыши.
Парень перед кучкой
О походах смелых
Говорил ребятам,
Как он воевал.
Как Буденный красный
Бил нещадно белых
И как Врангель черный
Перекоп сдавал.

Огоньками жарко
Взгляды загорались,
Лучше всякой сказки
Повесть о былом.
В сказке все нарочно,
В сказке всё наврали —
Здесь же только правда,
Только, что прошло.
Наша деревенька
В поле затерялась,
В нашей деревеньке
Только три двора,
И, как колос солнцем
Спеет наливаясь,
В ней растет и крепнет
Маленький отряд.

1927 г.

ПРОХОЖИЙ

Пьеса в двух картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Крестьянин
Старуха
Прохожий
Дубов, командир партизанского отряда
Офицер белой армии
Вахромеев, его ординарец
Писарь
Партизаны

Действие происходит во времена гражданской войны.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Внутренность крестьянской избы. Русская печь, стол, скамейка. За столом писарь, сидит, склонившись над бумагами. Офицер стоит рядом, опершись рукой на стол.

Офицер. Донеси: я с эскадроном в шестьдесят клинков занял без боя деревню Туманово. Партизанский отряд красных под командой шахтера Дубова пока не обнаружен.

Под окном голоса, шум.

Ищу оружие. Веду обыск, допрос, разведку. Всё! Можешь идти.

Писарь уходит. Входит ординарец.

Офицер. Почему шум? Что там? Базар? Свадьба?

Ординарец. Народ для допроса пригнали, ваше благородие. Люди, я прямо скажу, вредные. Мне одна старуха нахально в личность плюнула. Прикажите ввести, ваше благородие?

Офицер. Давай по очереди. Стой! Почему у тебя сапоги известкой заляпаны?

Ординарец. Сметана, ваше благородие! Как, значит, бывши на поисках оружия, раздавил я впотьмах крынку. Она же, старая ведьма, подняла тревогу и плюет на меня, как из пулемета. Вы с ней поаккуратнее, ваше благородие: она и на вас плевнуть может.

Офицер *(спокойно)*. Застрелю на месте. Давай пропускай по очереди. *(Садится за стол, подвигает бумагу и пишет.)*

Отворилась дверь. Втолкнули мужика, и он летит прямо к столу.

Офицер *(отшатываясь и вынимая наган)*. Стой! Куда прешь? Отойди к порогу!

Мужик. Солдат пинком тыркнул, ваше благородие... А то нешто я сам как войти не знаю?

Офицер. Ну и что же, что тыркнул! А ты входи прямо, спокойно. Здесь тебе не цирк и не танцы. *(Пауза.)* Нам донесли, что в вашей деревне есть оружие, которое вы прячете, чтобы передать партизанскому отряду Дубова. Отвечай: где спрятаны винтовки, пулеметы, бомбы? Да смотри, мы всю землю перероем, а все равно разыщем.

М у ж и к. Ваше благородие! Да зачем зря силу тратить? И мы и деды наши вокруг этого места, почитай, двести лет землю роем, а про такое и не слыхали. Плиту чугунную на пашне однажды выворотили, это было. Яму под оврагом нашли. Там—горшки, черепки, камень и скелет старинного вида! А чтобы пушка, аэроплан или хотя бы ружье попалось — этого в нашей почве нету.

О ф и ц е р *(ударив мужика нагайкой)*. Я с тобой поговорю! Я тебе прикажу всыпать шомполами, так ты у меня и сам превратишься в скелет старинного вида! *(Кричит.)* Вахромеев!

О р д и н а р е ц *(входит)*. Здесь, ваше благородие!

О ф и ц е р. Отведи этого мужика и прикажи запереть *(смотрит в окно)* вот сюда, в церковь. Там и двери тяжелые и решетки железные. С ним допрос будет особый!

О р д и н а р е ц уводит м у ж и к а и сейчас же выталкивает из-за двери с т а р у ш к у с клюкой.

О ф и ц е р. Это ты, убогая, на моего солдата плюнула? Да, тебя дожидаючись на том свете, черти семь крюков наточили, а ты все еще безобразничаешь!

С т а р у х а. Я, батюшка! Я! Такой солдат окаянный! Лезет в погреб. Какую-то ружье спрашивает, а сам сапожищем как в крынку сметаны двинет! Ну, я и согрешила, батюшка. Прямо так в морду ему и плюнула!

О ф и ц е р. Поп тебе батюшка, а я — офицер. Наши солдаты ищут оружие. Говори: где спрятаны винтовки, патроны, бомбы?

С т а р у х а. Бомб у меня нет, батюшка. В той-то кадушке, что под лесенкой, огурцы малосольные. А в другой капуста. Ты б его наказал, батюшка! Такой

солдат непутевый! Давай в огурцы саблей тыкать. Мать моя! Гляди, чуть кадку не продырявил. Ты уж, если такой приказ вышел, ищи аккуратно. Ты спроси у меня ложку, половник, сядь и перебирай в мисочку. А он же, ваше благородие, схватил железу и давай тыкать.

Офицер медленно поднимает наган на старуху.

Да ты что, золотой, так на меня уставился? Я не икона.

Офицер. Дура! Это наган... Оружие. Я вот сейчас надавлю пальцем *(показывает)*, отсюда огонь ударит, пуля выскочит — и ты... будешь мертвая.

Старуха. И, батюшка! Скажешь тоже, не подумавши! Да за что же она, пуля, в меня скакать будет? Твой солдат мне в погребе убыток наделал, да я ж еще виновата!

Входит ординарец и делает офицеру загадочные знаки.

Офицер. Тебе что?

Ординарец *(тихо)*. Прохожий, ваше благородие. Имеет стремление к неотложному сообщению.

Офицер. Веди!

Ординарец. А эту? *(Показывает на старуху.)*

Офицер. Гони со двора нагайкой. Или нет: запри ее тоже в церковь. Пусть лучше убогая грехи замаливает, а то сейчас пойдет звонить по деревне.

Ординарец *(старухе)*. Идем! *(Опасливо заслоняет лицо ладонью.)* Ишь ты! Так и глядит, так и глядит мне в личность. Это она, ваше благородие, еще плевнуть на меня хочет!

Уходит вместе со старухой.
Осторожно входит прохожий с сумкой. Оглядывается и крестится на иконы.

Офицер *(нетерпеливо)*. Ладно, ладно! Здесь тебе не обедня. Что за человек? И чего тебе надо?

Прохожий. Сирота, ваше благородие. Житель деревни Кostриковой. Будучи изгнан с родного пепелища декретом красных, бежал искать пристанища и защиты.

Офицер. Гм! А велико ли было твое пепелище?

Прохожий. Две лавки да один трактир, ваше благородие! Лишен всего во мгновение ока.

Офицер. И что же ты, сирота, от меня хочешь? Уж не думаешь ли ты, что так и кинемся мы отбивать твой трактир и лавки? У нас дела поважнее: нам Москву занимать надо.

Прохожий. В добрый час, ваше благородие! Однако же Москва от вас пока далеко, а вот дубовские партизаны близко.

Офицер. Где близко? Говори коротко, ясно. Понятно?

Прохожий. Дитя малое и то поймет. Иду я по Синявской дороге...

Офицер показывает направление, прохожий повторяет жест.

Дай, думаю, искупаюсь. И свернул к мосту.

Офицер рукой показывает направление, прохожий повторяет движение офицера.

А тут такой ракитничек, кусточки, кусточки. Вдруг: «Стой!» Выходят три молодца при полном оружии, и стали они меня спрашивать: «Много ли на Тумашовой деревне вооружения? И какое там стоит войско?» Я им и говорю: «Войско стоит небольшое — человек двадцать. Вооружение обыкновенное. Пулемета не видел».

Офицер *(подозрительно)*. А зачем сказал мало? Почему не соврал — триста... четыреста...

Прохожий. Ваше благородие, на четыреста Дубову не подняться, когда у него человек с полсотни, не больше, а так, проведавши про малую вашу силу,

как хищные звери наскочат они к рассвету. Тут вы их всех и положите.

Офицер. Почему к рассвету? Разве они тебе это сказали?

Прохожий. Не сказали, но таков их закон природы, ваше благородие. Коршун бьет птицу из-под солнца. Волк ползет к загону под месяцем. А партизан вашего брата на заре губит. Иной солдат ночь не спал. Иной как раз загрустил с похмелья. А иному шибанет в голову какая-нибудь греза... сновидение. Вот тут-то они и ата-та-та, голубчики!

Офицер. Гм! Так ты хочешь, чтобы мы устроили им засаду? Хитер ты, я вижу, сирота, да не знаю, как тебе верить.

Прохожий. Ваше благородие, а вы возьмите к себе в залог мою душу и тело! Моя правда — мне почет, а нет — так делайте со мною что хотите.

Офицер. Ну смотри! Душа мне твоя не нужна, а уж с телом... в случае чего, мы разберемся. Я тебя запру. Там сидят уже двое, а ты около них вертись да потихоньку слушай, слушай... *(Пауза.)* Прячут здесь где-то оружие для Дубова... Крепко запрятали! *(Пауза.)* Эй, Вахромеев!

Ординарец *(входит)*. Здесь, ваше благородие!

Офицер. Отведи этого человека и запри в церковь.

Ординарец. Слушаюсь, ваше благородие!

Прохожий *(ординарцу)*. Ты, солдат, когда будешь вести меня мимо народа, дай мне раза два в шею, чтобы, значит, не было у людей на меня подозрения.

Ординарец *(к офицеру)*. Дать, ваше благородие?

Офицер. Ну, дай, если человек просит.

Прохожий. Да ты смотри, голова, бей только для виду. Ты кулаком бей. А то еще долбанешь прикладом, так потом и не встанешь.

Уходит с ординарцем.

Входит писарь с мешком. Вываливает на пол все содержимое мешка: сломанное ружье, ржавая, без ножен сабля, пустой стакан от снаряда, пустые обоймы.

Офицер. И это все?

Писарь. Все, ваше благородие. Оружие... конечно, боевого смысла не имеет. Разве вот... сабля.

Офицер. Выкинь, дурак, на помойку и позови ко мне остальных командиров... *(Стукнул кулаком по столу.)* Ничего! Дело будет!

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Угол возле двери внутри церкви. Решетчатое окно. На стене намалеваны бесы, которые волокут в пекло упирающегося грешника. Перед стеной лампада и аналой. Мужик спит. Бабка зажигает свечные огарки. Прохожий нетерпеливо ходит взад и вперед. Он то заглядывает в окно, то голову задирает кверху. Наконец берет аналой, подтаскивает его к окошку и примеряет то одним, то другим боком.

Старуха. И что ты, неспокойный человек, ходишь, толчешься? Ну зачем ты аналой с места на место воротишь?

Прохожий. К свечам поближе, бабуся. Я сейчас «двенадцать апостолов» читать буду.

Старуха. И то, читай! Глядишь, ночь пройдет быстро.

Прохожий *(смотрит в окно)*. Уже проходит! Заря близко. *(Подходит и осматривает наружную дверь. Подумав, осторожно задвигает засов.)*

Старуха *(с тревогой)*. Ты почто, человек, засовом торкаешь? Солдат услышит — рассердится.

Прохожий. Молиться буду, бабуся. Не люблю, чтобы во время святыя молитвы лишний народ толкался. *(Прислушивается и громко вопит.)* Помилуй мя, господи, и во благости своей прости мне прегрешения!

В дверь стучат прикладом. Голос за дверью: «Эй, там! Я вот во благости своей пущу пулю, тогда замолкнешь!»

Старуха *(сердито)*. Ты, прохожий, молись тихо! Ты скромно молись. А то, как бык, рявкаешь. Пустой ты, я на тебя посмотрю, человек. Так... все зря суетишься.

Прохожий вынимает из сумки длинную веревку и старательно завязывает петлю.

Ну почто ты, скажи, из мешка веревку вытянул? Здесь не лабаз, не чердак, а церьква, место тихое. Ой, смотри, если ты что плохое задумал! На том свете взыщется! *(Показывает на стену.)* Глянь-ка, как они, черти, грешника в пекло тянут. Иной черт за руки тянет, иной за волосья. А он, видишь, не идет, упирается..

Прохожий. Бабуся...

Старуха. Ну?

Прохожий. Сделай божескую милость, помолчи хоть немного. Здесь не базар, а церьква, место тихое. А ты тарахтишь, как сорока *(показывает на спящего мужика)*, вон человеку спать мешаешь. *(Взяв веревку, уходит куда-то в глубь церкви.)*

Старуха *(дергает за рукав сонного мужика)*. Василий, а Василий!

Мужик *(сквозь сон)*. Ну?

Старуха. Поди, Василий, глянь на прохожего.

Мужик. А что на него глядеть? Не картина.

Старуха. А он, Василий, не в себе, что ли. Все ходит, ходит, а сам этак руками, руками. Вот теперь веревку из мешка вытянул, петлю завязал и ушел. Как бы, думаю, греха не было. Еще возьмет да в храме и удавится.

Мужик *(равнодушно)*. Пусть давится. Все равно хорошего житья нету. *(Трогает себя за плечо.)* Эк офицер меня нагайкой срезал! *(Опускает голову.)* Спи, баба! Заря близко. *(Засыпает.)*

Старуха *(встает, подходит к окошку)*. И то, светает! *(Смотрит в окно.)* Батюшки, а солдаты-то, солдаты! Коней ведут... седлают... запрягают... Унеси ты, господи, эту нечистую силу! *(Отходит от окна. Становится на колени и молится.)*

Издалека доносится ржание коней, негромкие голоса. Сверху на веревке тихо опускается к полу пулемет. Пулемет ударяется об пол. Старуха оглядывается.

Увидев пулемет, бросается к мужику и будит его.

Быстро входит прохожий. В правой руке он держит наган, в левой — две коробки пулеметных лент.

Прохожий. Отползите в угол. Ну, дальше... Дальше... Сидеть смирно! *(Поднимает пулемет и ставит его на аналой у окна. Наводит, прицеливается.)*

Старуха *(тихо)*. Василий! Да что же это такое?

Мужик. Сошествие пресвятого пулемета с небес на землю. Терпи, баба, сейчас стрельба будет.

Резкий стук приклада в дверь. Прохожий кидается к двери. Голос: «Отворите, проклятые! Зачем заперлись?»

Прохожий. Сейчас, господин солдат! Засов заело. *(Хватает конец веревки и заматывает наглухо засов.)*

За дверью внезапный выстрел. Прохожий падает. Он лежит на полу, в руках его наган. Пробует встать и не может. В дверь стучат.

Прохожий *(мужику)*. Встань и подойди к окну.

Мужик. Не пойду!

Прохожий *(направляет на мужика наган)*. Ну!

Мужик *(нехотя)*. Ну, подошел...

Прохожий. Что видно?

Мужик. Стоят в строю возле ограды солдаты... Вот офицер вышел.

Прохожий. Пора! *(Хочет подползти к пулемету, но не может, падает.)*

Мужик. Вот офицеру коня подводят. Сейчас и все, видать, на коней вскочат!

Прохожий *(мужику)*. Послушай, возьми... подведи... подтащи меня к пулемету.

Мужик. Не буду! Да и что с тебя толку?

Прохожий поднимает наган.

Не буду!

За окном команда: «По коням!»

Прохожий. Так... бей же, бей тогда сам, коли не будешь!

Мужик *(резко пригнувшись к пулемету)*. А вот бить их я всегда буду! *(Обернулся.)* Стой, баба, на подаче вторым номером! *(Прицелился.)* Ну... теперь все как на ладони. *(Треск пулемета.)*

Занавес закрывается и тотчас же опять открывается. Мужик у пулемета. Бабка в одной руке держит коробку с пулеметной лентой, другой крестится. За окном шум, одиночные выстрелы.

Мужик. Всё, баба! Вот они ворвались, партизаны. Теперь и закурить можно!

Старуха *(яростно сует ему коробку с лентой)*. Вот еще! Храм табачищем поганить! Да ты стреляй! Нашел тоже место курить...

Мужик. Не в кого, баба, чисто, как после сенокоса. А где какой клок остался, так партизаны саблями подровняют.

Стук в дверь.

Кого надо? Служба окончилась.

Голоса: «Отворяй! Свои! Партизаны Дубова!» Мужик отодвигает засов. Входит Дубов, с ним еще несколько партизан. Дубов бросается к прохожему.

Дубов. Семен? Убит?!

Прохожий (*поднимая голову*). Ранен.

Дубов. Голова цела! Сердце на месте! Эй там, носилки!

Мужик (*обращается к партизану, показывая на прохожего*). А это что же за человек будет?

Партизан. Семен Васильев, первый у Дубова помощник.

Входят партизаны, вносят носилки и вводят связанного офицера. Офицер злобно смотрит на окружающих и вдруг замечает старуху, которая все еще держит в руках коробку из-под пулеметной ленты.

Офицер. А это у тебя что же, старая ведьма? Тоже огурцы в корзинке? Вот погоди, поволокут тебя за такие дела черти в пекло!

Старуха. И, батюшка! А ваш брат нам и на этом хуже всякого черта.

Дубов (*офицеру*). Оружие искали, ваше благородие? (*Партизанам.*) Выносите оружие, товарищи!

В это время раненого Семена бережно укладывают на носилки. А за окном вдруг грянула под гармонику партизанская песня.

Дубов (*в смятении*). Отставить! Не надо! Что разорались?

Прохожий (*приподнял голову*). Пусть поют. От хорошей песни крепче жить хочется.

Носилки с раненым уносят. Партизаны с песней переносят из церкви на улицу оружие.

Занавес

ПАРТИЗАНСКАЯ ПЕСНЯ

В дыму, в боях прошли мы,
Товарищи, друзья,
Кубанские долины,
Кавказские края.
Припев:
Дороженька очень крутая,
Свет месяца голубой.
Прощай, сторона родная,
Мы в новый торопимся бой.
Нам громы грохотали
И ветер завывал,
Когда мы занимали
Грачевский перевал.
Припев.

1939 г.

КОММЕНТАРИИ

ДЫМ В ЛЕСУ

17 мая 1939 года А. П. Гайдар записал в дневнике: «Дым в лесу» подписан к печати». Вскоре рассказ вышел отдельным изданием с рисунками А. Ермолаева (М.—Л., Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1939). «Дым в лесу» А. П. Гайдар включил в состав сборника «Рассказы» (М.—Л., Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1940).

Впервые был напечатан в журнале «Пионер» в 1939 году, в № 2.

ЧУК И ГЕК

Рассказ «Чук и Гек» А. П. Гайдар начал писать в декабре 1938 года. Опубликован он был в литературно-художественном журнале «Красная новь» в 1939 году, в № 2, под заглавием «Телеграмма».

В том же году рассказ вышел отдельной книгой (М.—Л., Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1939) с рисунками А. Ермолаева. Для этого издания Гайдар перерабатывал и совершенствовал рассказ и дал ему новое, теперь всем известное, название «Чук и Гек», включив его также в сборник «Рассказы» (М.—Л., Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1940).

Читатели, взрослые и дети, тепло встретили новое произведение А. П. Гайдара, писателя к тому времени уже зрелого и широкоизвестного. О «Чуке и Геке» справедливо писали как об одном из лучших рассказов советской литературы.

Прошло почти три десятилетия со времени создания этого рассказа. С годами он не теряет своей жизненности, краски его не

тускнеют от времени. Он многократно переиздавался, и все новые мальчики и девочки читают его. И даже младшие из них понимают главный смысл рассказа, понимают, что он — о счастье, о жизни, о Советской стране.

СОВЕТСКАЯ ПЛОЩАДЬ. ВАСИЛИЙ КРЮКОВ. ПАТРОНЫ. ПОХОД. МАРУСЯ. СОВЕСТЬ

Маленькие рассказы — «Советская площадь», «Василий Крюков», «Поход» и «Маруся» — были написаны для отрывного «Детского календаря» на 1940 и 1941 годы.

14 июня 1940 года Гайдар записал в дневнике: «Написал «Советская площадь» и «Поход» — маленькие новеллы».

Рассказ «Советская площадь» впервые напечатан в «Детском календаре» на 1941 год, на листке 2 января. «Поход» — там же, на листке 8 ноября. «Маруся» впервые напечатан в «Детском календаре» на 1940 год, на листке 17 мая. «Василий Крюков» — там же, на листке 9 декабря.

Рассказ «Патроны» в первом варианте появился в газете «Звезда» (Пермь) в 1926 году. В 1933 году он был напечатан в журнале «Пионер» (№ 24, декабрь) и затем, в переработанном виде, в «Пионерской правде» (1941, 27 мая).

Рассказ «Совесть» был опубликован в журнале «Мурзилка» в 1946 году (№ 8—9).

ТИМУР И ЕГО КОМАНДА

Замысел повести «Тимур и его команда» возникал у А. П. Гайдара постепенно, исподволь. Воспитывающую, умную, благородную игру Тимура и его команды, положенную в основу повести, писатель не выдумал за письменным столом. Он и сам однажды создал подобную команду и был ее командиром.

Писатель К. Г. Паустовский рассказывает:

«Года за два до того, как вышел «Тимур и его команда», Гайдар зашел как-то ко мне. У меня был трудно болен сын, и мы сбились с ног в поисках одного редкого лекарства. Его нигде не было.

Гайдар подошел к телефону и позвонил к себе домой.

— Пришлите сейчас же ко мне,— сказал он,— всех мальчиков из нашего двора. Я жду.

Он повесил трубку. Через десять минут раздался отчаянный звонок у двери. Гайдар вышел в переднюю. На площадке за дверью стояло человек десять мальчиков, очень взволнованных и запыхавшихся.

— Вот что,— сказал им Гайдар.— Тяжело болен один мальчик. Нужно вот такое лекарство. Я вам запишу каждому его название на бумажке. Сейчас же — во все аптеки: на юг, восток, на север и запад! Из аптек звонить мне сюда. Все понятно?

— Понятно, Аркадий Петрович! — закричали мальчики и понеслись вниз по лестнице.

Вскоре начались звонки.

— Аркадий Петрович! — кричал в трубку взволнованный детский голос.— В аптеке на Маросейке нету.

— Поезжай дальше. На Разгуляй.

Гайдар сидел у телефона, как капитан на мостике корабля. Через сорок минут восторженный детский голос прокричал в трубку:

— Аркадий Петрович, есть! Я достал!

— Где?

— В Марьиной роще.

— Вези сюда. Немедленно.

Лекарство было привезено, и сыну вскоре стало легче.

— Ну что,— спросил меня Гайдар, собираясь уходить,— хорошо работает моя команда?

Благодарить его было нельзя. Он очень сердился, когда его благодарили за помощь. Он считал помощь человеку таким же естественным делом, как, скажем, приветствие. Никого же не благодарят за то, что он с вами поздоровался» (Сборник «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», М., «Детская литература», 1964, стр. 189—190).

А вот еще одно воспоминание — писателя Р. И. Фраермана:

«Еще задолго до того, как он начал писать «Тимура и его команду», Гайдар говорил мне:

— Почему во все века ребята неизменно играли в разбойников? Ежели подумать хорошо, то ведь разбой всегда считался делом плохим и всегда наказывался. А между тем ребята — чуткий народ, они зря играть не будут. Тут дело в другом. Дело в том, что, играя в разбойников, ребята играли в свободу, выражая вечное стремление к ней человечества. Разбойники же в те прошедшие века были чаще всего выражением протеста несвободного общества. Советские же дети живут в иных условиях, в иное

время, не похожее ни на какие другие времена, и поэтому игры у них другие. Они не будут играть в разбойников, которые сражаются с королевскими стрелками. Они будут играть в такую игру, которая поможет советским солдатам сражаться с разбойниками» (Сборник «Жизнь и творчество А. П. Гайдара», М., «Детская литература», 1964, стр. 177).

В первом варианте повесть «Тимур и его команда» называлась «Дункан». В Центральном Государственном архиве литературы и искусства хранится отрывок из этого варианта под названием «Дункан», и Тимур в этой рукописи носит имя Дункана. Возникновение сюжета «Тимур и его команда» относится к декабрю 1939 года: «Прошлый год в это время, после поездки в Рязань, я взялся за работу над «Тимуром». Позапрошлый, в декабре, кажется, писал «Чук и Гек»... — отметил в дневнике Гайдар в начале декабря 1940 года. В тот период Гайдар увлекался работой для кино. Он написал киносценарии по повестям «Военная тайна» и «Судьба барабанщика», редактировал сценарии других авторов.

Сюжет «Тимур и его команда» Гайдар разработал и как сценарий для кино. Сценарий был напечатан в журнале «Пионер» в 1940 году, в № 7 и 8.

В своем дневнике Гайдар несколько раз писал о своей работе над режиссерским сценарием «Тимур и его команда».

Летом 1940 года картину снимали на Волге, а в конце года фильм уже вышел на экраны, и Тимур сразу стал самым популярным, любимым героем. Картину хорошо встретила и критика. Одна за другой в газетах появились статьи, в которых очень тепло говорилось о новом фильме.

Тревогой пронизаны записи в дневнике писателя за тот год. Только что закончилась война в Финляндии, назревали новые события. Гайдар вернулся к прерванной было работе над повестью о Дункане — Тимуре. «Сегодня начал «Дункан», повесть,— записывает А. П. Гайдар 14 июня 1940 года.— Война гремит по земле. Нет больше Норвегии, Голландии, Дании, Люксембурга, Бельгии. Германцы наступают на Париж. Италия на днях вступила в войну».

Через год началась Великая Отечественная война советского народа против немецкого фашизма.

В январе 1941 года ЦК ВЛКСМ провел совещание, посвященное трудовому и военному воспитанию детей. Среди других на совещании выступил и А. П. Гайдар. Это выступление было ответом писателя на вопрос: что теперь должен де́лать каждый?

Таким ответом были очень своевременно появившиеся и повесть и кинокартина «Тимур и его команда».

27 августа 1940 года А. П. Гайдар записал в дневнике: «Сегодня закончил повесть о Тимуре — больше половины работы сделал в Москве, за последние две недели».

Повесть была закончена 27 августа 1940 года, а 5 сентября первый отрывок из нее был напечатан в «Пионерской правде». В течение всего сентября и по 8 октября 1940 года повесть печаталась из номера в номер на четвертой странице газеты. Одновременно она передавалась в Москве по центральному радио. В 1941 году повесть трижды выходила отдельными изданиями.

Ни одна книга до того времени не завоевывала так быстро и так прочно симпатии советских детей, ни одна не обладала еще такой силой воздействия на них, как книга о Тимуре. В годы Великой Отечественной войны она подсказала пионерам и школьникам, что они могут оказать действенную помощь Советской Армии. Тимур, созданный Гайдаром, увлек за собой миллионы мальчиков и девочек.

В городах и селах, в пионерских отрядах, в школах, во дворах возникали тимуровские команды; зародилось тимуровское движение — патриотическое движение многих тысяч детей.

«Тысячи и тысячи пионеров и школьников взяли пример с Тимура и его товарищей и благородными делами помогают старшим в суровой борьбе с фашистскими разбойниками»,— писала «Пионерская правда» 19 июля 1941 года.

Тимуровцы выполняли самые разнообразные поручения. Из Пензы и из Саратова, из Серпухова и из Моршанска, из Полтавской области и из Сибири стали поступать сообщения о тимуровских командах.

В осажденном Киеве в тимуровские команды вошли многие пионеры и школьники. «Комсомольская правда» писала в те дни:

«Большую помощь семьям бойцов оказывают тимуровские команды пионеров и школьников. Вот характерный факт: 18 августа из Н-ской части прибыл боец. Он доставил 900 писем семьям бойцов и командиров, проживающим в Киеве. Боец обратился в горком комсомола с просьбой оказать ему помощь в быстрейшей доставке почты адресатам. В горком были вызваны сто тимуровцев. С их помощью все письма в течение одного дня были доставлены по назначению» («Комсомольская правда», 1941, 29 августа).

«Тимур и его команда» и сейчас одна из самых любимых детских книг. Всё новые и новые читатели книги, подражая Ти-

муру, учатся находить свое место в общих рядах строителей коммунизма.

Повесть переведена на языки народов СССР и многие иностранные языки, главным образом в социалистических странах.

КОМЕНДАНТ СНЕЖНОЙ КРЕПОСТИ

В январе 1941 года А. П. Гайдар закончил киносценарий «Комендант снежной крепости».

«Сегодня и завтра доделываю последнюю поправку к «Коменданту». Больше не буду»,— записал Гайдар 14 января 1941 года в своем дневнике.

Сценарий был опубликован в первом номере журнала «Пионер» в 1941 году.

Работал Гайдар над этим киносценарием с большим увлечением. Декабрьский дневник Гайдара в 1940 году заполнен множеством записей, свидетельствующих о вдохновенной творческой работе писателя.

«Надо резко перестроить снежную крепость,— записал А. П. Гайдар в дневнике 13 декабря 1940 года.— Мороз, снег. Меховые унты.— Интересно: а что, если образ Нины — это русская широкая песня?» 14 декабря снова: «Очень хорошо начал работу — продумал ночную смену часовых». И дальше в записи за 19 декабря:

«Вчера же вечером придумал важный поворот в «Коменданте крепости». Крепость взята и разрушена».

«...Потеплело. Ночью долго не мог заснуть. Волновала сцена у разгромленной крепости. Печальный Тимур и песенка Жени: «Гори, гори, моя звезда!»...

ГОРЯЧИЙ КАМЕНЬ

Сказка «Горячий камень» была опубликована во время Великой Отечественной войны, в журнале «Мурзилка» (1941, № 8—9), когда А. П. Гайдар уже был на фронте.

Это последнее произведение, опубликованное Гайдаром для детей.

КЛЯТВА ТИМУРА

Киносценарий «Клятва Тимура» был задуман как продолжение сценария «Тимур и его команда». Друзья А. П. Гайдара вспоминают, что он мечтал создать целую серию картин: «Тимур в комсомоле», «Тимур в армии».

«Клятву Тимура» А. П. Гайдар закончил в первые дни Великой Отечественной войны. В июле — августе 1941 года киносценарий печатался в газете «Пионерская правда» (№ 85—92, 19 июля — 5 августа).

Киносценарий вышел отдельной книгой в 1941 году, в Детгизе. Фильм «Клятва Тимура» снимался осенью 1941 года Союздетфильмом.

ФРОНТОВЫЕ ЗАПИСИ

Первое обращение А. П. Гайдара к молодежи и детям в дни Великой Отечественной войны было написано в Москве для радио — это был страстный призыв писателя: «Берись за оружие, комсомольское племя!» Позднее, в конце 1941 года, это обращение было напечатано в сборнике «Советским детям», выпущенном Детгизом.

В июле 1941 года А. П. Гайдар уехал на фронт, под Киев, в качестве специального военного корреспондента газеты «Комсомольская правда». Фронтовые записи Гайдара печатались на страницах «Комсомольской правды» и «Пионерской правды». Его корреспонденции с фронта имели пометку «От специального корреспондента «Комсомольской правды» и подписаны: «Действующая армия. Аркадий Гайдар».

Первая корреспонденция — «У переправы» — была послана Гайдаром в самом начале августа и опубликована в газете 8 августа, на третьей странице, под общей шапкой: «Героическим комсомольцам орденоносного 306-го полка — слава!»

20 августа в «Комсомольской правде» появился второй военный очерк писателя — «Мост».

Третий очерк А. П. Гайдара — «Война и дети» — был опубликован в «Комсомольской правде» 21 августа. В этот же день очерк «Война и дети» был напечатан и в «Пионерской правде».

30 августа в «Пионерской правде» было напечатано письмо Гайдара пионерам и школьникам перед началом нового учебного

года — «В добрый путь!». Это письмо известно несколько менее других фронтовых корреспонденций А. П. Гайдара.

Очерки «У переднего края» и «Ракеты и гранаты» были напечатаны в «Комсомольской правде» 17 сентября и 4 октября 1941 года.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

А. П. Гайдар писал не только для детей. В начале своей литературной деятельности он особенно много и активно работал в газетах. Некоторые из рассказов, написанных им для газеты, потом вышли отдельными изданиями и полюбились юным читателям. Многие же ни разу не переиздавались со времени первой публикации.

Произведения, написанные Гайдаром для газет, составляют неотъемлемую и органическую часть всего его творчества и свидетельствуют о большой разносторонности его таланта.

Рассказы

В этом томе помещено несколько рассказов и стихов, напечатанных Гайдаром в газете Московского военного округа «Красный воин» в конце 1927 и в начале 1928 года.

Почти все рассказы написаны по личным воспоминаниям о рядовых героях гражданской войны, кровью своей завоевавших новую, счастливую жизнь. Это Сережка Чубатов и Левка Демченко из одноименных рассказов, красноармейцы из рассказа «Орудийный ключ», Сережа Чумаков из рассказа «Бомба».

Действительные боевые эпизоды легли в основу этих рассказов, и выбраны они так, что показывают, как в нужный момент проявляются у советского человека мужество и сила, рождаются храбрость и находчивость, опирающиеся на любовь к Родине, на верность своему революционному долгу.

Живые, поучительные, эти произведения были адресованы новому пополнению Красной Армии, которому и передает старшее поколение свой боевой опыт («Проводы», «Ударник», стихотворение «Наш отряд»).

Рассказал Гайдар и несколько случаев своеволия и недисциплинированности, приведших к потерям на войне и послуживших

хорошим уроком для многих («Гибель 4-й роты», «Никчемная смерть», «Конец Левки Демченко»).

Рассказы, помещенные здесь, написаны до того, как была создана повесть «Школа», и в какой-то мере они были подготовкой к созданию «Школы».

Стихи

Как поэт А. П. Гайдар знаком читателям совсем мало.

Знают песни, которые поют герои книг Гайдара: Гек из рассказа «Чук и Гек», Светлана из рассказа «Голубая чашка», Жиган из «Р.В.С.», Алька из «Военной тайны», знают забавные стихи, которые сочинил маленький барабанщик из повести «Судьба барабанщика», песенки из повести «Тимур и его команда»,— и это, пожалуй, все.

Между тем много стихов Гайдара было напечатано в разные годы в газетах. Некоторые стихотворения, опубликованные в свое время в «Красном воине», помещены в этом томе. По своей теме почти все они, как и рассказы,— о гражданской войне. Это — отрывок из поэмы «Пулеметная пурга» (впервые напечатан в 1926 году в пермской газете «Звезда»), военные песни «Кавалерийская походная» и «Письмо», сюжетное стихотворение о герое гражданской войны («Наблюдатель») и некоторые другие.

ПРОХОЖИЙ

Пьеса в двух картинах «Прохожий» была закончена в августе 1939 года. 13 августа 1939 года Гайдар записал в дневнике: «...написал для сборника небольшую сцену в двух картинах «Прохожий». Говорят, что получилось хорошо».

Под заглавием «Старуха и офицер» пьеса была помещена в сборнике для детской художественной самодеятельности «К бою готовы» (М.—Л., Детиздат, 1939) и в том же году, в октябре месяце,— в журнале «Затейник». Музыка к партизанской песне, исполняемой в пьесе, была написана композитором М. Иорданским.

Ф. Эбин

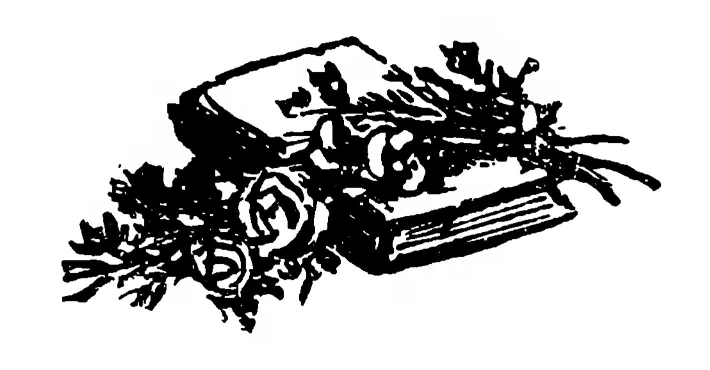
ФРОНТОВЫЕ ЗАПИСИ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

Рассказы

Стихи

Оформление В. Ладягина

Гайдар Аркадий Петрович

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ, ТОМ III

Ответственный редактор *Б. И. Камир*
Художественный редактор *М. Д. Суховцева*
Технический редактор *В. К. Егорова*
Корректоры *Э. Л. Лофенфельд*
и Г. С. Муковозова

Сдано в набор 6/IV 1972 г. Подписано к печати 20/VI 1972 г. Формат 84×108[1]/32. Печ. л. 12,5. Усл. печ. л. 21. (Уч.-изд. л. 16,15). Тираж 300 000 (1—150 000) экз. Цена 75 коп. на бум. № 1.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сущевский вал, 49.
Заказ № 4042.

